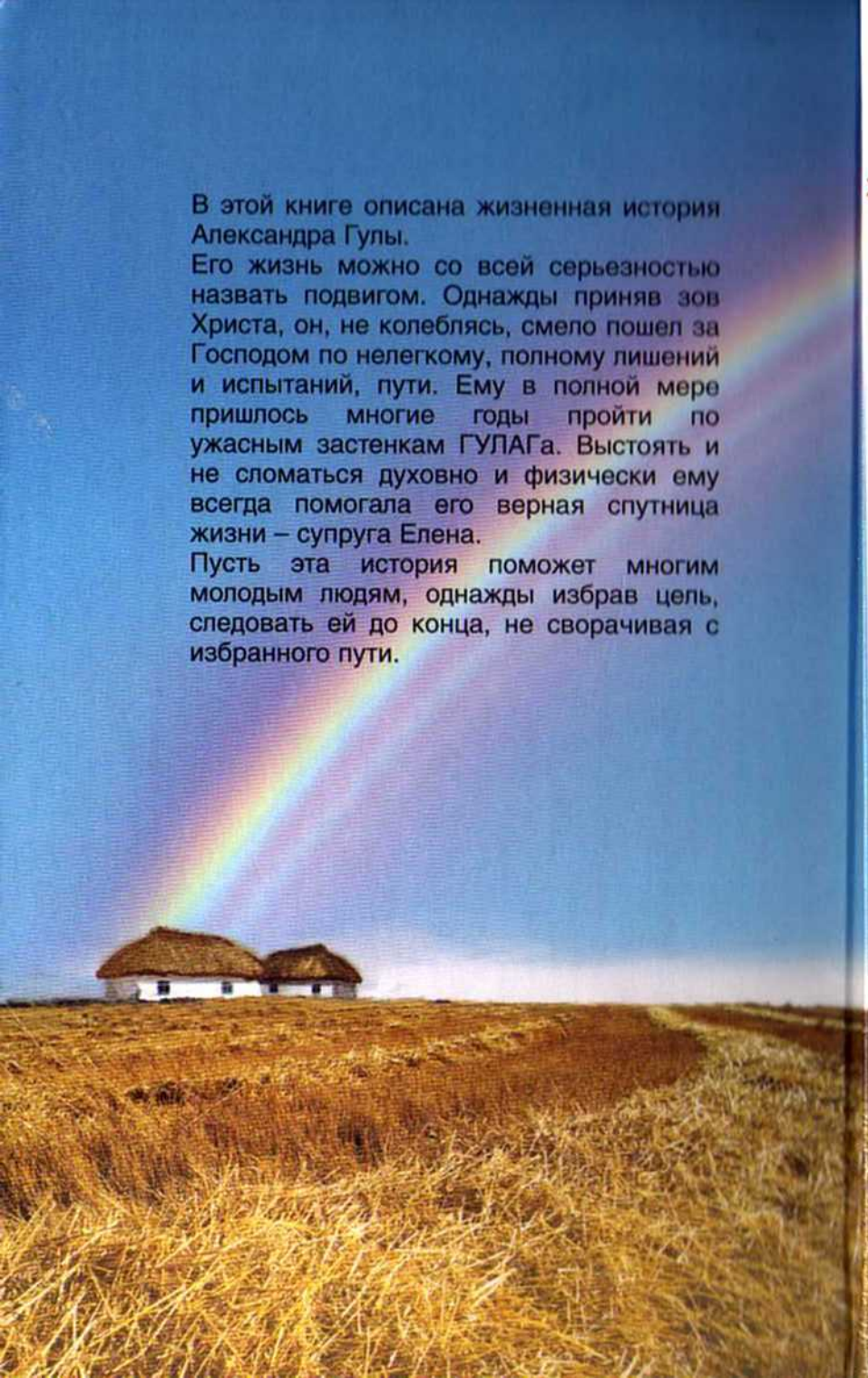

В этой книге описана жизненная история Александра Гулы.

Его жизнь можно со всей серьезностью назвать подвигом. Однажды приняв зов Христа, он, не колеблясь, смело пошел за Господом по нелегкому, полному лишений и испытаний, пути. Ему в полной мере пришлось многие годы пройти по ужасным застенкам ГУЛАГа. Выстоять и не сломаться духовно и физически ему всегда помогала его верная спутница жизни – супруга Елена.

Пусть эта история поможет многим молодым людям, однажды избрав цель, следовать ей до конца, не сворачивая с избранного пути.

ИДИ ЗА МНОЙ

Александр Гула

Александр Гула

ИДИ ЗА МНОЙ

Эту книгу я посвящаю своей доро-
гой, любимой жене Елене Васильев-
не, которая решилась идти со мной
этим нелегким путем, путем скор-
бей и лишений. В ней я нашел свое
сокровище земное, верного друга и
помощника и в жизни, и в труде на
ниве Божьей.

Александр Гула и его супруга Елена.

Вместе они прожили более 50 лет. Прошли нелегкий путь испытаний, многолетних застенков ГУЛАГа, и во всей их нелегкой жизни помогал им Господь.

Александр Гула

ИДИ ЗА МНОЙ

УДК 226
ББК 86.37
Г94

Приношу сердечную благодарность и признательность моим близким друзьям: Ноздрину Михаилу и Гаврилову Александру за их вдохновение, усердие и труд в издании сей книги.

Гула Александр.
Г94 Иди за мной / А. Гула. — Краснодар: Сов. Кубань,
2005. — 184 с.: фотогр.
ISBN 5-7221-0663-1

УДК 226
ББК 86.37

ISBN 5-7221-0663-1

© А. Гула, 2005

«Ко всем же сказал: Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною»

Лк. 9.23;

«...Ты иди за мною»

Ин. 21.22

*Иди за Мной, не подарю тебе сокровищ мира,
Одежды пурпурной, лаврового венца,
Я не создал тебя из золота кумира.
Ведь тернием украшена моя глава.
Но всё ж иди за мной, Я жизнь твою и сила.
Моё не тяжко бремя, оно так легко.
Сокровище Я дам тебе, чтоб путь твой озарило
И яркий свет сиял среди мира далеко.
У птиц есть гнёзда, у лисиц есть норы,
Нет у Меня порой склонить где головы.
Страдал Я на Земле и умер среди позора.
Тернистым шёл путём лишения и борьбы.
Я не имел приюта и покрова,
Где мог бы отдохнуть усталой головой,
Но всё ж иди за Мной, Я призываю снова,
Я приведу тебя навеки в Мой покой.
Иди за Мной, не утопай в слезах своей печали,
Когда любимое могила унесёт.
Есть утешения во Мне для горькой доли,
Блаженство и покой оно тебе даёт.
Пусть слёзы не зальют мечту о лучшем мире,
Пусть снова прозвучит твой голос молодой.
Не приклони главы к ногам земных кумиров,
Я призываю вновь: иди, иди за Мной.
Иди за Мной, пусть счастья призраки манят.
Не возвращайся к ним, иди Моей тропой,
Я дам покой, блаженство, не обманет
Голос Мой, всегда звучит: иди, иди за Мной.
Но кто идёт, не должен возвращаться
И, не оглядываясь, путь свой продолжать.
Среди Моих героев сильный клич раздастся:
«Скорей умрём, чем в битве отступить назад!»*

ВСТУПЛЕНИЕ

Евангелие от Луки 1:17.

В наше время мир все больше и больше погружается в аморальный образ существования; гордость, злоречие... и происходит это, как сказано в Священном Писании: «...во многих охладеет любовь». Казалось бы, всё хорошо: времена гонений миновали, церкви растут и умножаются, все имеют счастье и довольство, но на самом деле в народ Божий вторгается беспечие и равнодушие.

Эта книга описывает подлинные события, начало которых происходило в церкви, в селе Житенцы, и затем сопровождали жизнь автора по многим городам и весям нашей необъятной страны. Эта история сможет послужить поводом к размышлению для многих верующих.

В то время царил коммунизм, и ярые последователи коммунизма пытались уничтожить в христианах живую веру в Бога. Верующих подвергали насмешкам и издевательствам, отправляли в ссылки, лагеря, где их вера переносила жесточайшие испытания. Но несмотря ни на что многие христиане, пройдя этот трудный путь лишений и скорбей, путь преследований и гонений, всё же сохранили верность Богу до конца.

Это было трудное время. Тогда, как многие братья-священнослужители находились в лагерях, диавол всячески пытался извратить веру в Бога, сея соблазны, ереси и различные ветроучения. В этой книге описа-

ны исторические примеры того, как наряду с обилием благодати Божьей распространялось и обольщение и входило в народ Божий, во многие церкви. К сожалению, многие терпели кораблекрушение в вере.

Нам бы очень хотелось, чтобы читатели, прочитавшие эту книгу, зажглись любовью к Господу и любовью к своим ближним. Если кто-то имеет беспечие и равнодушие, то чтоб оно было с корнем удалено из их жизни. А так же хотелось, чтоб Бог, чрез эту книгу, мог сделать сердца наши способными сохранить то чистое и не искажённое учение, которое передает нам Евангелие. Чтобы Бог делал наши сердца готовыми к любым подвигам веры ради служения Господу и нашим ближним.

М. В. Ноздрин,
В. Ю. Хваль

Часть I

ИДИ ЗА МНОЙ

«В Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было»

Пс. 138:16.

Воспоминание открывает нам окно в прошлое. Оно не только сообщает нам сведения о прошлой жизни людей, но еще и дает нам ценный жизненный опыт прожитых лет, иногда хороших, а иногда и суровых. Обычно вспоминается то, что запомнилось. Да и для каждого возраста есть свое запомнившееся событие в жизни, что в свое время произвело сильное впечатление. В этом повествовании описана история странствования моей жизни, начиная с ранней молодости до старости, ибо пришлось в старости оставить землю моих отцов и родной край и ступить ногами на американскую землю. Но в этом есть воля Божья. Ибо без Его воли ничего не происходит в жизни христианина, уповающего на Господа.

Я родился на Украине в селе Житенцы Любарского района Житомирской области в декабре 1924 года. Село наше ничем не отличалось от других сел. Оно расположено было в степной зоне чернозема с горным рельефом. Домики были обычно из глиняных стен. В этой местности нет рядом леса, а потому и дома строили из глины, и полы в домах тоже глиняные. Нелегко жилось людям в деревнях, не было транспорта, одни лошади и те колхозные. До железнодорожной станции расстояние было 24 км, до районного центра Любар — 15 км. Люди постоянно

ходили пешком и носили различные тяжести на плечах. В то время Советская власть не проявляла никакой заботы о людях, особенно о колхозниках. Людей принуждали платить налоги за все, что имели и даже чего не имели. Необходимо было сдавать государству за год 40 кг мяса, хотя сами его не ели, 280 яиц, 250 литров молока. Советская власть была поборница против религии, против веры в Бога. Здесь сатана нигде не упускал своих возможностей. По всему Союзу проводилась эта лукавая пропаганда, что Бога нет. И не только в больших городах и районах, но и в селах проводились лекции по атеизму. Учителей собирали на семинары, обучали проводить атеистическую пропаганду, чтобы отвращать людей от Бога. В общеобразовательных школах с первого класса действительно учили, что Бога нет, и по окончании десяти классов в умах детей заложен был прочный фундамент атеизма, но, к счастью, не у всех. Так вот и я, один из тех, который «нахватался» этой вредной атеистической идеологии, и по окончании девяти классов я уже был активным комсомольцем, состоял в союзе воинствующих безбожников и вел работу с верующими, доказывая им, что Бога нет. Несмотря на то, что отец верующий еще с 1932 года и состоял членом баптистской общины и по воскресным дням водил меня и старшую сестричку Аню в собрание. В моей памяти сохранились некоторые псалмы, которые пели верующие. Вечером отец собирал нас на русской печке и читал вслух Библию, рассказывал истории из Библии. Но при всех своих стараниях он не мог привить нам веру в Бога. Может, из-за страха, потому что в то время, с 1936 по 1939 год, много было арестов, каждую ночь «черный воронок» увозил из села по несколько человек, и весь народ был в страхе и трепете. Каждую ночь, ложась спать, мы прощались с отцом. Утром слышим, что этой ночью увезли семь человек — и так повторялось каждую ночь. Народ в панике, в воплях от разлуки увозили безвозвратно и без каких-либо известий. На христиан говорили, что они враги народа, в знак этого все колодцы с водой замыкали на замки и в назначен-

ное время открывали, чтобы люди набирали воды из колодцев, поили скот, ибо в прудах и речках не разрешали, говоря, что враги народа хотят отравить воду. Многих верующих увозили, и они уже не возвращались в свои семьи. Тогда действовала «ежовская рукавица». Лишь в 1956 году, разыскивая своих родственников, многие узнавали из документов КГБ, что все они были расстреляны как враги народа.

Верующие собирались очень редко, и многие уходили из церквей. Община баптистов в нашем селе и в нашем районе прекратила свое существование. Лишь с 1939 года у нас в селе вновь появились несколько человек, которые именовали себя уже не баптистами, а пятидесятниками (христиане веры евангельской). Но до войны 1941 года они находились в глубоком подполье. Это было новое движение, или учение, которого не было ранее ни в нашем селе, ни в районе.

МОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Я учился в Ново-лабинской средней школе. В 1941 году, окончив 9 классов, я возвратился на каникулы домой, в село Житенцы. Мне предложили на время каникул принять должность секретаря сельского совета. Я согласился, а через несколько дней объявили, что началась война, и мне пришлось получать указания из военкомата о мобилизации и отправлять людей на войну. А через неделю всех моих сверстников, в том числе и меня, вызвали в военкомат, но там никого не оказалось, так как все эвакуировались в тыл. Мы возвратились домой, но, как патриот родины и комсомолец, я решил тоже эвакуироваться. Отца с начала войны мобилизовали эвакуировать колхозный скот в тыл. Мы с мамой, меньшим братом и сестрой взяли пару лошадей и, погрузившись на подводу, решили тоже уезжать вместе с отступающей армией. Проехавши километров 40, к нам подошел один офицер и стал нас уговаривать, что мы не сможем уехать, ибо немцы через несколько дней будут уже здесь. Он говорил: «Вам нечего их бояться, вы будете также жить и работать, оставайтесь и живите». Мы послушались и вернулись домой.

В наше селение через две недели после начала войны вошли немцы. Война — это разрушение. Никто не думал ни о строительстве жилья, ни о новых домах, ни о благоустройстве. У всех опустились руки, и никто не принимался ни за какую работу. Фронт прошел, и на первое время пришло безвластие. Жили все одни днем, думая, что будет дальше. Но для верующих настало новое время. Пришла воз-

возможность открыто на улицах села проводить свои собрания. И почти все жители села с интересом шли послушать Слово Божье.

Был июль 1941 года. Мои товарищи тоже ради интереса пошли на это открытое богослужение христиан веры евангельской, которым руководил Гребенчук Петро. На этом собрании первыми обратились к Господу самые преступные люди селения, о которых все говорили, что «их только могила может исправить». Я в это время отсутствовал, был в отпуске вместе с учителями нашей деревни.

Моих товарищей на этом собрании поразило обращение таких грешников к Богу. Раньше мы стремились путем науки, путем лекции, которые мы читали односельчанам в клубе, научить людей уважать друг друга, не делать зла, не ругаться, не драться, не пьянствовать, жить мирно, сострадая друг другу; в трудную минуту помогать друг другу. В этом есть счастье и цель жизни. Но, к сожалению, мы не увидели желаемых плодов от наших лекций. И вдруг какой-то малограмотный Петр смог увлечь этих преступных людей, о которых мы не мыслили, что их можно убедить оставить прежний образ жизни. А сейчас стало реальностью, что они покаяться пред всеми присутствовавшими и стали жить честно, уважая ближних и служа им. Для нас это было совершенно непонятным.

Второе, что они увидели: многие из верующих, которых они лично знали, были совершенно неграмотными, а молились на ином языке. Молились минут десять. Но при беседе с ними люди уяснили, что они абсолютно никакого иностранного языка не знают, а говорят, что это есть то, что написано в Евангелии. Что Бог на всех уверовавших изливает Дух Святой, и что Он нисходит сверхъестественно со знамением иных языков, как это было в первой Апостольской Церкви (Деяние, 2-я глава). Языки суть знамение от Бога для неверующих и являются доказательством того, что они спасены, и Дух Свя-

той для них является залогом, что они имеют жизнь вечную (Ефес. 1:13-14).

«Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом, не верующий Богу представляет Его лживым, потому что не верует в свидетельство, которым Бог свидетельствовал в Сыне Своем. Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его» (1Иоанн. 5:10-11).

Они во время молитвы ощущают сходящую на них силу и начинают говорить на незнакомом языке. Сердце наполняется миром, теплотою, назиданием и неземным вдохновением. Они молятся иногда не десять минут, но час, и два, и больше, при этом ощущают в себе приятное душевное успокоение, мир и радость.

Для нас это было непонятным и приводило при рассуждении в тупик. Ведь они призывают всех без выбора, и молодых и старых, грамотных и неграмотных. Дверь в это общество открыта всем свободно, как грамотным, так и неграмотным. Если туда попадает человек образованный и они его научат этим языкам, какому-то бессмысленному бормотанию, чего сами не понимают, то он это обнаружит, и их влияние на людей уменьшится. Таким образом их община рассыплется. Наблюдая на протяжении долгого времени, община эта увеличивается и пополняется все новыми и новыми людьми, и грамотными, и неграмотными, и пожилыми, и молодыми. Посоветовавшись между собою, товарищи уполномочивают меня еще раз сходить в собрание верующих, еще раз проанализировать два вопроса, которые нас волновали: 1) Есть ли среди них дружба, любовь и честность; 2) Что такое говорение на иных языках. Это действительно сверхъестественное проявление или какое-то бессмысленное бормотание?

Еще в детстве мы, играя, разделяли слово по слогам и прибавляли к каждому слогу приставки. А другие дети, не зная этого, не понимали, что мы говорим. Мы думали, может и здесь что-то подобное.

В 1940 году мой отец принял учение пятидесятников и стал проповедником. Однажды беседа с двумя пожилыми женщинами (неграмотными), я зашел в тупик, так что не мог ничего им сказать. И, признав свое поражение, решил, что я прочитаю Библию и тогда им докажу. Придя домой, я сказал отцу, признав свое поражение, но заверив, что я постараюсь прочесть всю Библию и все же доказать им, что они не правы, и что Бога нет.

Отец ответил: «Да благословит тебя Бог, чтобы ты смог прочитать Библию, но я скажу тебе, сынок, что Библия — это не художественная книга, которую ты с увлечением прочтешь и расскажешь. Библия — это духовная книга, и она отличается от прочих книг тем, что в ней в немногих словах сказано очень многое, тогда как в прочих книгах во многих томах сказано очень немногое. И потому ты не сможешь ее прочесть».

Предположение отца оправдалось. Я принялся читать день, два. Читая, с трудом мог кое-что понять из прочитанного, а через несколько дней я перестал ее читать, как непонятную книгу.

ОСЕНЬ 1941 ГОДА

В то время секретарь партийной организации Бронислав Лукашевский остался незавакуированным с русскими войсками. Немцы заподозрили его как еврея, он дважды задерживался ими и был близок к смерти, но односельчане вступились за него, доказывая, что он не еврей, а поляк. Это его сильно устрасило. Когда он был секретарем партийной организации, то много делал зла, особенно верующим. Выслеживал, где они собираются, находил и отправлял в район. Если бы кто-то сказал немцам, что он был секретарем и преследовал верующих, то ему пощады не было бы. И в страхе он начал внутренне искать Бога, но придти на собрание стыдился, потому что гнал верующих. Он раньше работал бригадиром тракторной бригады, а в колхозной столовке работал Адольф из баптистов, а жена его и дочь были пятидесятниками. Бронислав решил обратиться к Адольфу с вопросом, как ему спастись и куда ему идти: к баптистам или пятидесятникам? Адольф говорит ему:

— Не ходи ни к баптистам, ни к пятидесятникам, а молись дома, чтобы Бог спас тебя, если ты веруешь, что Бог есть.

— Тогда научи меня молиться «Отче наш», я не умею.

— Ты сознаешь, что ты грешник?

— Да!

— Ты сознаешь, какие ты делал грехи? Покайся, попроси прощение у Бога и попроси, чтобы Бог соединил тебя к спасенному народу.

При этом подарил ему Евангелие и показал, что там есть молитва «Отче наш». Все это он воспринял

верой и начал приводить свою жизнь в порядок. У него была жена и пятеро детей. Он был первый в деревне грешник, который платил алименты. Он открылся во всем жене, и они начали в посте и молитве звать к Богу о помиловании, чтобы Бог их спас и присоединил к Своему народу. И это продолжалось около двух недель. Он нигде не появлялся в обществе, а всей семьей читали и молились. И вот однажды его сердце наполнилось невыносимой жаждой молиться, и он начал изливать свою душу и сердце наедине перед Богом. Однажды, помолвившись с семьей, решил отправить их отдыхать, а сам, дождавшись, когда они уснули и, оставшись один в комнате, склонил колени и начал молиться. Сердце его сокрушилось в раскаянии со слезами перед Богом, и в этот момент он заговорил на незнакомом языке и особая радость наполнила его душу. Он не помнит, сколько времени он молился, но по окончании он видит, что жена его и дети тоже молятся. Он в великой радости расцеловал их и говорит жене:

— А теперь я пойду искать собрание верующих.

Он пошел к одному дому, где собирались верующие, но там было темно. Он постучал и спросил детей, где мама и где собрание. Они сказали, что мама на собрании у Партык, он побежал искать. Время было позднее, и собрание, которое проходило среди недели, уже окончилось. Многие уже разошлись, а некоторые остались для беседы. И вдруг он входит в дом взволнованный и в сердечном восторге, с сияющей радостью говорит:

— Слава Иисусу Христу!

Плача от радости, начал всех подряд целовать и мужчин и женщин, и они в удивлении смотрели на него. Пригласили его сесть, и он начал рассказывать всю историю, происшедшую в его жизни за эти короткие дни, как Бог дал ему покаяние. Как он искал истины и какие ему были даны советы, как он постился и молился и как он стал говорить новыми языками, и как внутренность его наполнилась какой-то теплотой и душевной радостью, которую он никогда не испытывал прежде, и любовью к людям.

С этого вечера он со своей семьей начал регулярно посещать собрание верующих. К ним приезжала в гости молодая племянница, и она начала тоже посещать собрание верующих. Меня и моих товарищей: Мельникова Владимира Игнатьевича и Жируна Петра, особенно взволновало, как это так, что жестоко настроенный против верующих и преследовавший их человек, будучи идейным коммунистом, вдруг сам стал верующим. Мои товарищи вновь уполномочивают меня пойти и сделать свои выводы по двум вопросам: 1) Почему среди них такая любовь, которая как магнитом притягивает и увлекает сердца и умы людей и молодых, и старых, и все находят что-то общее и интересующее их? 2) Как они молятся на иных языках? Чем это объяснить? И назначили мне срок. Новый 1942 год. Итак, мне предстояло пойти на их собрание и сделать свое заключение.

Исполнять поручение моих товарищей у меня не хватило мужества, так как мой отец был у них проповедником. Придти, как соглядатай, я не мог ради своего отца. И второе, сразу пойдут разговоры по селу, что и Саша пошел в штунды (так на Западной Украине называли всех верующих-протестантов). За мое малодушие мне товарищи сделали выговор, говоря: "Ведь мы должны все исследовать, и если это действительно есть какая-то сверхъестественная сила, как говорят, от Бога, то, следовательно, есть Бог, которого мы отвергли. А если есть Бог, как высшее существо, и есть его совершенный закон, то следует обратить на это внимание. Жизнь дана однажды, и ее нужно разумно прожить. Не правда ли это?" Итак, мне вновь назначают новый срок на 7 января, на Рождество, сходить и все-таки сделать выводы.

Здесь мне немного повезло, отец мой и многие верующие отправились в двухнедельное посещение по селам проводить рождественские собрания. Я понял, что это удобный момент для меня пойти на собрание. Я сидел дома и переписывал частушки. Неожиданно к нам пришли родственники, сестра со свекровью и тетка с сыном, за мамой и меньшим братом.

Приглашают и меня посетить их собрание. Я промолчал, зная, что мне надлежит сегодня там быть, но не по их приглашению.

Я узнал, что собрание будет в доме Лукашевского, бывшего секретаря коммунистов. Меня это удовлетворило. Побыв еще немного времени дома после того, как мои все родственники ушли, поскольку мне нужно было, чтобы они уже все были собраны, я решил идти, а внутри — борьба. Что скажут люди, ведь они не знают, что я исполняю поручение товарищей и иду не для того, чтобы быть верующим, а расследовать и сделать свои выводы по вопросам, интересующим моих товарищей. Я направился к дому собрания. Дорогой не раз останавливался в раздумье: пойти или не пойти. Но все же, собравшись с силой, я решил пойти. Мне и здесь посчастливилось. На подходе к дому меня встретила верующая девушка, моя родственница Настенька, и я смело вошел за ней в дом. Собрание уже шло. Войдя в дом, я услышал, что она сказала: «Слава Иисусу Христу!» И меня бросило в жар от того, что я сказал половину фразы, а другую половину я не договорил. Впоследствии я узнал, что она сказала: «Приветствую вас всех любовью Господа нашего Иисуса Христа». Мне дали место, и я сел. На проповеди, когда я вошел, стоял Бронислав Лукашевский, читал из Евангелия от Иоанна 15 главу без толкования от начала до конца. И сразу призвал к молитве. Из прочитанного места мне стал ясен ответ на первый вопрос: почему среди них такая взаимная любовь, честность. Они слова Христа принимают верой, как закон, подлежащий исполнению, и имеют участие в вечной жизни. Услышав призыв к молитве, все стали на колени и начали молиться. Я встал на ноги и сосредоточил внимание на двух людях. Мне важно было уловить момент, когда они от родного языка перейдут к молитве на иных языках. Я внимательно следил, какие произойдут изменения в лицах и поведении, но, к моему удивлению, все было чинно и спокойно и как бы все по обыкновению. Они начали молиться на непонятном наречии спокойно, уверенно, выражая все новые и новые фра-

зы на каком-то ином языке, который я никак не мог понять. Я был поражен и пришел к убеждению, что подлинно это есть сверхъестественное проявление. С таким впечатлением я возвратился домой, не говоря никому ни слова. Дома меня не спрашивали ни о чем. Мои родители и брат, и сестра как бы не интересовались, где я был и что делал.

На столе лежала большая настольная Библия. Я взял ее, открыл наугад и стал читать. Это была третья книга Ездры. На меня напал страх. Мне казалось, что уже последнее время и я, видимо, опоздал. Собравшись с силами, я пошел к товарищам отчитаться. Встретившись с ними, я рассказал все свои впечатления. А они мне говорят: «Следовательно, есть Бог, и мы Ему должны служить. Мы советуем тебе не возвращаться обратно, но идти к верующим. Углубиться больше, познать все глубже, ведь тебе препятствий нет, родители твои верующие, а вот нам нужно еще поработать со своими родителями». Володя был один у родителей. Отец его был председателем кооператива, а потом председателем сельского совета. Добровольно ушел с отступающей армией и при переправе через Днепр погиб. Мать у него активная, боевая женщина в светском обществе. Петр был женат, имел уже сына и работал бухгалтером в колхозе. У него свои семейные проблемы. Меня проводили с миром, пообещав, что со временем подготовят почву в домах, станут тоже верующими и мы вновь совместно будем трудиться уже на ниве Божьей.

Но время делало свое. Постепенно я приобщился к молодежи, подружился с ними. Одних сестер было 57 душ. Бог благословлял наши общения, крестил Духом Святым, и через некоторых было пророчество. Среди молодежи была простота во всем: в одежде, в поведении, в скромности, в дружелюбии, в общительности. Учились проповедовать, петь во славу Божью, и всегда была благодать на собраниях. Среди молодежи не было шуток, смеха, а было благоговение, в проповедях ли то или в молитвах, или в пении. Молитвы были общие и одиночные. В собра-

ниях чувствовалось присутствие Божье, часто исполнялись духовным пением, исследовали Слово Божье в беседах. И рассказывали стихотворения. Иногда проводили время только в молитвах, и были пророческие слова, очень простые, например: «Дети Мои, Я с вами. Я слышу вас, бодрствуйте, стойте в вере, храните себя в любви Моей». Эти слова так вдохновляли нас и назидали, ибо мы искренне верили, чувствовали радость, что с нами Бог и Он слышит и смотрит на всяком месте на каждого из нас. И был страх на каждом человеке, чтобы не огорчить или не оскорбить Духа Святого. Молодежь специально делала из тетрадей себе гусли и в них переписывала псалмы, которые пели. Впоследствии мы научились переплетному делу и делали специальные сборники, которые вмещали около 1000 псалмов. Писали псалмы все печатными буквами, ходили по селам и скупали старые Библии и Евангелия, и вновь делали переплеты. В простые тетради переписывали стихотворения и рассказы. Я не работал в то время, а старался проводить время в постах и молитвах. В день я совершал 7-8 молитв. А также переписывал себе псалмы и читал Слово Божье. Чтобы не отвлекать родителей, уходил в сарай или в погреб, там свободно открывал свое сердце пред Богом. И был вполне уверен, что Бог меня слышит, при этом чувствовал вдохновение Божьей благодати, хотя еще не был крещен Духом Святым. Меня все влекло любопытство, как это будет, когда Бог меня крестит Духом Святым, и я буду говорить на иных языках. И вот долгожданная минута настала для меня 9 февраля 1942 года в половине одиннадцатого утра. Несколько душ сошлись для молитвы, и на этой молитве Бог первым крестил моего товарища Франкова Петра, он заговорил иными языками, и сила Божья коснулась меня. Я сильно удерживал язык, стараясь говорить знакомые слова и молитвы, а выговорить уже не мог, потому что Бог брал в удел мои уста и мой язык, и, несмотря на все мое сопротивление, потекла живая вода Святого Духа. Новая жизнь в вере и сердечной радости наполнила мою грудь. И

началась новая жизнь веры и любви. Однажды меня попросило начальство колхоза отвезти партию хлеба на ст. Печановку, которая находилась в 24 км от селения. Была зима. Мне дали сани и пару лошадей. Мы загрузились и вместе с другими односельчанами направились в путь.

Украина густо покрыта селами. Проезжая, я смотрел на свежевыбеленные мазанки, крытые соломой, на заснеженные поля, деревья, покрытые инеем, и представлял всю планету с миллиардами населения. И при этом око Господне над каждым из живущих! И однажды, когда я молился с определенной нуждой, на меня Бог призрел и крестил Святым Духом. Я восхищался от радости, от сердечного восторга. Как велик Бог, как верно Слово Его! «Всякий просящий получает». В моей жизни в то время самое любимое занятие было — молитва, беседа с Богом. В молитве я получал самое большое назидание, просвещение и утешение. Шла весна 1942 года. Многих увезли в Германию на работу. Меня много раз вызывали на комиссию, но оставляли. И однажды я видел чудесный, изумительный сон, и я был уверен, что это сон от Бога. Мне было во сне сказано, что в Германию меня не возьмут, но придет время, и буду я ещё за границей проповедовать слово. И я в то время с полной уверенностью возвещал, что меня по причине болезни оставляли, а вместо меня взяли отца и отправили в Германию на работу. Из каждой семьи по одному, а то и по два забирали в Германию на работу.

Наступила весна. Все население сел вышло в поле на различные сельскохозяйственные работы. Обеденный перерыв в колхозе длился два часа, так как рабочий день для колхозников начинался с зарей и заканчивался поздним вечером. Перед обеденным перерывом все, идущие с работы на обед, собирались для молитвы в один из домов к верующим, а затем шли по домам. Однажды я был вынужден не пойти на работу, а остаться дома, чтобы починить себе обувь, и, увлечшись работой, не заметил, как наступил обед. Быстро одевшись, побежал на место, где мы сходились для молитвы. Но собравшиеся уже по-

молились и расходились по домам. Тогда я пошёл к своей сестре, там были собраны для молитвы домохозяйки и старушки. И когда начали молиться, нас посетила сила Духа Святого. Я открыл глаза, и вот слева от меня стояла на коленях свекровь моей сестры Ани. Вдруг Господь наполняет её Святым Духом, поднимает её в воздух и предо мной на высоте примерно 60 см, как она стояла на коленях с согнутыми ногами, в воздухе переносит на правую сторону и опускает возле одной сестры. И к ней было слово от Господа. Я это всё видел открытыми глазами. А после молитвы я не мог свободно идти домой. Я был наполнен силой Духа Святого. Я бежал, подпрыгивая от радости, и хотел всем говорить, как велик Господь, как чуден. О, если бы вы вкусили благодать Господню и сил будущего века!

Душевный мир и неизречённая, присланная с неба радость наполнили мою душу. Придя домой, я вновь уединился для молитвы. Пошёл в погреб, склонил колени и начал благодарить и славить Бога за чудные и дивные дела Его. И вдруг меня наполнила сила Бога. И через мои уста и мимо моей воли прошли пророческие слова на русском языке: «Узы и скорби ожидают многих из народа Моего, и великие моры, а некоторые прольют кровь за завет».

Это было 15 апреля, 1942 года в 14 часов. Я в страхе и трепете поднялся с колен, пошёл домой и начал молиться, чтобы Бог вразумил меня и открыл через Слово и утвердил. Открыв Библию, я начал читать слово, которое стало бальзамом для моей души. Вечером я пошёл к сестре-соседке Ане, а к ней приехала сестра Юстинка, которая посвятила себя Господу. Она посещала церкви, служа Словом Божиим для обличения, вразумления и наставления. Я ей рассказывал как матери подробно, что пережил в этот день на молитве. Она внимательно выслушала и утвердила меня в истине, и наставила, как вести себя в дальнейшем. Она не связывала себя делами житейскими, а постоянно посещала церкви в нашем районе. И в беседе постоянно поучала народ служить Богу в чистоте и святости.

Часть II

Глава первая

НАЧАЛО ПУТИ

В 1938 году в Любар прибыл брат Сидор из Каменец-Подольской области (ныне Хмельницкая) на принудительные работы на строительство автотрассы Киев-Варшава. Он был из церкви, имеющей дары Духа Святого, и был крещён Святым Духом. Ему было открыто Святым Духом, чтобы он поехал в нашу местность, ибо там Бог усматривал много народа для Себя (у нас были только баптисты). Но он не решился ехать, и ему было сказано тогда, что если ты не поедешь добровольно, то я другим путём поведаю тебя туда. Он был сапожником, а до войны строго наказывали за «самовычинку», хотя обуви в магазинах почти не было, а кожу животных надо было сдавать государству. К нему однажды неожиданно пришли с обыском и обнаружили, что он шил сапоги из кожи самовычинки. Когда его спросили, чья вычинка, он, чтобы не выдать тех людей, сказал: «Если у меня — значит моя». Его судили и дали три года принудительных работ и отослали в наш район. Прибывши на место, он начал посещать общину баптистов и стал беседовать с людьми. Многие доверялись Слову жизни, и Бог начал крестить их Святым Духом. Эта волна покатила по всему району, так что многие вышли из баптистов и начали собираться отдельно. Брат Сидор был одарован дарами Святого Духа. Церковь росла, и весть об этом быстро

распространилась по всему району и за его пределы. За три года образовалось более десяти церквей. Народ Божий находился в великом страхе, смирении, в первой любви и общительности. Бог обильно изливал от Духа Святого на народ. Брат Сидор отбыл три года сроку, а начальство его не отпускает. Прошёл месяц, другой, а его не отпускают. Тогда он обратился в молитве к Богу, чтобы узнать, что за причина. А Бог говорит, что не начальство не отпускает, а народ Мой молится, чтобы ты был с ними, и Я по молитвам народа побуждаю сердце начальствующих, чтобы не отпускали тебя. Тогда он обратился к церкви и начал просить, чтобы церковь отпустила его, так как у него дети и жена, и пообещал, что не оставит их, а будет посещать. Они помолились, благословили его, и он пошёл вновь к начальству. Те без слов отдали ему документы, и он уехал к своей семье. Своё обещание в дальнейшем брат в точности исполнял. Но собрать их со всего района в те времена было не легко, а среди местных братьев кому было поручить это. При нём всегда находились сестры, которые от всей души старались научить и принять всё то, что могли. Они с братом Сидором часто пребывали в молитвах и были свидетелями многих дел Божьих в проявлении силы Божьей с дарованием даров Святого Духа.

Брат Сидор имел помазание от Господа и живую веру в обетование Божье. Он жил и действовал верою. Приезжая впоследствии на ст. Печановку, он заходил в близлежащее селение Коростки, где жил один брат, который очень переживал, как собрать народ на служение. Тогда не было не только машин или мотоциклов, но даже велосипедов, а расстояние большое. Но брат Сидор всё утешал его: «Не беспокойся, мы сейчас помолимся, расскажем Господу. Святой Дух побудит сердца и всех их соберёт».

Так они и сделали. И пока они добрались в район, друзья все уже по побуждению сердца и по откровению Духа Святого были на месте. Так проходили встречи, беседы о слове Божьем. Брат Сидор, как око

церкви, имел откровение о каждой душе. Он смотрит на человека, читает и говорит всё, что в нём есть, было и будет. Всё это очень утверждало веру в народе, и народ учился жить и ходить верою. Наступил 1941 год. Органы госбезопасности все знали о нём, и когда началась война, они замыслили уничтожить его.

Бог открывает замысел КГБ брату и то, что он состоится. И указывает ему время отхода, и он принял это верою, приготовил себя, помылся в бане, переоделся, попрощался с женою и детками, возвестивши о своём отходе. Через некоторое время приходят в дом два человека из КГБ и предлагают пройти с ними. Вышли из дома и заявили: «Довольно тебе молиться за Гитлера и ездить собирать банды». Отвели метров триста и расстреляли.

Церковь Божья, которая родилась на Житомирщине через труды брата Сидора, ничего не знала о происшедшем с братом. Лишь когда прошёл фронт, тогда посланцы церкви пошли пешком, чтобы узнать о жизни брата, но его уже не было в живых. А о происшедшем они узнали от жены и друзей. С великой скорбью возвратились посланцы и рассказали обо всём. Много молитв возносилось к Богу, ибо народ лишился своего пастыря, а церкви только-только становились на ноги. Никого из братьев не осталось заместителем, но активную работу ещё при брате Сидоре проводили сестры и надо сказать, что они были благословенные Господом, как в даровании Святого Духа, так и в познании Божьей премудрости. Они проводили глубокие христианские беседы о святости и чистоте, о преданности Господу. Многие из них имели пророческое служение, в котором Бог употреблял их, открывая многие тайны церкви и возвещая будущее. Народ относился к ним с особым почитанием и уважением. И когда не стало в живых брата Сидора, то в начале на их плечи пали все тяжести труда, и особенно на двоих: Юстинку и Надю.

Одна из них была в возрасте 36 лет, а вторая 42 лет. Будучи вдовами, они посвятили свою жизнь для Господа в труде и служении народу, при этом оставили все, что имели и стали странниками, посещая общины, переходя от села к селу. И общины начали сильно умножаться, а труда было очень много. Бог благословлял их в труде. Они постоянно пребывали в постах и молитвах. Народ был к ним очень расположен и считал их как ангелов, а поскольку не было служителей, то собравшиеся со всех общин для беседы предложили брата Петра Грибинчука из с. Житенцы, одного из первых уверовавших в нашем селении. Представив его пред Богом и получивши положительный ответ, поручили ему служение. Итак, началось восстановление служения в церквях.

Много душ уверовали и ожидали принятия водного крещения, чтобы вступить в завет с Господом.

Ранней весной 1942 года за неделю до Пасхи, когда только что прошёл лед на реке, было совершено водное крещение, человек около ста. И среди них в этот день посчастливилось заключить завет с Богом и мне, чтобы служить Ему во все дни жизни моей доброй совестью. Первая любовь скрепляла сердца народа Божьего, и это было очевидно для всех окружающих. Церковь была сплоченная кровью Христа и Духом благодати - семья искупленных спасенных душ. В то время была большая нищета в народе: не работавшим в колхозах ничего не платили за труд. Люди вынуждены были воровать для пропитания, и этому способствовало местное начальство. Верующие ни к чему колхозному не простирали рук, а хранили себя в чистоте, довольствуясь тем, что было в огороде. Никто из них не работал в воскресные дни, а посвящали этот день для славы Божьей, как великий день победы Господа Христа над силами ада и смерти посредством Его воскресения. В этот день они пребывали в общении друг с другом, в постах и молитвах, которые длились часами, прославляя Бога за дарованное спасение.

Однажды они пошли посетить друзей в село Вышикусы Любарского района. Во время служения, утром в воскресный день, их посетили местные власти во главе с зондер фюрером (это военный представитель немецкой власти) и предложили оставить немедленно служение и всем без исключения идти на работу к машинам и молотить хлеб. Они объяснили, что по вероубеждению не могут этого сделать, так как день воскресный есть Господень день, который они посвящают для Господа. К тому же они — гости, пришли посетить своих единоверцев. Местных начали тут же избивать, а гостей арестовали и повели всех в район. Их было 18 человек. Доставивши в район, их поместили в КПЗ. Начали над ними издеваться, бить нагайками (специальные плетки с вплетенными металлическими предметами на конце для усиления тяжести удара), загонять всех под нары, а потом выгонять из-под нар. Особо отличался полицейский по фамилии Савчук, которого верующие однажды нашли в канаве, обессиленного от голода (он бежал от партизан), и на плечах принесли его в дом брата Соловья из села Деревич. И там две недели за ним ухаживали, а он, оправившись, поступил служить в полицию. Среди этих 18 человек была сестра Домка, которая на своих плечах принесла его в дом брата, но он её вместе со всеми стегал нагайкой. Их выводили в воскресенье на улицу и давали в руки метёлки. Кто хотя бы немного поработает, тех отпускали домой.

И две сестры не устояли и стали подметать, и их отпустили домой. Остальных ещё сильнее начали избивать и всячески издеваться, и продержали ещё 10 дней. На следующее воскресенье жандармы и полицейские повели их на базарную площадь, где заранее поставили виселицы, чтобы при всей базарной публике, если они не отрекутся от своих убеждений, вешать. И при испытании все они оказались стойкими и твердыми, верными Господу.

Жандармы отдают приказ — отменить казнь на

виселице и дают новый приказ утопить всех в реке Случ. Настало новое испытание веры.

Всех их повели через город к реке Случ, чтобы всех утопить. Но верующие сохранили твердость духа, не поколебались. И вновь новый приказ — расстрелять. Ведут их снова в центр города, где были полностью разрушены еврейские дома. Всех загибают в погреб и по одному вызывают и ставят перед открытой ямой. Полицейские стоят с автоматами и требуют, чтобы отказались от своих убеждений, иначе сейчас же расстреляют. Их ставят лицом к автоматчикам и, когда они отказываются от отречения, дают команду стрелять. Дают залп холостыми патронами и, если человек стоит, бьют прикладом в грудь, и он падает в яму. И так произвели операцию над всеми 16 душами, и никто не отрекся.

Сестра из нашей деревни Мария Ксензык в последствии рассказывала: когда прозвучали залпы выстрелов, её ударяют в грудь, она падает на кучу раннее упавших братьев и сестер и чувствует, что она ещё жива. Открыв глаза, видит, что они недвижимы, и никакого голоса не слышно. Она протянула руку, дотрагивается до сестры вблизи себя. Оказалось, что она жива тоже. И тут вдруг в эту яму спускаются полицейские и говорят, что за люди, что жить не хотят? И снова начали их бить нагайками. Затем подняли и вновь погнали в камеру и давай там бить нагайками так, что у многих спины были черные. Прдержали несколько дней и всех выпустили.

А все это время, 10 дней, церковь была в постах и молитвах. Все выпущенные пошли в дом «Гая» Грицих Романа на молитву, и многие друзья встречали их. О, какая была чудесная молитва, и как бы прогремели Господни слова во Святом Духе: «Привет вам от Предтечи, одержавшим победу». Какая радость была при встречах! Это были действительно победители, жертвовавшие собою и сохранившие верность до конца. Их ожидает великая награда на небесах. А те двое, что не устояли, сколько перенесли стра-

даний, будучи мучимы своею совестью, и сколько стыда, презрения они пережили, как горько они оплакивали свои поступки.

Но церковь их помиловала и простила. Число уверовавших умножалось с каждым днем, Бог прилагал спасаемых к Церкви, и Дух Святой свободно действовал в собрании.

Очень часто вся церковь исполнялась духовным пением на иных языках. Собрания проходили в домах, полностью заполненных народом. В нашем селе в церкви было 120 человек. В собрании было тесно так, что все стояли: и хор, и проповедники. Вечерами помещение освещали самодельными фитилями. Вместо ламп использовали гильзы от снарядов, иногда были лампы со светом. При таком скоплении народа лампы часто гасли от недостатка кислорода. Преломление хлеба всегда совершали с вечерей любви. Каждый добровольно приносил все лучшее ради Господа, и на вечерне пели много псалмов о прославлении Бога. Собрание посещали постоянно почти все верующие, за исключением многодетных матерей и больных. Общие богослужения проходили дважды в воскресенье, в субботу — вечером, в среду и в пятницу — молитвенные с постом. На этих служениях не проповедовали и не пели, разве что после молитвы. К молитве призывал один брат, коротко говоря, о чем молиться. Молитвы длились от 1,5 до 2 часов. На молитвенных собраниях было проявление Святого Духа, пророчества, реже истолкования языков. После служения народ не спешил расходиться; вели духовные беседы друг с другом. И хотя редко были истолкования, но, однако, народ в служении получал много назидания. Однажды на одном из молитвенных собраний было Святым Духом открыто: «Новое испытание для народа моего под знаменем проказа». И не было такого члена церкви, чтоб не коснулось его.

Большинство поражений было на молодежи. Оно было в основном на ладонях и на суставах локтей и голеней, а у некоторых на лицах — как бы неболь-

шие нарывы, но сплошные. Они прорывались, и место поражения покрывалось как бы чешуёй. Разумея, что это испытание от Господа, к врачам не обращались и никаких лекарств не применяли. А кто сам что-то предпринимал, у тех болезнь усугублялась. На неверующих, живущих в домах вместе с верующими, болезнь не распространялась. Лично у меня были поражены ладони и локти, так что я некоторое время ничего не мог делать, кроме чтения и молитвы. Это принесло большую пользу моей душе. За это я очень благодарен Господу. Я имел возможность общаться с близкими, более опытными друзьями, мог постоянно пребывать в особых молитвах, где приходилось слышать голос Святого Духа, наставления и возвешение о будущем. Эта болезнь у меня продолжалась около месяца. И в один час проказа ушла, засохла, и чешуя слетела. Молодежь, особенно сестры, у которых были поражены лица, очистились, так что ни у кого не осталось и малейшего признака, что там была рана, но лицо словно омолодилось. И эта болезнь была снята со всего народа везде. Затем поражение пошло на неверующих, которые что только ни делали, чтобы избавиться, но не могли. Это было настоящее знамение. У всех верующих в одном доме было поражение, а неверующие были свободны, а затем — наоборот.

Пораженные места сильно чесались. В селе Березовка на верующих сильно восстали местные власти из-за того, что они не лечатся, и насильно всех собрали к сельсовету, и, угрожая расстрелом, поддержали их до вечера. А затем, пригрозивши, выпустили по домам. Народ, утверждённый верою в уповании на Бога, доверился словам пророческим и ходил в страхе пред Господом. Во время оккупации немцы в начале если видели, что кто-то в воскресенье работал на поле или огороде, то разгоняли, а в последствии сами выгоняли в воскресенье на работу и разгоняли собрания верующих. В нашем селе Житенцы в одно воскресенье были собраны в двух местах, ибо в один дом не вмещались. Я был у сво-

ей сестры Ани, у нее также собирались другие. Дом её находился возле самого колхозного двора, и видим в окно, что староста села вместе с зондер фюрером и переводчиком направляются к нам во двор. Зондер фюрер вошел, стал у двери и говорит через переводчика: «Почему вы собрались и не работаете?». И начал нагайкой бить верующих и выгонять из хаты, брать за руки, бить и выталкивать за двери. Затем пошли в другое место, где было собрание, а там была полная хата собравшихся, так что невозможно войти. Он начал вызывать только братьев, взял держак от сапы (держакom называют на Украине деревянную ручку), выходящих брал за руки бил держакom и приказывал идти на работу. Но, однако, из верующих никто не пошел.

В те времена нелегка была жизнь верующих. На трудодни ничего не давали, а неверующие брали, кто сколько сумел. Начальство местное попустительствовало в этом. Верующих уговаривали, чтобы тоже брали, даже сами заботились, чтоб куда-то насыпать зерно. Но народ хранил себя. Было такое, что Господь располагал сердца начальствующих, они сами развозили по домам хлеб, а верующие ходили, как Руфь, подбирали колосья в поле после жатвы. Снопсы свозили и скирдовали, а после молотилка молотила. И там, возле скирд, много было зерна. Его сметали и собирали домой верующие. Пшеницу, ячмень, горох собирали, мололи и пекли хлеб, добавляли картофель. Зерно мололи в жерновах. Но в народе не слышал я ропота или недовольства.

А для молитвы собирались в пять-шесть часов утра, после расходились upravlyatsya в хозяйстве, и потом шли на работу. Молитвы были искренние, единомышленные наполненные Святым Духом. Ничего ни в церкви, ни из мировых событий не могло быть утаено от глаз Святого Духа, и церковь находилась в страхе перед Богом.

Проводились как молодежные собрания, так и детские. На детских собраниях Господь многих крестил Духом Святым. Детские молитвы так были ис-

кренни, что часто приходилось их подымать с колен, ибо не могли остановиться. Немецкие войска только что заняли Киев и начали форсировать Днепр, а Господь Святым Духом возвещал, что они возвратятся назад, и говорил, какое разорение постигнет нашу местность. В дальнейшем все это в точности исполнилось. Все пророческие речи записывались, и их постоянно проверяли в исполнении.

С января 1944 года в нашем селе снова проходила передовая линия фронта и стояла около 3 месяцев. Село наше трижды переходило из рук в руки: то немцы, то русские. Днем заходят русские, а на следующее утро колонна танков цепью прошла по селу, и на каждом танке в русской форме сидел солдат, но это были немецкие танки. Проехав село, они развернулись и медленно стали отъезжать, и в каждую хату начали из танков и орудий стрелять зажигательными снарядами. А хаты все почти были покрыты соломой. Посреди села был колхоз, и вот минут через 10 все село стояло в огне. У нас была хата глинобитная, рядом сарай. Она находилась в стороне от центральной улицы. Там было 4 дома. Народ ранее собирался в нашем доме, так что не было свободного места ни в хате, ни в сарае. Во-первых, потому, что мы верующие, а во-вторых, что дом глинобитный.

Танкист, проезжая по центральной улице, увидел эти три дома и первый зажег с центральной улицы, а три остались целые. Останавливается солдат, берет факел и направляется прямо к нашему дому. Неверующие, находящиеся с нами, закричали: «Ой, молитесь, ибо вас Бог слышит». И пали все на колени. То была не молитва, а вопль поднялся к небу. Немец с факелом подошел, услышал такой вопль, повернулся, сел в танк и уехал. И вот мы все остались живы. Слава Богу!

У моей тетки дом был покрыт жостью и от зажигательного снаряда не загорелся. Немец остановил танк, взял связку гранат подошел к дому и через окно бросил эту связку в комнату. Она подкатилась

под сундук, разорвалась, взрывная волна ударила в потолок и сорвала его и осколками ранила тех, кто находился в доме, но без жертв.

К нам на Новый год и Рождество пришли друзья из других деревень, и их застал фронт, и они не могли вернуться к своим родственникам. Им пришлось с нами странствовать. Передовая линия немцев утвердилась в нашем селении и простояла около трех месяцев неподвижно. У нашей соседки во дворе стояло зенитное орудие. При налете русских самолетов вокруг нашего дома сброшены были девять мелких бомб. Все окна от взрывов волны выбило, и эта волна нас всех прижала к земле, а в хате все было изрешечено мелкими осколками, но ни у кого из нас не было ни малейшей царапины. Поднявшись с пола, рассуждаем о неожиданности происшедшего. Вдруг в дом входит немецкий солдат и говорит в испуге: «Матка, халупа. Фу!». Все выскочили на улицу. Крыша вся в огне. Она была соломенная, от зажигательных пуль зениток загорелась, и все стали тушить, а чем? Воды нет. Делали все, чтобы не допустить разрушения потолка. И Бог помог, так что потолок остался целым, а окна заложили соломой. Так и жили.

Но не долго. С нами еще жили три сестры, которых захватил фронт. К нам на молитву собирались каждый день, и мы ставили тайных сторожей, чтобы они наблюдали, что происходит в деревне, ведь здесь передовая. Когда молились, Бог говорит нашему старшему брату Сируку Антону, что «Кровь за завет». Ему было тогда где-то лет 40, и у него была больная жена и пятеро маленьких деток. И вот наши сторожа возвещают, что много немцев в деревне и они ловят людей и заставляют копать окопы. Мы просили брата Антона оставаться с нами, чтобы он не уходил сейчас, но он решительно настоял пойти к семье и ушел. Но домой не попал, его взяли и привели на передовую, чтобы он копал окопы. Он объяснился, что верит в Бога и не может этого делать.

Тогда говорят: «Бери ружье и охраняй тех, которые копают». Но он сказал, что и этого он не может. Тогда спросили, какая у тебя семья, он ответил. Тогда офицер приказал двум солдатам вести его к дому. Привели во двор, но в дом не пустили, а оставили его возле дома, в саду. И поставили условие: или идешь копать окопы и вернешься к семье, или — расстрел. Продержали целую ночь. Он остался тверд, а утром на рассвете повели его на другую улицу и приказали идти в дом, который сгорел. И когда он направился в дом, они дали очередь из автомата, он упал. Они пошли в свой путь, но сестры следили целую ночь, и утром тайком последовали туда, куда его вели. Когда слышали выстрелы, считали, что его уже нет в живых. После ухода немцев, они тайком пробрались к этому сгоревшему дому и нашли его. Он лежал лицом к земле, весь в крови, но ещё живой. Они позвали ещё сестер, взяли его в рядно и понесли на четвертую улицу, и, принеся в дом, омыли его раны, и стали спрашивать, что он скажет. Он попросил, чтобы привели его жену и деток, чтобы попрощаться: «Ибо буду уже отходить к Господу». Привели жену и деток. Он попрощался, предал их в руки Господа, стал молиться и, исполнившись Святого Духа, благодарил Бога. Через несколько минут умолк его голос и сомкнулись уста его на земле навсегда. Брат старец Иосиф стал делать гроб, сделал нижнюю часть, а верхнюю часть не успел сделать. На следующее утро был издан приказ, чтобы все вольное население собралось на указанное место для эвакуации. И пошли гонцы солдат собирать народ. Братья смогли только уложить расстрелянного брата в гроб без крышки и так оставили в доме. Это было 19 января 1944 года. А людей всех согнали за каких-то 2 часа и под конвоем повели на юго-запад.

Наша семья осталась, никто к нам не пришел, а сами не решались идти. Итак, стало известно после, что многие вернулись вновь и эта эвакуация не длилась часами, а минутами, и многие ещё остава-

лись подобно нам. Через несколько дней, идя с передовой на отдых, солдаты, зная, что никого из жителей нет, ходили по селу, искали, что им понравится, ведь люди оставили все: и скот, и птицу, и все нажитое — и ушли в чем стояли. Входят в наш дом, хотя он не был похож на дом. И как увидели нас, испугались и говорят: «Матка капут», — что не подчинились приказу.

Через несколько часов нас выгнали, даже печку оставили растопленную (у нас были обыкновенные русские печки, топили соломой или дровами). Собрали остальных людей из села и под конвоем эвакуировали за 12 км в г. Острополь. На пути один мужчина отошел метра 3 от колонны, видимо что-то хотел спросить у жителей села, через которое нас проводили. И многие жители выходили и смотрели, как нас гнали. Но не успел ничего сказать, как конвоир с первого взмаха провел по нему очередь из автомата, и он упал; а нас погнали дальше, никто не смел что-то возразить. В городке, куда нас привели, сказали, чтобы шли и искали себе квартиры.

Мы пошли и нашли квартиру в конце города под лесом. Хозяева радушно нас приняли: мою семью, сестру мою с мужем и семеро их детей, трех сестер, наших странниц, сестер из с. Воробьевки, моего друга Кузьмича Павла с пятью человеками. Хозяин наш, бывший полицейский, видя, что русские побеждают, бросил полицию и пошел в лес к партизанам, и очень редко являлся домой. Детей у них не было. К нам и здесь все верующие, жившие поблизости, сходились для молитвы.

Бог благословлял, радовал нас своим присутствием, потому что мы оставили все и были настоящими странниками и пришельцами. Шла война, и на дальнейшую жизнь никто не располагал. Жили одним днем, и ничто не манило нас, одно только желание было: быть ближе к Богу и быть всегда в общении с Ним. Нас не волновало, как же дальше устраивать жизнь, ведь дети растут. Мы жили в полном упова-

нии на Господа, вручив Ему свою жизнь. Мы не унывали, не падали духом, за все благодарили Господа. Все это сближало народ друг с другом так, что делились крошкой хлеба. Своего у нас ничего не было и не на что было располагать, чтобы где-то подработать. Война. Никому ничего не нужно, а ведь у многих были семьи, и их надо кормить. Но Господь не оставлял и голодными не были ни одного дня. Запасов никаких не было, и верующих здесь не было, на которых можно было располагать, что позаботятся. Но у нас был живой Бог, Который сказал: «Не оставлю тебя и не покину тебя, а потому я смело говорю - Господь мне помощник, и что сделает мне человек». Он вечно живой, неизменный в слове своем Бог. Ему Слава! Блажен народ, у которого Господь есть Бог живой. Который не пощадил Сына Своего, но отдал за нас, как с Ним, не дарует нам и всего? Как хорошо иметь всегда упование на Святого Живого Бога. Он наш верный друг и хранитель, Который сказал: «Пойдешь через воды, и они не потопят тебя, через огонь, он не опалит тебя, ибо я с тобой». Давид сказал некогда в уповании на своего живого Бога: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох - они успокаивают меня» (Пс. 22:4).

Недолго нам пришлось пользоваться свободой. Вышел указ, что весь мужеский пол с 12 лет и до 65 лет должен явиться на сборный пункт, иметь при себе исправную обувь, одежду и на 5 дней питания. За неявку, если обнаружатся такие люди в каком-то из домов, то все жители этого дома будут расстреляны, а дом и все, что в нем находится, будет предано огню. И так, мы все ожидали назначенного числа для сбора. Мы сами в себе имели приговор к смерти и, собравшись на молитву в последний час, попрощались, оделись, приготовили сумки и решили ожидать погонщиков, которые ходили по домам и выгоняли мужчин на улицу. С нами был на молитве ещё один брат Антось, мой сверстник, его семья жила от

нас метров в трехстах в сторону города. Он был ещё юноша. Вот смотрим, погонщики уже недалеко возле наших домов. Антось решился идти, немцы его встретили, он объяснился, указал на свой дом, что возьмет вещи и возвратится, они поверили. По улице к нам было пять домов, новостроек, где еще никто не жил, и потом под лесом наши четыре домика. Мы собрались и сидели у окна, а сторожа наблюдали. Погонщики увидели, что дома пустые, а впереди лес, видимо побоялись идти дальше из-за этих нескольких домов. Вернувшись, погнались, зная последствия, а мы уповали на Господа.

Но, оставшись, мы должны сохраняться в совершенном секрете, чтобы никто не увидел, а на рассвете весть облетела, немцы ищут оставшихся мужчин. Что делать? Во дворе ближе к огороду была куча навозу, а рядом пустая картофельная яма, занесённая снегом. И вот решение: немедленно на яму положить потолок с отверстием, перенести кучу навоза, сверху сделать отверстие, чтобы впустить туда нас, мужчин. И сестры справились блестяще. Нас спустили четверых: меня, моего товарища Павла, мужа сестры, Дмитрия, и хозяина, ибо ему невозможно было уйти в лес. Сразу, когда они спустили нас, было терпимо, хотя тесно, до тех пор, пока не начали таять стены, снег и навоз. Но вот все потекло. В яме четыре мужчины, одетые, обутые, никуда было вытянуть ног и свободно повернуться. Связи с землей никакой нет. Лишь когда стемнело, нас выпустили еле живых. И тогда целую ночь работали под полом: в хате делали убежище. Землю уносили в сарай к корове, там высыпали её на пол, а остальное - за хату в яму. Ночью пошел снег, и все следы замело. Вход в убежище был под тяжелой железной еврейской кроватью. Её двое подымали, мы ныряли, а хозяин ушел и уже не являлся. На улице постоянно дежурили четыре сторожа. И так Бог нас сохранил.

Пятого марта послышалось наступление русских войск, нас освободили и разрешили возвращаться до-

мой, и мы ещё при перестрелке собрались уходить в родное село. Возвратившись в своё село, мы ничего живого не застали: ни собаки, ни кошки, ни даже птиц. И что оставалось из одежды, ничего не нашли. Где какое зерно было, все высыпано на улицу, перемешано с побитой посудой и со стеклом. Дома в селе на 95% сгорели дотла. Жители остались совсем без крова, а через 5 дней почти всех мужчин забрали в армию. Кто отказывался брать оружие, тех судили «тройкой» на 10 лет. Некоторых расстреляли на месте. Когда пошли в окопы, то там находили многое из одежды и прочих вещей. Ибо немцы устилали всякими вещами окопы и блиндажи, где они находились. Люди шли, искали и забирали только свое.

Итак началась новая жизнь «с нуля». Сравнялись все бедные и богатые. Когда забирали евреев в лагерь, то все их имущество распродавали очень дешево. Но верующие ничего не покупали. Ибо нашли в Писании в книге пророка Авдия (13-15): «Не следовало тебе входить в ворота народа Моего в день несчастья его и даже смотреть на злополучие его в день погибели его, ни касаться имущества его в день бедствия его, ни стоять на перекрестках для убивания бежавших его, ни выдавать уцелевших из него в день бедствия. Ибо близок день Господень на все народы: как ты поступал, так будет с тобою; воздаяние твое обратится на голову твою». Наоборот, верующие укрывали многих из израильского народа, и они стали членами церкви, крещенные Святым Духом. Но в день, когда их братьев согнали в лагерь и готовили к расстрелу, после долгих наших уговоров, чтобы остались и дальше с нами, они пошли и добровольно сдались, и были расстреляны. Со мною и многих других молодых сестер, которые стали ревностными христианами, мы убедительно просили не сдаваться добровольно, ведь вас Бог укрыл и дальше укроет, но они были тверды в своем уповании: что нашему народу, то и нам. Мы теперь уверены, что мы с Господом.

Возвращаясь в родное село, мы начали искать нашего руководящего брата Сирука Антона, которого положили в гроб без крышки и так оставили его в доме, а нас эвакуировали. Мы нашли его на огороде, выброшенного в картофельную яму. Брата Антоська Форманчука, который добровольно пошел, направили сразу в указанное в городе здание, где собрали всех мужчин от 12 до 65 лет и готовили к отправке на следующую передовую копать окопы. Но он там заявил, что он верующий и этого сделать не может, чтобы не быть участником в убийствах. Его вывели из здания и заставили недалеко от здания копать яму. А когда выкопал, его тут же расстреляли и зарыли в эту яму. Наши дежурные сестры все это видели, и поэтому, вернувшись в село, мы сделали перезахоронение наших братьев на сельском кладбище. Поскольку село было сожжено, и братьев всех забрали на фронт, а семьи остались без крова и без питья, то на оставшихся братьев — стариков и подростков, легла тяжелая доля. Нужно было срочно построить хотя бы маленькое жилье для семейств, чтобы было какое-то укрытие от непогоды, и помочь весной что-то посеять, посадить. Вокруг все было уничтожено.

Братьев судили и отправляли в лагерь, им тоже нужна была поддержка. Когда только начинали брать в Германию на работы, мать моего товарища, Володи, постаралась уменьшить возраст своему сыну, а я был сверстник с ним. И чтобы люди не подозревали, без нашего ведома сделала и мне. Поэтому при возврате из эвакуации нас привезли, как допризывников. Но народ много молился, чтобы Бог явил милость и оставил меня хотя бы на малое время.

При прохождении комиссии меня признали непригодным к строевой службе. Мне пришлось пройти много комиссий, так как сами врачи были в сомнениях. Я ничем не болел, но, видимо, по молитвам народа Бог являл милость ко мне. Это было в прифронтовой полосе, и забирали всех без разбору, а

мне все отсрочка. Я понимал, что это была милость Божья и благоволение ко мне, и старался это время использовать в постах и молитвах с некоторыми другими. Господь много наставлял, удерживал, утешал и возвещал будущее, что мне предстоит нелегкий путь испытаний, который придется пройти, и что многие трудности встретятся, но чтобы был верным; и что Бог сохранит мою жизнь, и я возвращусь к народу своему. Было открыто, в каком состоянии я встречу тогда народ. Это было самое прекрасное время первой любви и ревности Церкви, которая хранила себя в чистоте и святости, и мир Божий наполнял сердца. Дружелюбие, единомыслие и единодушие скрепляло сердца верующих. Слава о нашей местности и о нашей вере далеко распространялась за пределами нашего района. Многие братья и сестры, слыша это, приезжали к нам из разных мест где и находили подкрепление, ободрение и вдохновение. Но Господь предупреждал, чтобы народ бодрствовал и хранил себя в истине. Ибо настанет другое время, враг посеет свои семена, и многие нечестия войдут в Церковь. Ропот постигнет одних, другие погрузятся в суету, заботы житейские, и народ постигнет обольщение. Много станет осуждений, клеветы, неправды, народ не сохранит себя в любви Господней, и будет деление в народе.

И все это пришлось увидеть по возвращении из заключения в 1949 году, в октябре. Раньше еженедельно в церкви проводилась исповедь, если кто в чем поступал опрометчиво, или согрешил, как написано в послании Иакова, — признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга. Народ постоянно посещал эти собрания, и все имели нужду исповедоваться даже в чем-то малом, и был страх в народе, и Господь пребывал. Дух Святой ясно открывал недостатки, и все шли к исповеди. Но когда не стало братьев, и жизненные обстоятельства изменились, то исповедь стала превращаться в обряд. И, когда мне через пять с лишним лет

пришлось вновь присутствовать на исповеди, я удивился. Некоторые исповедовались в одном и том же грехе, который они исповедовали пять лет тому назад. На меня напал страх, что многие относятся небрежно к служению Богу. И как они только думают предстать пред Ним в вечности? Я доверялся пророческим словам, ибо и сам на себе испытывал многое. Бывало, когда утром собирались для молитвы, Господь возвещал о некоторых событиях вслух всего народа, говоря, что ныне всё это увидите. По человеческому рассуждению казалось, что это совсем невозможно, но слово Божье к закату солнца точно исполнялось. Святой Дух могущественно действовал в народе, и это было не однажды. Радость была большая, был и страх — вдруг не исполнится, а слово было сказано вслух всего народа, но слава Богу, что Он, Бог наш, живой и неизменный в слове Своем (Титу 1:2). Этим я жил, это укрепляло и утверждало мою веру в уповании на Бога во всех путях моей жизни.

Глава вторая

ВЕРНОСТЬ ГОСПОДУ

«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» Отк. 2:10. «Се, гряду скоро; держи что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего» Отк. 3:11. «Только то, что имеете, держите, пока приду» Отк. 2:25. «Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» 1Кор 10:12. «О Тимофей! Храни преданное тебе» 1Тим. 6:20.

Один из братьев-служителей не смог долго оставаться на служении, поскольку Святой Дух обличил его во грехе — в неправедных поступках, которых никто не видел и не знал, но видел все Бог, и брат

признал все это, что было в его жизни. И по этой причине служение было снято с него. И в последствии при долгих молитвах и рассуждениях служение было поручено брату из с. Великих Деревич Соловью, и он в дальнейшем добросовестно исполнял его. В конце мая 1944 года военкомат стал собирать людей старшего возраста, которых в армию уже не брали, и направлять их на работу в Сибирь, в Кузнецкий бассейн. К этой группе людей присоединили и меня и отправили нас на станцию. Там посадили нас на платформу с металлоломом и отправили в областной военкомат г. Житомира. Со мной еще было два пожилых брата: Илько из моей деревни и Кузьма из с. Гизовщины.

В областном военкомате всех собранных из нашей области посадили в товарные вагоны и целый месяц везли нас в Сибирь. Без постельной принадлежности, целый месяц без бани, а также без элементарных жизненных условий.

Нас разгрузили в г. Прокопьевске и определили на строительство домов. Дали хлебные и продуктовые карточки и поселили в общежитие, в бараке. Работали все вместе, а в сентябре меня вызвали в военкомат на комиссию, признали годным к строевой и через день отправили меня в часть, по пути вместе с одним солдатом, который был ранен, и его отпустили в гости домой. Теперь он возвращался в свою часть, а меня он должен был отвести в г. Бийск в часть, в которую меня направили. Прибывши в часть, он подал мои документы, но их возвратили мне обратно и сказали, чтобы я ехал в г. Новосибирск к военному коменданту. Был поздний вечер, а вокзал находился за городом. Я пошел на окраину города и стал проситься на ночь. Прошел почти все улицы, но никто не хотел впустить в дом, и лишь одна вдова приняла меня, как сына, ибо её сына забрали в армию и она сочувствовала всем солдатам. Очень любезно, как мать, она приняла меня, накормила и уложила отдыхать. А утром дала позавтракать, и затем я ушел на станцию и уехал в г. Ново-

сибирск к военному коменданту. Прибыв к военкому, подал документы. Он дал мне адрес и направил меня на пересыльный пункт. Там я пробыл две недели, затем всех нас, собранных со многих областей на этот пересыльный пункт, погрузили по 180 человек в пульман (товарный вагон) и три дня везли до Омска. По дороге нас не кормили. А затем, когда привезли на место, выгрузили из вагона и повели за город в военный городок, Черемушки.

Все мы были уставшие и голодные. Нас в час ночи повели кормить, сразу отдав паек за трое суток. Утром, подняв в шесть часов, нас повели на завтрак. После завтрака повели в казармы, но остановили возле построенного на плацу полка солдат, одетых в новое англо-американское обмундирование. Этот полк готовился шесть месяцев. И когда приехал командир принимать полк, он объявил: «Кто был осужден или был сослан или родители были сосланы - выйти вперед». И в это время привели новое пополнение полка. Нас, новичков, остановили и объявили обратное: кто не был осужден, ни он, ни родственники, а также не были сосланы, выйти вперед. Ну, я по неопытности тоже вышел. Нас отделили, сразу повели в казарму и затем выдали новое военное обмундирование. Подошла очередь и ко мне. Я заявил старшине, что я человек верующий в Бога и обмундирование принимать не буду, и оружие брать не буду. Солдаты многие восстали и начали сильно на меня наступать, но старшина, успокоив, сказал: «Это не ваше и не мое дело. Я доложу начальству, и с ним будет разбираться начальство». Он отвел меня в штаб, доложил обо мне и ушел.

Начальство провело со мною беседу, естественно, с угрозами, но я заявил, что принимать оружие не буду. Меня перевели в роту, которую оставили, когда формировали полк. Их переодели в старую солдатскую форму и вновь водили на полигон для обучения. Я обучаться отказался, и тогда меня посадили в карцер на 10 суток. Когда я отбыл срок, меня пос-

тавили дневальным в казарме. На следующий день в казарму вошло начальство и, увидев меня, вновь выписало 10 суток карцера, и начало вести следствие. По окончании следствия дело передали военному трибуналу. В декабре 1944 года собрали весь полк и показательным судом осудили меня по ст. 139 (отказ от оружия) к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Через два дня «черным воронком» отправили в Омскую областную тюрьму. Со мною отправили ещё одного старообрядца, который отбыл пять лет срока за отказ от оружия. При освобождении его сразу направили не домой, а в военкомат. Снова дали 10 лет, и нас вместе повезли в тюрьму. Поскольку я был молодой, а он уже пожилой, то он давал мне советы, говоря: «Саша, не страшись, если будешь верен Богу, Божья милость всегда будет над тобой, где бы ты ни был. Свет не без добрых людей, они везде найдутся». Меня это укрепило и запомнилось на всю жизнь. Я испытал это и могу сейчас уверенно сказать другим, что Бог не без милости и свет не без добрых людей. Слава Богу!

После недельного пребывания в тюрьме г. Омска меня отправили на этап на третий лагерный пункт, который находился возле авиационного завода, и нас туда водили копать траншеи; а затем перевели меня в шестой лагерный пункт возле реки Иртыш. Работали мы в ширпотребе, изготавливали различные навесные замки и железные кровати. Летом всех нас отправили на восьмую колонию. Это была сельскохозяйственная колонна, где мы убрали хлеб, копали картошку и выполняли много других работ. Работали весь световой день. С питанием там было лучше, но бытовые условия очень плохие; так как нас по несколько недель не водили в баню, нас постоянно заедали вши, и чесалось всё тело.

На осень всех перевели в лагерь для разгрузки барж, которые приходили по реке Иртыш. А в октябре начали формировать из всех заключённых Омских лагерей этап. Погрузив в товарные вагоны, всех

нас под конвоем отправили в Красноярский край за г. Канск, в глубь тайги на станцию Решеты. Там был построен лагерь, и нас первых привезли туда. Сразу же вслед за нами пришло ещё два этапа, один из г. Днепропетровска, а другой из Белоруссии, из г. Орша. Было начало ноября 1945 года. Произвол в лагере в то время был очень сильным: резня каждый день. Лагерем руководили преступники, которых свозили со всех мест этапами. Нас водили на работу за 5 км на лесоповал. Условия жизни в лагере были ужасными, ни постельных принадлежностей, ни сушилок, чтобы сушить валенки, ни элементарных бытовых условий. Кто имел что-нибудь из одежды, в том и работал и спал, не раздеваясь и не снимая валенок, а вместо подушек — полено под головой, и консервная банка за спиной привязанная — это твой котелок, в который тебе вливали баланду, и ты её сразу же выпивал. Ложки не было, да она и не нужна была. Преступники не работали; хотя ходили на работу, но сидели у костра и наблюдали, чтобы остальные работали; ибо норма заготовки лагеря была на бригаду, в которую входили и они. Если бригада не выполняла норму, ее садили на штрафной паек. Осуждённые из уголовников получали полные пайки, а остальным давали штрафные 300 г хлеба. Они же получали хлеб, суп, кашу и приносили в барак, и сами делили. Себе брали все по потребности, а остальное раздавали другим заключённым. Конечно, обидно было, но жаловаться было нельзя, да и некому, только одному Богу. Молиться тоже негде было, только на своих нарах, и то лежа, ибо склонить колени негде из-за тесноты в бараке. Ночью преступники устраивают облаву, ища, с кого бы снять лучшую одежду или отнять деньги. Это обычно происходило примерно так: входят в барак и по одному поднимают заключённых, допрашивают, а потом заставляют до белья раздеваться и всю одежду обыскивают: может, деньги спрятаны. Найдут подходящую одежду — забирают. Одни делают обыск, а другие сторо-

жат, чтобы никто не поднялся или не стал кричать. Подняли, предупреждают, что если есть деньги, говори, иначе если найдем, то заплатишься. Говори шепотом, чтобы сосед не проснулся. Бывало, кого-то разденут полностью, если понравилась одежда. Затем подымают другого. Если у него нет ничего хорошего, однако, что-то забирают, чтобы одеть того, у которого все забрали. Сделали обыск тебе — тихонько ложись и не шевелись. И подымают другого. Если приходили посылки, они подходят — пойдем, тебе посылка. Приводят, расписываешься, а они забирают и даже не скажут, что в ней было. А станешь возмущаться, то не рад будешь, что сказал, а помолчишь, то, может, дадут с полпорции баланды.

В то время я работал на обрубке сучьев, таскал их в кучу и сжигал. Снегу в лесу было выше колен, и натягаешься так, что к вечеру еле живой, ничего не мило, хочется только б упасть на нары и спать, но спать не дают. Надо работать. За три месяца пребывания в лагере больше половины людей вымерло от голода и холода, а остальные были как ходячие скелеты, кожа да кости. И какую норму эти люди могли сделать? К концу смены подъезжали на лошадях пять-шесть подвод, на сани забирали тех, кто уже не мог самостоятельно передвигаться, тех, кто уже упал и не мог встать. Их увозили в лагерь, а остальных строили в колону, и конвой с собаками сопровождал их. Но в пути каждый раз были такие, которые не имели сил идти и падали, тогда конвой узнавал, из какой он бригады, и приказывал, чтоб взяли его под руки и вели, которые крепче. Но крепче были только из преступного мира, они никакой жалости к этому человеку не имели и оставить не могли, а он совсем ослабевал. Они его толкают, ругают, а он бедняга еле голос подает и никак не может двигаться. Затем падает, и не может встать, а они его волокут, бьют, потому что отстают от колонны, а конвой натравливает на них собаку, подгоняя их. А он бедняга просит: «Ребята, оставьте, бросьте, добейте меня».

Я чувствовал по себе, что день за днем и моя подходит очередь. Я старался в колону становиться в первые ряды, но в пути по дороге к лагерю уже оказывался в последних рядах, и был всему этому свидетелем, как издевались над теми, которые не могли идти своими ногами. Смерть смотрела уже и в мои глаза. Но, веря в обетование Господа, что я пройду этот путь и живой вернусь в родные края, я понимал, что Господь меня сохранит, ибо было еще в начале сказано, что возвращусь, но в каком состоянии застану народ Божий? Посылки приходили из дома и от друзей, но я не видел, что в них было, только расписывался, а забирали другие. И было больно, что там домашние и друзья отрывали от себя, чтобы помочь мне, а этими продуктами пользовались другие люди. И вот однажды, когда я увидел все издевательства над доходными, я готовил себя, что моя очередь следующая. Но когда пришли в зону, нам объявляют, чтобы все сразу направились в санчасть на комиссию. Оказалось, что кто-то заявил в Москву о произволе в лагере, и оттуда срочно выехала комиссия медперсонала для обследования заключенных. Во время своей работы комиссия признала нас не пригодными к работе, и уже не пустили нас в бараки, а поместили в бане, до утра, а утром погрузили нас в вагоны и отвезли за город Канск в лагерь, так называемых «постепенно поправляющихся». Там прошли повторную медкомиссию, и кто был здоровее, тех взвесили (я был тогда 50 кг). Нас раздели, оставили только в майках и трусах и поместили в бараке, дали постельную принадлежность: матрац, 2 простыни, одеяло, подушку, полотенце. Пищу приносили в барак, где стояли длинные столы и скамейки. Кормили в присутствии врача, который наблюдал, чтобы ничего не уносили, а все съедали. Через две недели снова проверка. Вновь взвешивают, и оказалось, что я похудел ещё на 2 килограмма, хотя отеки исчезли, но, когда вновь проходили комиссию, многие заключенные стали жаловаться на меня, что я много мо-

люсь, и требовали, чтоб меня списали в инвалиды. Но врач не внял их голосам, а, наоборот, он сказал: «Ничего, мы ему ещё назначим дополнительное питание, и он поправится». Меня тогда начали четыре раза в день подкармливать.

Однажды я пошел умываться и посмотрел на себя в зеркало, испугался сам себя и больше старался не смотреть в него. После того, как мне назначили усиленное питание, я начал быстро поправляться. К тому же из дому и от многих друзей я получал посылки и начал быстро набираться силы, и вышел первым из поправившихся. Меня стали просить обслуживать в бараке больных заключённых, то есть носить им из кухни в барак пищу и раздавать её. И еще через шесть месяцев я поправился на 13,5 кг. Поправившихся постепенно приучали к работе: сначала один час, а после два и так до четырех часов в день, а по окончании шести месяцев всех нас одели, погрузили в железнодорожные вагоны и снова отправили в тайгу, на заготовку леса.

В этот раз я попал на погрузку леса из штабелей в вагоны. Работа была тяжелая и беспокойная. Когда только ни подадут вагоны, днем или ночью, нас выводили немедленно на работу, чтобы не было простоя вагонов. И, бывало, только войдем в зону, не успеем покушать, как вновь приказ выходить строиться. И, бывало, целыми сутками не возвращаемся в барак. Даже при 60 градусах мороза мы вынуждены были работать. Но так работал я не долго. Начальник сбыта, заключенный еврей Цимерман, узнал, что я верующий, и забрал меня к себе дневальным и поваром. Он имел в лагере отдельную квартиру, где жил он и старший бухгалтер лесосбыта, тоже заключенный. При этом они получали сухой лагерный паек, а я им готовил горячую пищу и был как дневальный, выполняя обязанности посыльного. Мне было хорошо с ними, да и они меня уважали, а так как он в лагере у начальства пользовался авторитетом и уважением, то часто заходил в цензуру, забирал свои и

мои письма. Но вскоре пришел приказ, чтобы отделить бытовых от политических, а моя статья считалась бытовая, и он вынужден был отправить меня в другой лагерь, но по его рекомендации меня направили в лагерь по лесосбыту. Там меня и многих других поставили на расконвоирование и выдали пропуск. В скором времени собрали нас человек 200 и отправили в Канск, а из Канска пешком повели в Саянские горы под монгольскую границу, на сплав леса по горной реке, которая впадает в реку Канск и дальше в Енисей.

Это горная речушка, специально огражденная дамбами. В горах было водохранилище, где собирали воду, и в назначенное время её спускали в эту реку. К этой речке свозили лес, который в горах заготавливали заключенные, а оттуда лесовозами свозили в определенное место и отгружали в штабеля возле реки по ту и другую сторону речки. В назначенное время пускали воду, и заключенные сбрасывали со штабелей лес в речку, потому что река была главным транспортным средством. Нас расставляли по берегу реки через каждые 100 метров, следить, чтобы не было заторов леса. Но меня в скором времени забрал к себе помощником гражданский начальник лесосбыта — принимать от заключенных лес и отправлять на сплав. И там я пробыл до окончания срока. Находясь в лагере, я получал от родных и друзей много писем, из которых узнал, что между некоторыми сестрами произошло деление и они стали злословить друг друга и осуждать, и меня это сильно устало. Я никогда не слышал и не представлял себе, чтобы верующие, а особенно старшие, которые трудились и которых Господь употреблял, которые для многих были примером, имели бы такие разногласия. Я их считал за ангелов. В то время я понял, как опасно быть на высоте, а затем, возгордившись, оттуда падать. Как опасно стать соблазном и преткновением для многих верующих людей. Что можно тогда делать и какой совершить труд для

Господа, как можно чему-то учить других и как даже им смотреть в глаза народу, который они учили? Я много молился, плакал и просил Господа со слезами: не дай, Господи, высоты и сохрани меня от падений. Помоги мне смиряться, умоляться, уступать другим, оставаться обиженным, но не делить церкви. Для меня было страшно и непонятно, как это верить живому Богу, который является неизменным в Своем святом слове, быть напоенным одним Святым Духом и чуждаться друг друга до того, чтобы поносить и злословить ближнего перед другими? То, что они не пришли в согласие и разошлись, это одно, но они поделили народ и стали дальше продолжать свой труд, но уже порознь. Было страшно не только то, что они стали чужды друг другу, но то, что и многие другие стали чуждаться друг друга, даже не желая встречаться. Из друзей многие стали недругами и даже врагами.

В те времена в нашу местность из Донбасса приезжали друзья, братья и сестры, так как многих наших братьев и сестер забрали в ФЗО (фабрично-заводское обучение) и на работу в Донбасс. Они там посещали служения и познакомились с друзьями, которые в дальнейшем изъявили желание посетить наши края.

Один брат совершал там служение пресвитера, и помогал ему старший брат, который в дальнейшем переехал в наши края и поселился в г. Хмельнике Винницкой области. Были некоторые в то время из недавно уверовавших, которые при принятии водного крещения дали обет Богу посвятить себя на служение и не жениться и выходить замуж, но в дальнейшем жить с супругой не как с женой, но как брат с сестрой. Так некто, с женой предварительно не посоветовавшись, не подготовил её и не заручился ее согласием. У них было две дочери. Он был тверд в своем уповании, а она не могла так жить. В дальнейшем она не устояла и попала в грех. Он тогда оставил её и переехал в г. Хмельник, забрав своих доче-

рей, а опекуном его дочерей стала с. Надя. Брат, устроившись на работу, с дерзновением говорил всем о Господе. И многие в Хмельнике тогда обратились к Господу. Очень часто после работы на старом велосипеде он посещал общины за 30—35 км, ибо там не было братьев, а одни только сестры душ 70—80. Беседовал с ними, ободрял, вдохновлял в уповании на Господа и возвращался ночью в г. Хмельник. Дороги были полевые, часто дождь заставлял в пути, и приходилось велосипед нести на себе. Но он в своей ревности, ни на что не взирая, заслужил уважение и расположил к себе сердца народа. В последствии к нему переехала его мать, бывшая усердной труженицей на ниве Божьей в Донбассе.

Один из братьев-служителей часто посещал наши церкви и по просьбе народа в этих местах совершал священнодействие. Он принял все учение, которое было в нашей местности, и даже во многом приумножил его. В народе была простота в одежде, в отношениях между собой, особенно среди молодежи.

Преподавалось истинное евангельское учение, что христианин должен быть образцом и светом везде. Быть аккуратным, чистым. Одежда, если и не новая, то должна быть постирана, а если повреждена, то чтобы была тщательно залатана. Так же и обувь на ногах, и волосы на голове должны быть в порядке. Братья посоветовались с верующими в тех местах, где совершали труд, ввели форму одежды. Длинные широкие юбки (ниже колен) и блузки с длинными рукавами — для женщин, а также полностью покрытая голова и днем, и ночью. Брат-служитель, когда я ещё был в лагере, приезжал в нашу местность, и с ним сестра Шура, через которую было пророческое слово к народу; с ними еще приезжали молодые ревностные братья Лёня и Анатолий. Горя духом, они с дерзновением говорили слово Божье и любили петь во славу Господа, зажигая сердца молодежи, вдохновляя на подвиг веры во славу Господа. Церковь в те дни, к сожалению, уже была разделена, и одну сто-

рону посещала с. Надя, а приезжий брат совершал там служение; другую — с. Юстинка, а брат Соловей совершал у них служение. Он был избран, когда ещё весь народ был в единстве. Наше служение охватывало: Любарский район с центром Любар, с. Юровка, Житенцы, Гизовщина, Борушковцы, Переток и другие.

После возвращения из заключения в октябре 1949 года многие ожидали, на какой стороне буду я. Но, ещё находясь в заключении, я постоянно молился и просил у Бога мудрости, чтобы мне не поступать лицемерно, в этом я видел большую опасность для себя и постоянно старался стоять на страже при встречах и разговорах, чтоб не потворствовать ни той, ни другой стороне. Ожидая моего возвращения, многие надеялись и имели некоторые откровения, чтобы я принял служение в своей церкви в с. Житенцы, которая насчитывала тогда где-то 120 членов и было около 40 братьев. И хотя мне предложили принять служение, но я очень боялся. Во-первых, потому что был молод, во-вторых, потому что в народе разделение и тайна церкви совсем не сохранялась, а это угрожало вновь тюрьмой. Так же смотрел я на то, что никто не решался стать в проломе. А оставаясь в таком положении, что можно ожидать дальше? Я понял, что нужно было жертвовать собой, как говорил Апостол Петр (4:1-2) в первом послании. Нужно вооружаться мыслью, которой был вооружен Христос, входя в этот мир, чтобы исполнить волю Божию.

Братья назначили братское совещание и призвали брата Соловья, служителя, для беседы. Но в беседе он категорически заявил, говоря обо мне: «Мне помощников не надо, я сам справлюсь в обслуживании всех 25 церквей, к тому же он не женат, а юноша не может быть на таком служении. Пусть женится, и тогда будем говорить». И он, оставив братское, ушел. Тогда братья, увидевши его несогласие и неправильное поведение, решили поручить мне служение.

В то время в наших церквях рукоположений не

было. В это же время из заключения возвратился старший брат Ефим из с. Коростень, который был ещё при брате Сидоре. Его сторона с. Юстинки приняла, как Ангела Божья, а брата Соловья её единомышленники устранили от служения в связи с отступлением его единственной дочери, видя его некоторые неправильные действия в воспитании дочери. В связи со всем этим было принято решение провести общее братское собрание с участием старших сестер для объединения церкви. Одну сторону поручили представить брату Ефиму, а другую мне. Для меня это было особое испытание, и я удивляюсь доныне, как Святой Дух заблаговременно открывал, как вести себя в этих обстоятельствах, чтобы держаться истины и здорового евангельского учения. Когда я уединялся, пребывал в постах и молитвах, Господь давал мне прямые и совершенно ясные советы по моей детской в то время доверенности и простоте. Благодаря Святому Духу и Его вдохновению народ объединился, и на меня легли все тяжести труда, ибо Ефим сразу выехал к своим родственникам. Там он попал в искушение, отошел от Господа и свою жизнь окончил, как отступник.

Глава третья

ДОМ ГАЯ

*«Братолюбие между вами да пребывает.
Страннолюбия не забывайте»*

Евр. 13:1-2.

Любарская община считалась как Иерусалим среди окрестных селений, куда постоянно собирался народ со всеми своими нуждами. Там было много старших сестер, которые воспитывались ещё при брате Сидоре, таких, как Юстинка, Домка, Луша, Аня

Юриевская, Аня Грыцьк, Вася, Ярынка и другие, которые хорошо знали слово Божье и могли беседовать с народом Божиим на любую тему. Тогда в церкви мало было проповедей, а всегда в большинстве случаев беседы на разные темы. Они давали свои более положительные результаты в воспитании народа Божьего и жизни в Господе. Из этих сестер Бог некоторых употреблял в труде. Через них было чистое, ясное пророческое слово. Они жертвовали собой для Господа, для труда на ниве Его в молитвах. Они получили хорошую школу, воспитанные братом Сидором.

В Любарской общине выделялся один дом, как дом гостеприимства Гая — это дом брата Романа. В этом доме постоянно собирался народ со всех близлежащих деревень и сёл для беседы, молитв с различными своими нуждами. Не было свободного дня, чтоб не было народа, и Господь чудно хранил это место. Они постоянно готовили обед на 20—25 человек, и Бог благословлял их. Там постоянно совершалось богослужение, хлебопреломление с омовением ног. Как обычно, после хлебопреломления была вечеря любви, где принимали пищу в простоте и веселии сердца, и расходились по домам оживленными и вдохновленными, как ученики с горы Фавор. Это давало им силу для победы над грехом и мирскими похотями и соединяло в единстве духа и союзе мира, вдохновляло на жертвенные подвиги, взирая на подвиг любви Иисуса Христа. Господь чудно хранил Свой народ, который видел крепкую и могущественную руку Божью. Чем больше и искренней отдаем мы Господу, тем Он становится ближе к нам.

В 1947 году нашу местность в г. Любар посетил областной пресвитер и его заместитель с целью объединения с нашим братством и регистрации общины. Прежде они многократно призывали наших братьев к себе, но они не находили нужным идти, зная их цели, поэтому пришли сами. Нам заранее сообщили об их посещении, и церковь молилась Господу об устройстве этой встречи. При встрече ре-

шили меньше с ними говорить, а больше молиться. Так и начали действовать. Прежде чем начать беседу, один из братьев пригласил всех к молитве. А народ научен был молиться час, а то и два, если нужно. И когда единодушно возвысили голос в молитве, то Бог излил обильное благословение, которое коснулось и пришедших представителей. После молитвы у них не нашлось дерзновения беседовать, а благословили народ и сказали: «Молитесь так и дальше, чтобы Бог хранил вас». В этой молитве Господь коснулся особо заместителя пресвитера Соботажа Александра, так что он не мог успокоиться и, посетивши общину в г. Молине Коростенского района, был крещен Святым Духом. После этого он начал постоянно сотрудничать с нашей местностью. Он ещё в молодости окончил библейские курсы в г. Киеве. В двадцатые годы он работал у баптистов уполномоченным по воскресным школам Украины, за что был впоследствии осужден на три года тюрьмы и отбывал срок в г. Харькове. После окончания срока ему не разрешали вернуться вновь в Киев, а решили поселиться в 100 км от Киева. Он поселился в г. Житомире и смог лишь устроиться на кирпичный завод, ибо нигде не принимали. В Киеве он работал в редакции, и поэтому в дни оккупации он издавал в г. Житомире песенники на украинском языке. После освобождения Украины его снова стали преследовать. У него было 2 сына. Они ушли в армию и стали офицерами. Жена при отступлении немцев во время бомбежки была убита, и он остался один. Впоследствии при моем возвращении из лагеря и принятии служения он активно принимал участие в труде вместе со мной и со всеми нашими братьями. При совместном участии в г. Житомире организовались общины, в большинстве случаев из молодежи, такой, как Езерские Стасик, Петя и Мария, Крученюк Леонид, Кулинич Валя, студентка педучилища, которая впоследствии стала женой Чернецкого Михаила, — сестра Рая и мать ее, быв-

шая учительница, и многие другие. У Александра в то время была большая христианская библиотека: 12 томов Иоанна Златоуста, труды Фарары, толкователи на «Пятикнижие» Моисеево и другие. Лично мне он оказал большую помощь в служении.

В 1950 году, посоветовавшись с братьями, мы решили ещё назначить братьев на дело служения, которых и предложили церкви, а в тайных нуждах представили каждого пред Господом и получили прямые и ясные ответы. Но чтобы ввести их в дело служения, мы с братом Соботажем Александром решили составить для служителей специальные пособия: как совершать крещение, хлебопреломление с омовением ног, молитву над детьми, бракосочетание, погребение, исповедание, молитву о крещении Святым Духом, молитву над больными и другие основные догмы нашего вероучения. Порядок изучения Священного Писания для всего народа и дополнительно пособие для молодежи. Советовали также многие места Священного Писания заучивать наизусть. Например, по изучению Нового Завета, Евангелие от Матфея: сколько глав, краткое содержание всего Евангелия, кому оно написано, как автор представляет Христа, главные места о Его последних днях. И так по всему Евангелию. Мы все это составляли, а молодежь переписывала для вручения каждому служителю в помощь. Итак, когда труд был окончен, вновь избранные братья в количестве восьми человек, получив скромное пособие, сразу могли начать самостоятельно трудиться в церквях. Мы с постами и молитвами предали их Господу, прося у Него благословения на этот труд. Каждому из них поручили от трех до пяти общин. Время от времени мы собирались для братских бесед, обсуждая проделанный труд. Пророчества, которые были по церквам, были ли они в обществе или наедине, мы просили, чтобы они записывали и передавали служителям. Имея свидетельства от многих церквей, нам легко было определить, о чем говорит голос Духа Святого к своему народу. Народ этому верил, назидался и укреплялся в вере. Наряду со всем

этим, мы стремились, а особенно молодежь, посещать другие общины как нашей местности, так и соседних областей, таких как: Донбасс, Ровенскую обл., Одессу, Киев, Винницу и другие.

Глава четвертая

СТРАДАНИЯ И ВЕРА

«Потому что вам дано рагу Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него»

Фал. 1:29.

Я работал на каменном карьере с. Корживка Остропольского р-на. Строили на реке Случ межрайонную электростанцию, и после работы на старом велосипеде мне приходилось посещать общины и совершать хлебопреломление. И если в пути начинался дождь, то я иногда опаздывал на работу, так как велосипед приходилось нести на себе. Работая в с. Корживка, мне с братом Рунь Иваном пришлось быть на братском в г. Староконстантинове Хмельницкой области. Возвращаясь домой, мы заехали в его деревню Яремичи, и там с друзьями пребыли в молитве, и было слово от Господа: «Совершу великие суды, и вы будете свидетелями. Ужаснетесь и содрогнетесь при виде Моих судов». После молитвы мы рассуждали, что же это может быть, и ожидали в терпении. Однажды мы шли обедать на квартиру, была тихая солнечная погода и не видно было никаких признаков надвигающегося суда. На небе было маленькое облачко, на которое никто не обращал никакого внимания. Только мы сели за стол, как вдруг грянул гром и пошёл град. Все окна в хате побил град. Это продолжалось минут пятнадцать. Когда мы вышли на улицу — все было во льду

сантиметров на 8-10. Деревья стояли голые, без листьев. В огороде все было покрыто льдом. Гуси и утки в поле были побиты градом. Народ в панике, и я ужаснулся и содрогнулся от видимого, и благодарил Бога за Его откровение. На другой день к обеду все ещё было много льда. Град доходил размером до куриного яйца. Несколько районов охватило это бедствие. Все в поле было побито градом. Но, что важно отметить, там, где в селах были общины верующих, все осталось невредимым. Слава Господу!

Мне по просьбе друзей из Киева пришлось посещать и совершать служение, так как брат Володя Бойко был в заключении, а брат Михаил Иванович Иванов, будучи диаконом, по семейным обстоятельствам, большая семья, а также неустройство с квартирой и на работе, кроме того преследование властей, не мог совершать служение. И мы с братом Гришей — «Усатым», так его называли в то время, фамилии точно не помню, совершали служение. В то время из сестер были более активными в служении с. Зоя, жена брата Володи, с. Броня, жена брата Петра, Покровские сестры, у которых больше всего проводились служения, а также молодая сестра Галя. Из братьев был один Николай из школы, так его называли по месту жительства и работы. У него тоже тогда часто собирались, а также брат Иван из Подольска, старец. Мы старались по возможности делать дело Божье, а власти продолжали делать свою работу. Многих вызывали, допрашивали, призывали сотрудничать с ними, и некоторые из народа Божьего становились на этот путь.

Однажды брат Дмитрий из соседней церкви Гизовщина приходит ко мне и плачет. Рассказывает, что его вызвали в КГБ, расспрашивали обо мне и он не устоял, устрасился, и все то, что они говорили, подтвердил в угоду им. «Я наговорил на тебя всякой неправды и поставил свою подпись. По возвращении домой совесть моя не давала мне покоя. Что мне делать? Если тебя заберут и посадят, я не пере-

несу этого. Поэтому я решил идти к тебе и во всем признаться, и просить прощения. А также, чтобы ты снялся с учета и уехал куда-нибудь на время». Посоветовавшись с братьями, я решил за лучшее уволиться с работы, сняться с учета и уехать на время в Донбасс. Там я временно поселился в г. Константиновке, где находились мои друзья: брат Володя Глуховский и брат Михаил Черницкий. Туда же приехал брат Мурза Моисей из Ровенской области, находившийся в то время на нелегальном положении. Впоследствии нам совместно пришлось совершать труд во многих местах, так как братьев-служителей было мало, потому что большинство было в лагерях. В Константиновке на постоянную работу не устраивались, а работали по договорам, ибо была необходимость все время посещать церкви, совершать труд как в своей местности, так и в других по просьбе народа. Все мы: Володя, Моисей, Вася и я, поселились у одинокой сестры, инвалидки пожилого возраста, Поли. Она была очень усердна в добрых делах и очень любила дело Божье, отдавая себя всецело Господу. Она была как мать всем нам, а также советником во всяком добром деле, материальном и духовном. Редко можно было встретить такую душу. Мы все считали, что в ней был дар любви, она действительно была исполнена вокруг «очей». Она имела заботу о церкви, о нас, служителях, а также постоянно и горячо молилась за дело Божье. Однажды приходит она к нам и говорит: «Братья, я договорилась уже с моим братом (он был инженером на заводе), что вы постройте ему кирпичный дом». Мы говорим: «Сестра Поля, что ты сделала, зачем ты договорилась об этом со своим братом, ведь мы не строители и никогда не строили дома». Она отвечает: «Если Бог дает мудрость в строительстве дома Божьего вам, то вы постройте и этот дом». Так и произошло. Нам пришлось приступить к строительству дома, присматриваться, как строят другие, учиться самим и строить. И никто не верил, что это первый дом, который мы

делали. Бог помог нам и дал мудрости в строительстве этого дома. Близкими её подругами были сестры: Валя с Горки, Таня, Лиза и Валя, диакониса.

В Константиновке организовалась молодая община, многие приехали из других мест на жительство. Из с. Киселев Хмельницкой области приехал брат Федот с семьей, брат Павел Бондарчук и другие. Из с. Лабунь приехала Женя и Мария Чернецкие, которые также были из Хмельницкой области. С семьей Чернецких я был знаком с ранней молодости и знал, что они остались сиротами без отца и матери с ранних лет. Их было два брата и четыре сестры, и в их доме всегда совершались богослужения.

Весной 1953 года власти арестовали брата Володю Глуховского и сестер Полю и Лизу, судили их и дали по 10 лет исправительных трудовых лагерей.

В 1954 году КГБ усилил свою работу в трех областях: Винницкой, Житомирской и Хмельницкой. Старались вновь арестовать целую группу верующих. Я в то время работал в бригаде по строительству и ремонту по договору колхозных объектов. Работали мы в Хмельницкой области, снимали квартиру, а на воскресенье разъезжались по домам. Как-то в понедельник я опоздал на работу, так как ко мне приехал брат Иван Чеботарев. Встреча с ним была очень короткая, так как КГБ следил за мною и за ним. Узнав о его приезде, ему невозможно было дальше оставаться, и, проводив его, я уехал на работу. Когда я приехал на квартиру, хозяйка мне сообщила, что только что были гости из КГБ и спрашивали меня. Когда я еще говорил с хозяйкой во дворе, на велосипеде подъезжает брат Миша Черницкий и говорит: «Саша, только что люди из КГБ были на работе и ищут тебя, так что на работе тебе нельзя показываться, ибо они обещали приехать ещё». Затем он меня полевыми дорогами сопровождал в селение Лановцы, где с нами работала сестра Лида, и мы с ней поехали к родственникам, чтобы известить родных и назначить с ними встречу в с. Великие Дерев-

вечи у одной сестры. Она жила с мужем возле леса, и у них состоялась наша встреча. Там мы обговорили дальнейшие наши действия, поскольку поднялось такое сильное гонение, то мы полагали, что оно коснулось и Житомира, где жил брат Алексей, который сотрудничал со мной. Он много мне помогал. В сопровождении нескольких сестер мы направились в г. Житомир к брату Алексею, намериваясь соединиться с ним и уехать в Одессу к друзьям, которых мы раньше посещали, а оттуда морем попасть в Таганрог. Мы имели хорошие отзывы об этой общине, и, прибывши в Житомир, не задерживаясь в квартире, мы сразу же приняли решение уехать. Я рассказал Алексею свои планы, но он предложил другое, говоря, что ночью ему явилось видение: на небе появилась женщина и дракон, который преследовал её, и была надпись — «Ирша». «Я полагаю», — говорит он, — «что Бог показывает нам на какое-то время укрытие. Там я знаю две семьи наших друзей, из недавно уверовавших, кроме того, это прекрасное место в сосновом лесу, рядом протекает речка, и я думаю, что там тебе можно немного отдохнуть, хотя бы недельки две, чтобы поправиться, а затем мы сможем поехать туда, куда ты предложил».

Итак, мы решили ехать попутной машиной до г. Коростень, а там на поезде в сторону Киева. В пути нас сопровождала житомирская молодежь во главе братом Леонидом. Отошедши недалеко от квартиры брата, Александр вспомнил, что забыл отдать соседке ключи, и решил вернуться, а мы пошли в направлении к сенному барaku. И только дошли до него, подъехала машина, и водитель согласился довезти нас до Коростеня. Только мы уселись в кузове и машина тронулась, а молодежь еще смотрела вслед нам, как вдруг на это место подъезжает машина из КГБ. Бывшие в машине осмотрели место и поехали в обратном направлении.

Мы благополучно доехали до Коростеня, а оттуда поездом до станции Ирша. Разместились у одной

старушки. Нас сопровождала Богуцька Оля. Увидевши наше место расположения, она на следующий день отправилась на родину, где уже с нетерпением ожидали нас друзья. Там мы свободно расположились отдыхать в уютном местечке в сосновом лесу возле речки. Через несколько дней к нам приехали две сестры: Оля Богуцька и Аня из с. Сулоивки. Аня ранее работала учительницей. Приехали они к нам со срочным поручением, отозвали меня в сторону и передают весть с неба. Мы преклонили колени, и в молитве Бог повелел возвестить мне, что брат Александр все сведения о нас и о наших богослужениях, которые мы проводили, рассказал в КГБ. Следует заметить, что мы христиане и в нашей жизни, и в наших богослужениях, которые мы проводим, мы никоим образом ничего плохого не говорили ни в адрес наших властей, ни тем более в адрес КГБ, поэтому я должен выговорить ему, и если он покается, то Бог ещё может помиловать и простить его. Затем мне необходимо оттуда немедленно уехать в другую местность. Я призвал его и стал ему говорить о покаянии, о Божьем милосердии, и спрашивал его: неужели он желает крови моей и моих братьев? Бог будет милостив к нему, если он покается. Выслушав меня, он показал вид глубокой печали и сказал: «Значит, ты доверился пророкам и меня сделал предателем? Я не могу этого перенести, я уйду в лес и изолью свою печаль Господу». Идти в лес нужно было мимо почты. Он ушел и где-то минут через сорок вернулся обратно, но уже на вид ободренным, и говорит: «Значит моя доля такая, что от самых близких мне придётся нести тяжёлое поношение». После приезда сестер от нас уходил только один поезд, и они меня убеждали, чтобы я немедленно уехал, не ставя в известность Александра. Но моя совесть не позволяла сделать это, и, поскольку им было поручение заехать в Киев, я решил сопровождать их. Поздним вечером уходил поезд на Киев, и мы в сопровождении Александра решили туда уехать. Ино-

го пути не было. Мы с Александром неоднократно бывали в Киеве у Зои Бойко, жены брата Володи и у сестры Гали, которая жила у Киево-Печерской лавры. Александр Емельянович советовал сестре Ане, что в Киеве почти со всех районов Украины, это возле Сенного базара, есть машины, на которых она может доехать в любое место по городу, так как ей далеко было добираться от железной дороги. Попрошавшись, я уделил ему денег на пропитание, дал теплые белье и пожелал ему Божьих благословений. Затем мы уехали и уже около 5 часов утра были в Киеве, где благополучно и добрались до сестры Гали. Следует заметить, что она имела очень уютную квартиру. Там мы поблагодарили Господа, покушали и собрались в город за покупками; сестры хотели купить себе некоторые вещи и за одно заехать к сестре Зое Бойко, спросить её о покупках, которые её друзья заказывали ей, когда она была у нас. Итак, мы отправились в город. Сестры в первый раз были в Киеве. Сделав некоторые покупки, мы приехали на Сенной базар и начали искать машину из Улановского района. Наконец нашли и, договорившись с шофером о поездке, снова пошли на базар. И тут сестры говорят мне: «Саша, обрати внимание, за нами почему-то наблюдает постоянно вот этот человек». Я не поверил и говорю: «Не может быть, кто нас знает в этом городе и тем более кто мог видеть нас в Киеве ранним утром? Это ж не деревня, где все и всех людей знают в лицо? Но, на всякий случай, давайте проверим, точно ли это так. Сейчас мы сядем в трамвай и вначале поедem к Зое». Мы сели в трамвай и поехали, он за нами, мы приехали к сестре Зое, выходим из трамвая, он не отстаёт и постоянно следует за нами. Зашли в магазин, он стал у дверей и ждет нас. Я говорю: «Сейчас мы проведем его ещё по Киеву и ещё раз убедимся, а за одно и посмотрим, что это за человек». Мы вышли из магазина и направились по ул. Довженко, он вновь следует за нами. Мы ускорили шаг, а он опять за нами,

снял пиджак, видимо очень устал бедняга и начал отставать. Мы думали, что он уже прекратил преследовать нас, но оглянувшись, видим, что он остановил какого-то рыжеволосого студента и что-то говорит ему, а тот внимательно слушает. Затем рыжеволосый молодой человек отделился от него и быстрыми шагами начал догонять нас. Я нес большой тюк ваты. Сестры забирают его у меня и говорят: «Саша, уходи быстрее». Я передаю им тюк, покидаю их и быстрее ухожу, а студент обгоняет их и бегом за мной не обращая ни на кого внимания. Сестры вдогонку кричат мне: «Убегай быстрее!» И я, что есть силы, побежал, а впереди был бульвар Шевченко. Когда я прибежал на бульвар Шевченко, то увидел, что на углу остановился трамвай. Подбегаю к трамваю, а он затворил дверь и уезжает. Я стучу в дверь, водитель открывает её, я на ходу вскакиваю в трамвай, и он уезжает. Проехав две остановки, пересаживаюсь на другой трамвай и вновь уезжаю, хотя сам не знаю куда я еду. Затем осмотревшись, я пересел на нужный трамвай и уехал к сестре Гале на Киево-Печерскую лавру, откуда мы и уехали. Приехал и рассказываю свою историю, и говорю ей: иди и собирай молодежь, пусть разыщут этих сестер, потому что я их оставил в таком месте, что они, возможно, не знают, как оттуда уехать, и, вероятно, у них нет совсем денег, кроме того, они первый раз в Киеве. Они могут интересоваться у прохожих, как им добраться на ж/д вокзал, или они находятся в том месте, где я их оставил.

В г. Киеве в это время работала домработницей у министра финансов Украины сестра из нашей местности, подружка Оли Богуцкой. Сестра Галя позвонила ей и все рассказала, и попросила её, поскольку она знает их в лицо, чтобы она проявила в этом деле усердие. А мы начали молиться Господу и говорили: «Господи, управляй ими Сам». И вот к вечеру сестры сами приехали. Они запомнили Киево-Печерскую лавру, люди им подсказали, как ехать, а мы, со

своей стороны, тоже все время смотрели на улицу и, когда увидели их, возрадовались. Они рассказали нам, что все время были под контролем каких-то незнакомых людей, попытались от них уйти и в один момент сумели уклониться от своих преследователей, в то время когда один из них на короткое время присел уставший, чтобы отдохнуть. Больше мы ни его, ни других преследовавших нас не видели. И так, все мы преклонили колени и искренне поблагодарили Господа за явленную нам милость и Его помощь. К вечеру подошла сестра Лена и, увидевши, что все мы вновь вместе, мы еще раз поблагодарили Господа, а сестра Галя начала накрывать на стол угощения. Мы покушали, так как очень проголодались за целый день, и с. Галя ещё хотела омыть мне ноги, но прежде пошла к соседке, чтобы договориться с ней о размещении нас на ночлег. Только она вышла, как вдруг видим, что в дверях появляется наш брат Иван из Подольска, а за ним два чекиста. Они спросили мою фамилию и говорят: «Мы хотели бы с вами поговорить, пойдемте на улицу и возьмите с собой свою одежду». Кроме этого, спросили: «Вы что, верующие?», отвечаем: «Да, мы верующие, и без молитвы мы никогда и ничего не делаем. Сейчас мы помолимся и пойдем». Они согласились, и мы склонили колени, помолились, попрощались, и я пошел с ними. На улице они поблагодарили старца за то, что он прямым путем провел их к нам, и попросили его несколько минут подождать их, а меня посадили в машину и отвезли в ближайший участок милиции, затем они возвратились и отвезли старца домой. После этого вскоре приехали за мной, чтобы отвезти меня во внутреннюю тюрьму.

На следующий день мне принесли ордер на арест от прокурора и уже через два дня привезли остальных наших братьев из нашей местности: брата Омелька из с. Куськово Хмельницкой области, брата Кузьмича Петра из г. Любора и б. Франкова Петра из моего села, а также сестру Аню Бароболу из

с. Сулокивки Винницкой области. А одного нашего брата Хмельника арестовали раньше на неделю, так как он до уверования служил в полиции. Ему предоставили все данные нашей работы среди церквей до мелочей, полученные ранее по данным Саботажника А.Е., который был наиболее других ближе ко мне. И он сумел впоследствии все подробно передать в КГБ обо всех наших братских беседах: где и когда они проходили, кто и что говорил и даже что кушали за столом. Видимо, он знал, что им все это уже известно, и, думая обрести у них милость, все им подтвердил. Итак, им удалось скрыть прямого предателя, а в дальнейшем поставить этого брата, который шел по нашему делу как свидетель, в день суда. На заданный нами судьям вопрос: почему наш брат не сидит вместе с нами на скамье подсудимых — те ответили, что он будет судим не как верующий в Бога человек, но как изменник Родины, потому что он служил в полиции, а ваша статья теряет для него силу. Но, к удивлению, на второй день после суда, где он был свидетелем против нас, его отпустили домой, видимо, с условием, что он сразу же женится. По-видимому, им было известно все о его жизни, что он проповедовал девство, то есть не выходить замуж и не жениться. Вернувшись, он сразу сделал предложение одной сестре, и та согласилась выйти за него замуж. После этого они поехали в с. Вишенки и там тайно без церкви сочетались, но когда они явились в церковь и сообщили о том, что они сочитаны законным браком и являются мужем и женой, то церковь не приняла их и не приветствовала их, так как нас осудили всех на 10 лет каждого, а ему дали свободу сразу после осуждения братьев, и, кроме того, он ещё и незаконно женился. Видя то, что отвергнут народом, он собрался и уехал в г. Черкассы и там оставался у братьев баптистов, а затем уехал в Америку. Другой брат Глазов (фамилия изменена) вернулся в 1956 году из заключения совершенно перевоспитанным и полностью склонным к регистрации в объ-

единении с баптистами. И сразу же, пользуясь прежним уважением и доверием в народе, начал активно работать, особенно в г. Хмельнике, склоняя народ к регистрации и воссоединению с союзом ВСЕХБ. На эти предложения никто не соглашался. Видя это, он решил жениться на одной молодой сестре, а затем ушел в церковь к баптистам. Позднее баптисты рукоположили его на дьякона, а потом на пресвитера, затем назначили областным пресвитером Житомирской области, а в последствии старшим пресвитером по Львовской и Ивано-Франковской областям. Там многие в то время из пятидесятнических церквей вошли в состав ЕХБ, затем его вновь повысили и перевели в г. Киев заместителем республиканского пресвитера Духонченко по Украине. Затем его ввели в Москве в двадцатку, как представителя от христиан веры евангельской, а на его место во Львове назначили Биласа Романа Ивановича. Брат Глазов, пользуясь большим доверием от властей, имел возможность в те времена посещать многие страны за границей как представитель от ХВЕ (пятидесятников). В молодости мы с ним совместно много трудились. Он искренне любил трудиться в деле Божьем и мы вместе с ним много посещали церкви и по Донбассу, и в Киеве, и в нашей местности. После того, как он уклонился, я всегда стремился, пользуясь старой дружбой, получать от него литературу, которую тогда так трудно было достать. Я знал очень хорошо его тещу и ее детей. Это была очень уважаемая всеми, добродетельная и истинная христианка. Мы в её доме часто находили приют и были согреты её любовью. Кроме того, она была известна по добрым делам и пользовалась доброй славой в народе, так как она была очень искренна и верна Господу. Все первое, что имела она в огороде и в ульях, она всегда отдавала Господу в церковь, а затем пользовалась сама.

В доме её часто совершались богослужения, братские беседы и молитвы. Будучи в г. Киеве в 1974 г., я

зашел в дом брата Владимира, чтобы попросить литературы, но его не оказалось дома, он уехал в Канаду и Америку на три месяца. Я попросил его жену, что когда он приедет и будет у него литература, Библии, Евангелия или гусли, то пусть оставит мне. Затем пусть сообщит мне, а я или мой отец приедем и заберем. После его приезда он собрался с женой и двумя сыновьями ехать в Крым на отдых и попутно заехал к нам. Но нас на то время дома он не застал, не стал нас ждать, а сказал матери, что, когда он будет ехать с отдыха, заранее сообщит нам телеграммой, чтобы мы были дома, и тогда он заедет к нам. Так и случилось. После отдыха он сообщил, что едет к нам и чтобы мы ожидали его. Затем он заехал к нам со всей семьей, дети его познакомились с нашими детьми и собрались на следующий день пойти вместе на рыбалку. Я попросил его рассказать о поездке в Канаду и Америку и его впечатления обо всем, встреченном на пути. Он с расположением начал рассказывать сразу о Канаде, а в последствии об Америке подробно: где был, что видел, как к нему относились, видел ли исцеления. Он сказал, что там во всех церквях молятся об исцелении. Они так убедительно приводят к вере, что там невозможно не верить. Я сам получил исцеление, это у них происходит совсем просто, нашему народу это трудно даже воспринять. Затем рассказал, как он был в институте, где готовят миссионеров. «Меня там окружили все и начали расспрашивать, есть ли у нас молодежь и много ли?» После того как он рассказал, что у нас тоже очень много молодежи, они сразу же преклонили колени и начали молиться о нашей молодежи, пообещав и впредь постоянно молиться о них. Ещё я спрашивал его, есть ли там верующие, которые находятся вне регистрации. Он ответил: «Да, есть, но они собираются отдельно». Во время нашей беседы начали собираться многие друзья. Все интересова-

лись, как живут христиане за границей. Он вновь и вновь всё рассказывал, отвечал на вопросы и затем снова слегка затронул вопрос о регистрации. При этом вынул бланки из портфеля, подает мне и просит заполнить их, говоря, что там ничего противозаконного нет, только одно пожелание зарегистрироваться. При этом добавил: «Я заберу это заявление, а в дальнейшем вы будете пользоваться полной свободой и вас не будут преследовать власти». Но я их не принял и сказал ему: «Ты знаешь, Володя, что мы на это имеем свои взгляды и желаем стоять в Христовой свободе, так как мы и до этого жили, до конца, как мы и научены. И по своей неосторожности я напомнил ему об откровении, которое еще в начале пятидесятых годов было в Никитовке. Мы с ним посетили молодежь другой общины, где находилась сестра Шура, с которой он приезжал в нашу местность. И вот при встрече с ней я был вместе с ним. Она смело говорит мне, я полагаю, что это было не от её разума, а в исполнении Святым Духом, ибо она не решилась бы при первой встрече так говорить: «Так говорит Господь, что Володя уклонится к баптистам, а Сережа станет предателем, а брат Леня и Толик — падут», и я говорю брату Володе: «А ведь все это исполнилось». И ему это было не по сердцу, наверное, что я сказал это при народе, поэтому он говорит: «Ты все ещё водишься пророчествами и веришь им?» Затем встал из-за стола, вышел во двор, сел в машину, запустил двигатель и собрался уезжать. В это время подходит к нему моя жена и начинает уговаривать его остаться. Вышел и я и стал просить прощения, что я так пред всеми сказал, но я не имел намерения его обидеть или унижить.

Мы все долго упрашивали его, чтобы он остался и вошел в дом, но это было бесполезно. Он обратился к жене своей и сказал: «Выноси детей из дома», потому что они уже спали. Затем, отряхнувши прах от моего дома и от нашего города, он уехал.

Глава пятая

ИСПЫТАНИЯ

Внутренняя политическая республиканская тюрьма расположена в городе Киеве по улице Короленко, 33. Одинокaя камера, в которой я находился ровно три месяца, была очень маленькой и практически без всякого поступления воздуха. Вверху под потолком расположено маленькое окошечко, в которое свет проходил только с неба. Пол паркетный, койка, матрац, две простыни, подушка, полотенце и табуретка, это всё, что было в камере. Тюремa находилась внутри квартала, обнесенная вокруг с нескольких улиц многоэтажными корпусами оперативных и следственных кабинетов, охраняемых солдатами армии госбезопасности. Надо сказать, что ночью на допросы не водили, не били и вообще следствие велось не так жёстко, как в других местах. Днём на кровать ложиться не разрешалось, можно было сидеть или стоять, а ложиться только после отбоя. В кровать ложиться можно было только навзничь с открытой головой, чтобы надзиратель мог видеть тебя. На бок ложиться нельзя: только повернешься набок — сразу надзиратель будит. Кормили немного, но чисто и разнообразно. Пол каждое утро надо было натирать мастикой. Белье чистое, меняли каждую неделю. В 1949 году, принимая служение, я разумел, что обрекаю себя на разлуку с близкими и нелегкую лагерную жизнь. Но только в сердце было какое-то желание, которым я делился со многими. Если возьмут, то чтобы следствие и суд проводили не в районе, а выше, кроме того, меня интересовало, как на это все смотрят высшие люди сего века, как они относятся к религии, как понимают Бога, и Бог так это и исполнил. Через два дня нас всех свезли в Киев, и началось следствие. Следствие, длившееся полных пять месяцев, кроме воскресенья, было

очень изнурительным. Первоначально моим следователем был капитан. Он был снабжен полностью всеми данными обо мне до мельчайших подробностей во всех моих действиях, так как мой «друг» был очень талантливым и дал добрую, исчерпывающую информацию до мелочей. С самого начала следователь поставил меня в известность, что все мои действия ему известны. Но я ему сразу же в самом начале допросов объявил, что я христианин и отвечаю только за себя, о других меня не спрашивайте. Я отвечать не буду. Он зачитывает данную ему информацию и требует подтверждения, мол, мы все равно все знаем. Но я стоял твердо на своем.

Он спрашивает о других, кто был со мной, я молчу, а он нервничает, давай меня обзывать, а я говорю ему: «Гражданин капитан, зачем вы нервничаете и сердитесь на меня, мне надлежало бы расстраиваться, а вам чего, я в ваших руках, делайте, что намерены. Вы же меня призвали не для того, чтобы расследовать и оправдать». Он ходил по кабинету, курил одну сигарету за другой, а писать в протокол допроса нечего. Он вновь давай меня обзывать: «Ах ты идиот, не человек, ты ещё дальше будешь молчать и не отвечать на вопросы следственным органам?» Я после сих слов вовсе перестал говорить. Он расстроился, в повышенном тоне задает вопросы, а я спокойно сижу. Его ещё больше заедает. «Ну что не отвечаешь, молчишь, задумал жаловаться?» Я ему ответил: «Вы обозвали меня идиотом, а я сохраняю достоинство человека. Если вы видите пред собой идиота, пусть он вам и отвечает, а я отвечать вам не буду». Итак, я промолчал до конца смены. Видимо, он пожаловался на меня, и меня передали другому следователю, Ионову Михаилу Николаевичу, старшему следователю по религиозным делам при Совете министров Украины. Он был человек выше средних лет, около пятидесяти. Он вызвал меня на другой день и спокойным голосом заговорил: «Расскажите мне вашу биографию». Я коротко рассказал. Он говорит: «Мне все

понятно. Я вас не в состоянии переубедить, но мы с Вами будем ещё много беседовать. И скажу Вам наперед, что на многие вопросы, заданные Вами, я не отвечу Вам, ибо наука ещё многое не открыла человечеству, а многое только ещё предполагает. Да и Вы, я уверен, на многие вопросы, поставленные мной, не ответите». Я говорю: «Я с Вами согласен, я нигде не учился и не закончил никаких религиозных заведений, а, уверовавши, работал в каменном карьере на строительстве электростанции, учился сам и в то же время учил других». Он объяснил, что ведет следствие моей сотрудницы Анны, и сказал, что она в общей камере, и с нею ещё пять женщин, чувствуют они себя хорошо. Я спросил его, может ли он от меня передать ей приветствие, он ответил утвердительно. Дальнейшие наши беседы проходили не по разбору моего дела, а просто беседовали на разные религиозные темы, например: приводят меня, и я вижу — развесили географические карты. Он говорит: «Сегодня мы будем беседовать о вероисповеданиях, мусульманской, буддийской и других религиях, а также о распространении христианской веры». В другой раз мы беседовали о геологических раскопках, о потопе, о Святом Духе, об экспериментах, проведенных учеными над животными, и многом другом. Объясняя свои взгляды, он спрашивал мое мнение о разных христианских вероучениях; особо он обращал внимание, показывая фотографии «мурашковцев»: Ивана Мурашко и его духовной жены Ольги, как он делал на ее груди нарезки — 7 малых печатей и одну большую печать. И брал кровь из этих «печатей», и как этой кровью окроплял верующих, ссылаясь на место в Писании Пс. 49:5. Ольга именовалась мать Сиона, а Иван Мурашко — отец Сиона. При принятии этих печатей при свидетелях она терпеливо, без стоны, все переносила. Второй следователь доказывал, что со многими вероисповеданиями невозможно мириться. За все время допросов я никогда не видел его расстроенным или нервным. Но он всегда

был спокойным, на вид добрым человеком и всегда относился ко мне весьма лояльно. Вот однажды, во время одного из допросов, беседа со мной, подзывает меня к окну и говорит: «Смотри, наверное, ваши верующие разыскивают вас, как-то узнали, что здесь есть тюрьма». Подвел меня ближе к окну и говорит: «Это разведка, а там где-то за углом, вдали видимо, целая группа верующих. И если только они узнают, что вы здесь, то они все подойдут, неся передачи». Так и случилось. Когда в комендатуре сказали, что есть таковые, и они могут принять передачи, тогда подошли ещё многие, и мы стоим у окна и смотрим. Следователь спрашивает, узнал ли я кого из своих, отвечаю — да. Вот мой отец, а там знакомые сестры. Спрашиваю, можно ли подать им хоть какой-то знак. Отвечает, нет, тогда их не отгонишь от этих окон. Они же не знают, что здесь следственные кабинеты, они отдали передачи и ушли. Так было несколько раз.

Наконец, видя его доброе сердце, я решил попросить его сделать мне свидание (очную ставку) с сестрой Аней. Он говорит, что для этого нужен материал, чтобы сделать очную ставку. «Но это же в ваших руках». (Он был старший следователь по религиозным делам). «Ну хорошо, попытаюсь». Через два дня привели меня, а потом и сестру Аню. Он посадил нас рядом и говорит: «Вы узнаете друг друга? Ну, пожалуйста, поговорите», а сам ушел к книжному шкафу и там что-то просматривал. Наконец подошел и спрашивает: «Ну что, поговорили?» Мы поблагодарили его, и он отпустил Аню. После этого я ещё просил сделать такую же очную ставку с Кузьмичом Петром. Но он сказал, что нужно, чтоб его следователь нашел причину на очную ставку. Но через несколько дней мою просьбу он удовлетворил. Привели Петра, посадили нас рядом и предупредили оба следователя: ничего не говорить, а сами вновь ушли к книжному шкафу. Но другой следователь посмотрел и говорит моему следователю: «Смотри, они разго-

варивают». А он говорит: «Да ничего, пусть поговорят». Так прошла и вторая наша встреча. Отсюда следует заметить, что Бог располагает людей и даже в тесных обстоятельствах оказывать милосердие Его детям. Однажды следователь вызывает меня и говорит, что он уезжает на несколько дней по исследованию моего дела и будет в моем селении и в моем доме, и увидит моих родителей. Затем подает мне чистый лист бумаги и говорит, чтобы я написал письмо отцу, родителям о себе, а он его передаст. Я так и сделал, написал письмо, в котором описал, насколько возможно, о моих обстоятельствах, и он уехал. Дня через три приезжает обратно, вызывает меня и подает мне письмо от отца и говорит: «Был я в вашем селе, вызывал многих верующих на допросы, но многих из них я не стал допрашивать, видя их испуганных, бедных и в страхе. Некоторых допрашивал, и вот их протокол, который я подавал им, и говорил: «Прочитайте, верно, ли я записал с ваших слов. Если верно, то распишитесь». Одна женщина внимательно прочитала протокол и начала между строчками все зачеркивать, чтобы никто не мог ничего дописать. Наблюдая за ней, я запасся терпением, дал ей волю, и впоследствии она всё-таки расписалась. После допросов я направился в дом твоего отца. Следует заметить, что в это время все ваше село пришло в волнение, что же там произойдет? Войдя в ваш дом и увидев отца, я объяснил, что я следователь и приехал на исследование по делу вашего сына. Подал отцу мое письмо и попросил, чтобы он написал ответ. Рассказал также обо мне и об условиях предварительного заключения. Мать в это время лежала больная. После этого следователь подал мне письмо отца. Я прочитал его и он сказал: «Теперь порви его и брось в урну». Так что верна пословица, что Бог не без милости, а свет не без добрых людей. И везде их можно найти. Этот следователь тоже человек, и он не хотел иметь неприятности после тех добродетелей, которые он оказал мне. Нако-

нец, после трех месяцев одиночки меня перевели в общую камеру. В ней в то время находился стройный пожилой мужчина Васильев Николай, бывший царский капитан, начальник разведки эмиграционной службы, засланный в Советский Союз сотни шпионов. Во время войны он был в числе нового русского правительства. Сам он писал доклады и трижды ездил в ставку Гитлера со своими докладами о неправильном обращении с русскими военнопленными и с русским народом. Эти документы сохранились, и его помиловали, как националиста, и вместо расстрела дали 25 лет тюремного заключения. Он отбыл срок во Владимирской тюрьме, а сюда привезли его на очную ставку с его заместителем, которого арестовали в г. Одессе. Находясь под следствием, в беседах следователь начал задавать мне вопросы, как бы испытывая меня. Это длилось дня три, но я ничего не мог понять, так как эти вопросы были не по теме следствия или моей веры. И приходя со следствия, я делился с моим коллегой по камере. Он предложил: «Давай мы помолимся, чтобы Бог вразумил тебя, почему следователь задает тебе вопросы не по делу следствия?» Он был православной веры и всегда молился по-своему Богу. Ночью во сне я получил вразумление, что с ним мне нужно пойти на откровенность. Когда меня вновь вызвал следователь, я начал говорить с ним откровенно, по заданным вопросам и по поводу наших бесед, что он ищет каких-то других методов работы с верующими. И я стал изъяснять ему свои взгляды. В дни НЭП(а) Лениным был издан декрет для верующих, чтобы их освобождали чрез суд от воинской повинности и чтобы верующие пользовались свободой вероисповедания. Затем впоследствии этот декрет был упразднен, и верующие вновь стали подвергаться гонению, а органы власти, в свою очередь, не имели сомнений, что перевоспитают верующих, победивши капиталистов, помещиков, кулаков, националистов и др. Выиграв Вторую мировую войну,

они и мыслить не могли, что с верующими придется так долго бороться. Они считали, что верующие — это темные малограмотные люди и, когда они в дальнейшем будут просвещены наукой, они сами откажутся от религии. И вот результаты: прошли десятилетия, но число верующих в Советском Союзе не уменьшилось, несмотря на то, что верующих стали преследовать, сажать в тюрьмы и всячески ущемлять, но, напротив, увеличилось. Даже больше, многие церкви пополнялись молодежью. Мы, отбыв сроки в лагерях, не изменили своих взглядов. И вот вновь стоим перед судом и, как и прежде, тверды в своих убеждениях. Все это стало известно за границей, и в адрес нашего правительства начали поступать требования об освобождении узников за веру. А перед органами госбезопасности стоит задача — искоренить все пережитки старого. Но это было не так просто. Можно это сделать разными путями. Первый — уничтожить всех верующих, на что советское правительство не пойдет. Второй вариант: посадить всех в тюрьму и изолировать их от общества, на что тоже правительство не решится. Есть ещё и третий вариант: сослать всех в определенные места, как в свое время делало царское правительство с монахами. Но это также вызовет горечь и слезы многих, которые знают нас как честных и правдивых людей, не делающих никому зла. И на это не пойдет советское правительство. Вот ещё четвертый вариант: выслать нас всех за границу, как нежелательных граждан, чтобы не влияли на остальной народ, но это опять же вызовет недовольство в народе, да и мы понимаем, что Россия — это наша родина, где родились наши отцы и деды. В тюрьмах большинство из нас своих убеждений не изменит, а если б кто изменил, то тюрьма не воспитает преданных и верных родине людей, а наоборот, некоторых утверждает, а некоторых озлобляет, и это не устраивает ни верующих, ни атеистов. Когда-то Малинков в своем выступлении выразил такую мысль: все вопросы мо-

гут и должны быть решены не посредством силы, а посредством переговоров. Вы ведете обширную работу, затрачивая много средств, засылая множество своих секретных агентов, которые в большинстве случаев неправильно информируют Вас о нас, верующих. Вот эту жестокую несправедливость видят наши дети и близкие. Нас ущемляют на работах; следят за нами, когда мы собираемся для служения Богу и для молитв; без милосердия штрафуют нас всех подряд по 50 руб. (при заработной плате в то время 100—120 руб.), вызывая в горисполкомы, прокуратуры и в милицию. Как вы думаете, какую атмосферу вы создаете и как она влияет на наших детей и близких, на всех честных людей, тогда как пьяницы, воры, хулиганы живут спокойно и благоденствуют, а многие честные люди, напротив, преследуемы, гонимы, презираемы? Считая их веру предрассудком прошлого и думая, что она скоро отомрет сама собой, но жизнь показала другое. Нынешнее поколение верующих более грамотное и развитое, сменяет своих отцов и самоотверженно следует их путями, убеждаясь в истине, что есть живой Бог, сотворивший вселенную и дарующий жизнь и дыхание всей твари на Земле; отвечающий на молитвы народа Своим голосом с неба. И потому мы по своим убеждениям, веруя в Бога и Его совершенные законы, служа Ему безбоязненно в святости и правде и доброй совести, исполняем Его заповеди, за которые грядет воздаяние — жизнь вечная. Мы отступать и отказываться не можем. Поэтому я предлагаю — предоставьте нам компетентное лицо, с которым мы могли бы обговорить открыто, свободно обсудить все вопросы, касающиеся нашего вероисповедания, и мы сами переселимся в любое определённое вами место, чтобы жить, трудиться, служа Господу, и приносить пользу для ближних своих и для своего государства. Но вы же против того, чтобы верующие могли занимать какие-либо начальствующие должности, хотя бы даже бригадира или звеньевое? Да

вы и сами знаете, что многие советские граждане недобросовестно относятся к своим гражданским обязанностям и это ведет ко греху и создаёт вам же множество проблем, а мы не хотим быть участниками в чужом грехе. А там, где будут все верующие, мы готовы вести всякую организационную и воспитательную работу. На этом наша беседа была окончена. После этого следователь говорит: «Вообще-то, мысль эта интересует нас, и мы ищем что-то новое; но я лично сам этого решить не могу. Если ты согласен, я завтра призову своих коллег, и то, о чем ты беседовал со мной, изложишь перед ними свободно». Я дал своё согласие. На следующий день привели меня к следователю, где уже сидели двое из оперативного отдела, которые меня арестовали, и с открытой улыбкой говорят: «Мы слышали, что Вы вчера имели очень интересную беседу со следователем; он поставил нас в известность, и мы заинтересовались этим и пришли попросить Вас, чтобы вы свободно изложили всё это ещё раз и перед нами. Не смущайтесь, мы тоже ищем пути в какой-то мере сближения с верующими, но мы сами не можем это предложить вашему братству. Ибо оно для Вас будет не приемлемо, а если вы выносите такую же мысль, это нам приемлемо. Конечно, мы этот вопрос решать сами не в силах, но мы сможем ходатайствовать дальше пред высшими органами». Затем я изложил им все подробно и по порядку, как и прежде рассказывал это следователю. В ответ они сказали, что нас этот вопрос также интересует, но мы не можем передать ваших взглядов другим, а потому мы бы просили вас, по своему благорасположению и согласию совести, изложить это ещё раз в письменной форме, дабы мы могли предложить его другим для рассмотрения. Мы вам для этого предоставим возможность. Дадим вам бумагу, чернила, комнату и сколько Вам понадобится времени. Мы не ограничиваем вас ничем. Вы можете написать все на черновике, проверить и переписать, а потом подписать и подать нам. И так мне была предоставлена возможность писать

по этому вопросу на имя ЦК КПУ. Они с заинтересованностью приняли, но прошло довольно времени после того, как я им всё это написал, а никакого ответа не последовало. И вот однажды утром в кабинет следователя, где я уже сидел, заходит пожилой полковник и сразу обращается ко мне: «Так в каком году и куда Вас переселить? Может быть, ближе к Америке? И кто же будет Вас там охранять, отребье помещицкое?» «Нет, гражданин полковник, я сын бедняка, и меня это не касается. Я бывший комсомолец, а ныне верую в Бога». «Ну, так где вам дать автономию?» — вновь спрашивает он. — «Ишь, чего захотел! Не автономию вам дать, а всех вас нужно кастрировать, чтобы вы не размножились! Или ты надеешься на воскресение? Ты видел разлагающиеся тела мертвых, их кости и даже волосы? Как же в таком случае воскреснут мертвые?» И вновь: «Вас всех кастрировать нужно, а не автономию». Отвечая на слова, чтобы остановить его, я сказал: «Уверен, что это слово не советского офицера, чтобы в двадцатом веке кастрировать людей для уничтожения. Они не согласны с политикой советского государства, и я постараюсь доложить об этом выше. Вот следователь — свидетель ваших выражений, он не откажется. А я с Вами больше не разговариваю». «Ишь ты, ишь ты, им автономию давай». И ушел. Следователь говорит мне: «Ты знаешь, с кем ты разговаривал? Это начальник оперативного отдела, к нему попало твое заявление, и он пришел посмотреть на тебя. А жаловаться на него бесполезно. Любая жалоба сразу попадает к нему». «Да, я понимаю, что я бессилен, но как-то нужно было остановить его». Однажды в беседе со следователем я решился задать ему вопрос: «Гражданин майор, скажите, пожалуйста, но не казенным, а гражданским языком. Справедливо ли поступают с нами власти?» «Я считаю, что нет. Но если бы я был у власти, я тоже прибежал бы к административному взысканию, ибо невозможно иначе. Не все же такие верующее, как вы. Возь-

мите, к примеру, «мурашковцев», с которыми я пред Вами имел дело. (И показывает мне фотографии Ольги (матери Сиона), как у неё брали кровь, на груди крест, — это большая печать и семь малых печатей, и этой кровью окропляли всех последователей ее). Эти учения и действия невозможно оставить без внимания. Я тоже привлекал бы их к ответственности, но, конечно, не на десять лет, а на год или два». Александр Иванович, я хотел бы сказать тебе, что Вы поступили в жизни опрометчиво. Вот ныне ты лишешься свободы, паства лишается тебя, вы бы могли оставаться на свободе и быть с народом, жить в своих семьях и делать свое дело. Мы наблюдали за вами, и вот видим, ты стал на виду и не уходишь. Наблюдали за вашими действиями и пришли к выводу, что так оставлять дальше нельзя. Ваша связь с тринадцатью областями Украины, ваши разъезды в Одессу и другие области, туда, где было деление среди верующих. Ваша цель была объединить их. Всё это побудило нас обратить на вас внимание, и решено было убрать тебя со сцены, ибо твоя деятельность идет вразрез с нашими взглядами. И вот ты оказался здесь. Но если б ты действовал тише и спокойней, то и поныне оставался бы на свободе и со своим народом.

Глава шестая

АРЕСТ

Нас арестовали 4 июля 1954 года, а суд назначили на 11–12 ноября 1954 года. День суда совпал с днем, когда Никита Сергеевич Хрущев издал указ о так называемом «культе личности», о том, что многих верующих несправедливо осудили. Суд над нами шел два дня. Свидетелем по обвинению был один из верующих из г. Хмельник. Во время перерыва нас

всех помещали вместе, кроме того, который свидетельствует на нас, и, беседуя совместно, мы пришли к выводу, что в лагерях нам необходимо не только свидетельствовать и спасать души, но и объединяться с братством по учению Иисуса Христа. В заключительном слове, предоставленном судом, мы обратились к судье и заседателям со словами: «Всем известно, что всякий человек рожденный имеет свойство верить, надеяться, любить. И нет такого человека, который ни во что бы не верил. Все вы тоже имеете во что-то веру и даже веру в светлое будущее. И мы, имея веру в живого Бога, дающего всему жизнь и дыхание, Который вложил в дух человеческий такие свойства, которые не есть материальные, а духовные, как, например: наша совесть, сознание, под-сознание, вера, надежда, любовь, и мы верим в Бога — Творца миров, в Его законы, заложенные Им в природе, в Его совершенный и святой закон, данный для человека, как инструкция, по которой он должен устраивать свою жизнь, чтобы ему было хорошо. Его законы — законы вечные и неизменные; и мы желаем жить по Его закону, чтобы в последствии иметь жизнь вечную в царстве Его. Веруя в Него, мы имеем залог Духа Святого, который свидетельствует, что мы имеем жизнь вечную, что мы дети Божьи. И потому в своей молодости, отбывши уже однажды сроки в лагерях, через малое время мы вновь предстали ныне пред судом. Принимая за веру во Христа вторичный срок 10 лет далеких сибирских лагерей, свидетельствуем вам, что есть Живой Бог, и будет Его воздаяние в свое время каждой душе. Мы не воры, не убийцы, не хулиганы, мы никому не желаем зла, но верим в Святое Евангелие и желаем жить по Нему». Суд вынес всем нам приговор по 10 лет строгих дальних лагерей. Нас после суда поместили в этой же тюрьме в общую камеру.

В этой камере мы прожили уже два месяца и к нам из лагеря привезли заключенных на доследование. И нам они говорили, что вышел указ Хрущева,

что верующих должны отпустить из лагерей, и потому вас не отправляют в общую тюрьму. Видимо, ждут указания. Из этой тюрьмы после суда сразу отправляют в общую тюрьму, а нас уже третий месяц содержат здесь. Я тогда решил записаться на прием к своему следователю, Ионову Михаилу Николаевичу, так как мы уже третий месяц находимся после суда в этой тюрьме. Вызывают к следователю, спрашиваю: «Гражданин майор, я пришел к Вам, чтобы благословить Вас, Вашу жену и Ваших сыновей (их у него двое), прожить неразлучно, счастливо в мире, любви, с уважением друг ко другу все дни вашей жизни. Я пришел, чтобы поблагодарить Вас за ваше гуманное, доброжелательное обращение со мной в период следствия. Дай Вам Бог доброго здоровья». Он отвечает мне: «Александр Иванович, я ничего доброго для тебя не сделал, я все делал по закону».

«Я хотел ещё у Вас спросить: почему нас вот уже третий месяц после суда содержат здесь, не отправляют в лагерь? Я слышал, что вроде бы есть какой-то указ в отношении верующих, что их неправильно судят, и поэтому будут пересматривать наши дела и отпускать всех нас домой?» Он отвечает: «Александр Иванович, не усугубляй свое внутреннее состояние. Соглашайся и готовь себя к худшему, вооружайся терпением на 10 лет. Я скажу тебе, как смотрят на вас власти. Изменникам Родины, националистам и многим другим может быть амнистия, ибо они вчера кричали против советской власти, а завтра они могут изменить свои взгляды, но на вас смотрят иначе. Считают, что вы пропитаны таким духом и пропитываете и других людей, что вас невозможно переубедить в этом. И потому говорю тебе — настраивайся на худшее, и тебе будет легче все снести».

Продержав после суда три месяца, нас отправили в пересыльную Лукьяновскую тюрьму. Поместили нас в общую камеру без нар, где уже было человек 20 преступного мира. Расположились, как и все, на цементном полу близко возле параша, как поло-

жено новичкам. Условия были ужасными по сравнению с внутренней тюрьмой. Табачный дым, матерщина, произвол. Питание ужасное: баланда с нечищеными овощами, хуже, чем дают скоту. И целыми сутками сидишь в этом котле. И днем и ночью не утихают страсти, всё бурлит, как море взволнованное, выбрасывая ил и грязь. Продержав там около месяца, нас отправляют на этап.

Глава седьмая

ЭТАП

Столыпинские вагоны. При усиленной охране нас загрузили в товарные вагоны. Я попал вместе с Кузьмичом Петром. Север. Коми АССР, г. Инта. Пересылка. Карантин. Встреча с Гришей из церкви «Новая православная вера». По делу их судили двоих. Они именуют себя, как две маслины, которые должны проповедовать в Москве в 1956 году и быть повешенными, и воскреснуть (восстать). Они написали послание на 80 страницах ко всем христианским деноминациям всего мира. Излагая целое учение на основании всех откровений Священного Писания, включая книгу пророка Даниила и Откровение, доказывая, что умер не Сталин, а его двойник. В карантин к нам свезли из многих лагерей иностранцев из разных стран, отсидевших уже по 10 лет. Их по указанию правительства должны были отправить на родину. И Гриша восхищался тем, что свои идеи распространит за границу. Он сутками просиживал с ними, внушая свои убеждения, а они с большим вниманием слушали. Он предсказывал всем, что в июле 1956 г. будет большая амнистия для заключенных и что они в июле будут проповедовать на улицах г. Москвы, и будут повешены, и через три дня восстанут. Амнистия, как таковая, всё-таки в июле

совершилась. После карантина меня, как имеющего вторую судимость, направили в штрафную зону строгого режима и водили копать канавы и котлованы. В этой зоне было много украинских националистов, которые с большой ненавистью смотрели на меня, что я не националист и якобы не люблю Украину. Они много угрожали мне, говоря, что это тебе повезло, что коммунисты ещё дают тебе поблажку, но помни, что мы добьемся того, что Украина будет свободной, и тогда мы таких, как ты, сгноим в наших тюрьмах. Тяжело было очень и по работе и духовно находиться в такой среде, пылающей ненавистью, но Господь не дает сверхсил, я заболел аппендицитом, и меня положили в общую зону в больницу, где я мог встретиться с братьями Кузьмичом Петром и Николаем. Николай Ловян был портным и обшивал начальство, и он стал ходатайствовать обо мне перед начальством, чтобы меня оставили в общей зоне. И меня оставили. Немного продержали меня при больнице рабочим, а впоследствии перевели в стройбригаду, и я имел возможность при содействии Николая иметь встречу в рабочей зоне с братом Виктором Белых и в дальнейшем с Мариным Серафимом. Брат Виктор уже был освобожденный, а Марин был расконвоированный.

В 1955 году на Инту прибыл министр иностранных дел Круглов и дал распоряжение о том, чтобы всех, просидевших определенные сроки, распустить на вольное поселение под комендатуру. Оставшихся, которые не подлежали этому указу, свезли в один лагерь, куда попал я и мой поделщик Кузьмич Петр, Иван Орлов, Иван Коваленко, Степан Шелестовский и другие. И из «мурашковцев» несколько человек. Всех нас свезли 450 человек. Степан Шелестовский имел 25 лет исправительных лагерей, как националист, и отбывал срок в г. Норильске. Там он возглавлял забастовку заключенных, и впоследствии был отправлен в закрытую тюрьму, а оттуда в 1955 году привезли его на Инту, в лагерь строгого режима. В

тюрьме он начал обращаться к Богу и по приезду в Инту начал искать верующих (мать у него была верующая), очевидно, молитва матери дала свои положительные результаты. В Инте мы имели возможность ближе с ним познакомиться, помочь ему стать на твердую основу веры в Слово Божье.

Глава восьмая

ОСВОБОЖДЕНИЕ

В 1956 г. в мае в Инту из Москвы приехала комиссия по рассмотрению дел верующих, и многих заключенных начали отпускать домой. Меня и Кузьмича Петра отпустили 2 июня 1956 г. Сразу после освобождения мы приехали в Интинскую Церковь, где пресвитерами были братья Виктор Белых и Павел Иванович Штуберт, а дьяконами были Павел Степанович Егоренков и Николай Войцеховский. Это была, можно сказать, братская община, которая насчитывала более 200 братьев и 17 сестер. Первую ночь на свободе я провел в беседе с Виктором Ивановичем, который меня известил, что освободившиеся братья Бидаш Афанасий и Левчук Иван Анатольевич должны через несколько дней отправляться уполномоченными в Москву по ходатайству о создании союза ХВЕ (пятидесятников). Я был противником регистрации и изложил свое мнение по этому вопросу брату Виктору, и предостерег, какие могут быть последствия. Брат Виктор согласился и говорит: «Что теперь делать? Эти братья на днях должны уже ехать по этому вопросу в Москву». И брат Виктор говорит: «Саша, давай завтра немедленно езжай в Киев и предупреди их от меня, чтобы не ехали, и скажи, что я согласен с твоим мнением и обо всем по этому поводу с тобой поговорил». Но я попросил его, если он согласен, то пусть напишет

своею рукою письмо, в чем он согласен, и это будут не только мои слова. Он написал письмо, и мы с Кузьмичем на второй день уехали в Киев. Приехав в Киев, мы сразу попали на служение. Так как мне приходилось, когда не было братьев, совершать там священнодействия, то я знал все места, где они собирались. Там же были Левчук Иван и Бойко Владимир. После собрания я попросил братьев остаться, говоря, что мы имеем письмо от Виктора Ивановича, и затем подал его Левчуку. Он прочитал и сказал: «Брат Саша, уже поздно, у меня уже билет в кармане; я завтра утром уезжаю к брату Бидашу и оттуда в Москву по этому вопросу. Я предлагаю, чтобы ты ехал с нами». Но я ответил, что я еще не доехал домой, и разумею, что это дело не так просто делается. Вы едете как представители от всего нашего братства, а с братьями не советовались, хотя всё это нужно было сделать прежде. Нужно было уведомить всех братьев — служителей, чтобы помолились, представили нужду пред Господом. И что скажет Господь, то и делать. Тогда мы имели бы познание воли Божьей, получив ответы от многих братьев. Если, допустим, Господь благоволит к этому, то опять-таки нужно было бы вновь ставить нужду — кого Господь пошлет, и только тогда будет успех. Но вы, несколько человек, согласились и решили продвигать это дело». Утром мы встретились на железнодорожном вокзале; мы направились домой, а брат Левчук Иван к Бидашу, и оттуда ещё с некоторыми братьями уехал в Москву. Наконец мы возвратились домой. Невозможно описать те чувства радости, которые наполнили нас. Сердца наши были исполнены благодарностью к Господу за данную милость. Мы были вооружены мыслями в смирении нести свой крест в далеких лагерях Севера или Сибири, но Бог по милости Своей вновь возвращает нас в семью народа Божьего, испытавши нашу верность и нашу любовь к Нему. Это были особо счастливые минуты нашей жизни при виде явленной милости Господней. Господь обильно благословил всех нас в молитвах. Дух

Святой возвещал об освящении народа Своего. Однажды Бог побудил многие сердца друзей собраться в селе Житенцы, для общения. Испытано, там где Господь побуждает и сводит сердца вместе, там Бог все чудно устраивает и проявляет Свою славу. Братья, которых мы всегда ставили для возвещения о мире и спокойствии, вдруг возвещают о том, что приехали из района работники КГБ и поехали искать собрание. Тогда все разошлись по домам, разобравши гостей. Некоторые из гостей были в доме моего отца, и мы, погасив свет, склонились в тиши для молитвы. Вдруг Господь исполняет Святым Духом сосуд и идет слово «Завтра собраться на таком-то месте, я поставлю охрану и благословлю. Не смущайтесь». Утром послали посланцев объявить о предстоящем служении на указанном месте. И когда собрался народ, Господь ещё из нескольких сел побудил сосуды, и они прямо пришли на то место, где было богослужение. Когда начали служение, то Дух Святой сам чудно руководил им. Святой Дух действовал с особой силой, открывая грехи в народе, и души, к которым было обращено слово, тут же сознавались, что все сказанное истинно. Господь действовал, как написано в послании Павла к Коринфянам, когда первый сосуд Бог употреблял, то второй умолкал и так далее. Бог употреблял многих и открывал все сокровенное. И народ был в великом страхе и трепете перед Богом. Далее было повелительное слово от Господа: «Пройду по станам народа Моего, и буду действовать благодатью Моею для освящения народа Моего, ибо ныне время Моего милосердия». И Господь повелел нескольким служителям и сосудам войти в этот труд; всех было восемь человек. И лишь только приходили в общину, и объявляли служение, народ весь приходил в страх, ибо молва уже прошла, что Господь действует так, что ничто нечестивое или какой-нибудь грех не может укрыться. И служения проходят в основном в покаянии, и души со слезами на глазах падали на коле-

ни и в сокрушении исповедовались. Посланные на труд молились о них, и они, обновленные, вставали с колен и торжествовали; и это производило великое влияние на остальных. Молящаяся группа была рядом возле служителей. Бывало так, что подходили души и исповедовали свои грехи искренно, но только от сознания разума, без участия сердца, и было повеление от Господа молиться, ибо не будет обновления души. И они отходили, а другие занимали их место в покаянии, и Бог их чудно благословлял. И тогда те души видя, что Бог хочет плодов покаяния, освобождения своих поступков, своей жизни, в умилении и сокрушении подходили снова, исповедуясь в своих поступках. И получали чудное освобождение и сердечную радость. Казалось, что за некоторые грехи раньше брали бы на замечание, а ныне Божье милосердие и прощение. Слава Богу! И ни у кого не было и малейшего сомнения, что Бог не простил, ибо радость прощения наполняла сердце, и чувства благодарности Господу за Его милосердие и великую любовь к народу Своему. Бог издревле учил Свой народ милосердию. Седьмой год, год отпущения и прощения и сорок девятый, и пятидесятый год милосердия и прощения. Так, уча народ, Бог сам поступал по милосердию с народом Своим; у Него были свои времена подобно нынешней амнистии, которая бывает в Государствах. Да если бы это было сделано по всем церквам народа Божьего, было бы чудное обновление, освящение и свежее помазание Святым Духом. Но многие, видимо, ослушались этого голоса, ибо имели в сердце и в разуме другое. И это «другое» выразилось в обращении братства к народу с предложением требовать свободу другим путем: от каждой общины писать ходатайства в адрес ЦК КПСС, копию в УК КПУ и копию в областное КПБ со списками всех членов церкви, с подписью служителей и их ответственностью за всех членов, чтобы не было никакого бесчинства и самодеятельности. Все эти заявления были написаны от многих

общин. Это дало какие-то небольшие результаты, но на малое время. Власти не ожидали этого, и этот поток заявлений заставил их на время остановиться и обратить на это внимание. Мы смело говорили местным властям и КГБ, что мы подали заявление и ждем ответа. Эта смелость в какой-то мере привела в состояние нерешительности местных властей и даже КГБ, все ожидали, как на все это посмотрят высшие правители; и эта свобода длилась несколько месяцев, но ответа от правительства в адрес служителей так и не последовало. А местным властям и КГБ было дано указание: действовать, как прежде, — умирять, штрафовать, разгонять богослужения, а наиболее активных братьев-служителей вновь сажать в тюрьмы. И тогда снова начали вызывать, преследовать, переписывать, разгонять, штрафовать и применять другие меры наказания. В некоторых местах штрафовали поголовно всех даже детей по 50 рублей. Так народ увидел, что этот метод работы не оправдал себя, и ничего народу не дал, так как он был от человеческого разума и не был согласован с волей Божьей. Многие из народа Божьего начали пребывать в постах и молитвах, и Господь во многом укреплял Духом Святым, возвещая многие откровения будущности для Своего народа. Однажды, когда нас несколько душ согласились неделю пребывать в посте и молитвах в приближении к Богу, было откровение от Господа в видении. Показан светлый путь на восток. И было слово: Восток — избавление народу моему. Заря с востока. И было показано, что на этот путь выходит из многих мест народ в белых одеяниях, и в конце далеко — соединился. И тут же было показано, что в начале этого пути лежит человеческая голова и из нее сильное пламя. И сосуд, видевший это ведение, устранился и, остановившись, рассказал и просил молиться, чтобы Господь открыл значение видения. И было сказано, что в начале этого пути постигнет обольщение от человеческого разума. И чтобы народ Божий стал на страже. Тут вско-

ре стало известно, что многие верующие и даже целые общины решили как будто по откровению уезжать на восток, в Находку, надеясь, что оттуда они попадут за границу. Но впоследствии оказалось, что это все было обольщение, и оно разрушилось. Но сколько горя, соблазнов и отчаяния осталось в народе. В это же время Господь возвещал о многих городах и местностях, где нужна была поддержка.

Глава девятая

ПЛАНЫ БОЖЬИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

До войны, когда я учился в 8 и 9 классах, я жил на квартире у знакомого главного бухгалтера райфинотдела. Он был инвалид, но человек кроткого и доброго характера. Он женился, когда ему было уже 30 лет, и взял себе жену из колхозниц. У них уже было двое деток, сын и дочка. Жена была домохозяйкой. Жили они в достатке. Но когда он приходил с работы, я наблюдал, что у них не было мира. Жена все время его в чём-то обвиняла, была чем-то не довольна, и мне было очень жаль его. Смотря на их жизнь, мне стало страшно. Жизнь дана однажды и самая лучшая пора жизни для того чтобы человек мог создать семью, воспитать детей и приготовить себя к вечности. Он человек грамотный и женился не в молодые годы, а вот искалечил жизнь. И можно ли исправить? Я не видел пути исправления. У нас на Украине вышивали полотенца и вешали их на люстрах и на иконах. На них была надпись: «Если худо жить, лучше вовек замуж не выходить». Эта истина испытана многими, и её передавали из одного поколения в следующее поколение. И я был в таком разочаровании, что если б не уверовал, то, наверно, не

женился. И когда уверовал, я поставил пред Богом три вопроса. Я разумел, что Тот, кто устроил мужской и женский пол, в провидении Своем имеет определение для каждого человека. Я разумел, что это самый важный вопрос жизни, ибо отсюда размножение рода человеческого. Бог желает, чтобы все было по Его определению, Он не сотворил Адама и Еву из праха, а только одного Адама. Всю же остальную тварь Бог сотворил попарно. И Он подвел их пред человека, чтобы человек даровал им имена. Но человек увидел свое одиночество. Вся тварь по паре сотворена соответственно друг другу, но для человека не нашлось подобного, поэтому Бог увидел его нужду и сказал: «Сотворим ему помощника соответственно ему». И сотворил Ему не из праха, а из его ребра. И он произнес первое пророчество — «Это плоть от плоти моей и кость от костей моих, она взята от мужа и будет называться женою». Адам нарек ей имя Ева. Видимо, полнота жизни для человека в супружестве во взаимной любви и Бог советовался с премудростью с самого начала, поэтому я об этом молился Господу. «Господи, я вручаю Тебе жизнь мою, и прошу, дай мне уразуметь Твою волю ко мне: жениться мне или оставаться так. Если жениться, то на ком и когда?»

Для того чтобы получить ответы, нужно, чтобы в человеке не было привязанности, но быть свободным и жребий свой вручить полностью Господу, и быть уверенным, что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше от Бога, и Его воля всегда благая, угодная и совершенная. На первую нужду я получил ответ через уверенность. На остальные нужды я не настаивал. Я это вручил Господу и уверен был, что Он ответит и укажет, но только в нужное время, чтобы я не искушался и не увлекался, а был свободен.

И лишь в 1953 году, будучи в с. Березовка на служении, Господь исполняет Святым Духом и берет в удел сестру Аню Бароболу. Она подходит, берет руку будущей моей жены, Лены, и в действии благодати протягивает через стол, и берет мою руку, и

соединяет. И были слова о благословении. Я после собрания у Лены спросил, как она поняла эти действия Божии. Она ответила, что мало молится за меня, как слугителя, и Бог повелевает ей больше молиться. Я не стал ей объясняться, но я понял, что последовал ответ на мою нужду, она была одна в селе из молодежи. Получив ответ, я не чувствовал никакой привязанности к ней и совсем не строил какие-то планы на будущее. Я просто принял верою ответ на мой вопрос. К тому же в 1953 году арестовали на Донбассе моих близких друзей: Владимира Глуховского, с. Полю, с. Лизу, а моя нареченная заболела, уехала в Киев и устроилась домработницей у министра финансов Украины. Там работала одна сестра, которая и посоветовала взять ее домработницей для ухода за детьми. А меня в июне 1954 г. арестовали, осудили на 10 лет и отправили в Инту. Казалось, все было неверным. Мне дали большой срок заключения. А ее болезнь прогрессировала, и она вынуждена была оставить всякую работу и вернуться к матери на ее иждивение, ибо работать совсем не могла. И куда только ее ни возили: и в больницу, и в институт в Киеве. Ничего не помогало, а здоровье с каждым днем ухудшалось, и её мать уже приготавливала всё нужное к её погребению. Вдруг меня в 1956 году комиссуют и освобождают, в июне месяце я возвращаюсь домой. Где-то через месяц я посетил одну общину, зашел в хату и стал у порога, ибо собрание уже шло. И в час молитвы подходит ко мне Мария из села Воробьевки, и через нее говорится ко мне слово от Господа: «Сын мой, поспеши вступить в супружескую жизнь, ибо впереди труд». Когда мы возвратились, с. Лена из-за болезни на встречу прийти не могла, но впоследствии, посещая церкви, мы посетили ее и совершили молитву об исцелении. И с того времени она начала поправляться.

Когда мне было повелительное слово от Господа, я не разочаровался, я и поныне удивляюсь, как я мог так довериться Господу, видя ее болезнь. Но у меня была твердая вера в обетование Божье, что Он мо-

жет из больных делать здоровых, а здоровых делать больными. Я сделал Лене предложение, и 23 сентября мы отпраздновали свадьбу. Хотя многие говорили, удивляясь, что ее надо в гроб положить, а тут замуж отдают. Но слава Богу, мы неразлучно живем 43 года, имеем 8 детей и 42 внука. Но первую дочь Бог отозвал в небесную обитель, когда ей было четыре месяца. Наши дети за семь месяцев после нашего приезда в Америку, все переехали к нам. Все дети и внуки в настоящее время верующие. Живем все мы в городе Ванкувере. Я был противник выезда в Америку, хотя уезжающих я благословлял и отпускал с миром, но с болью в душе, так как видел, сколько в России труда и как мало работников.

Бог Своему народу дал во владение обетованную землю, но за их согрешения Он рассеивал их по всему лицу земли, а через определенное время вновь собирал их в обетованную землю, в назначенное Богом время. Исаия говорит: 13 гл. 14 ст.: «Тогда каждый, как преследуемая серна и как покинутые овцы, обратится к народу своему, и каждый побежит в свою землю.», 2 Пар. 15:5-6 и Луки 21:10; «В те времена не будет мира ибо великое волнение будет у всех жителей земель. Народ восстанет на народ, изгоняя их в свою землю к своему народу».

В провидении воли Божьей для каждого народа дан какой-то участок земли, как их земная родина, их владение, удел. И потому я считал правильным, когда немцы возвращались в Германию, на свою землю, к своему народу, когда русских выселяли из Прибалтики, Молдавии, Азербайджана и других мест, но я не мог понять, почему наш народ, оставляя землю отцов своих, массово уезжает в Америку различными путями.

Но Великий Бог медленно, но настойчиво работал надо мною, вразумляя многократно в разных местах через разные сосуды не один раз, но множество раз в году учил и напоминал. И первое напоминание было 03.11.90 г. Когда я с женой поехали провожать своих близких друзей Чернецких в Аме-

рику. Возвращаясь автобусом в город Луцк, на пути жена слышит голос: «О, дочь, вскоре пойдешь туда, где еще не ступала нога твоя. Я поведу, дабы еще и еще научить смирению и доверяться Мне. Я Сам пойду впереди». Это повторилось дважды, и она поделилась со мной и мы решили записать эти слова. Я привожу даты и места, в которых было дано для меня откровение от Господа:

-16.04.92. г. Здолбунов. Было слово ко мне: «Будь верен Мне. Встань в проломе за народ Мой. Переселение. И ты внемлешь голосу».

-20.05.93. г. Ялта. «Ваше пребывание здесь недолго. Выйдите с поспешностью. Место готово, Я благословляю».

-26.04.94. г. Ялта. «Ваше пребывание осталось недолго, хотя и не захочешь, пойдешь. Ибо это провидение воли Моей».

-15.04.95. г. Джанкой. «О, дочь, вскоре, вскоре пойдешь туда, где не ступала нога твоя, хотя и не захочешь — пойдешь. Совместно».

-13.11.95. г. Джанкой. «Вот путь, путь от Меня, но не оступись. Путь веры. Иди, иди. Милость, милость»

-01.01.97. г. Джанкой. «Путь сей, — путь веры. Благословение Мое. Щит и охрана Моя. Помощь будет подана свыше».

-09.01.97. г. Джанкой. «Вот пришел час исполнения возвещаемого ранее, и Я смирю всякое сердце восстающее».

Глава десятая ВПЕРЕДИ ПУТЬ

«Странник я у тебя и пришелец»

Пс. 38:13

Евр. 11:13 «Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радова-

лись, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле»

В январе 1957 г. мне с женой было повелено выехать в город Джезхазган. Приехав туда, мы поселились в молодом городе Никольске у одного брата. Он был не женат и имел двухкомнатную квартиру. В собрание ездили пригородным поездом в старинный поселок Рудный. Там была разработка карьерным способом медной руды. Рудный — поселок, в котором дома были без крыш и пристраивались один к одному, так что по верху домов можно было пройти всю улицу.

Никольск был современный городок с пятиэтажными домами, и населяли его в основном заключенные, отбывшие сроки заключения в различных местах. Почва была каменистая, и для того чтобы посадить в городе деревья, рыли широкие траншеи, а внизу подводили водопровод, завозили землю и только тогда сажали деревья. Церковь была небольшая, душ около шестидесяти. Собранием руководил местный брат старичок, а пресвитером был брат Романюк Семен, отбывший 15-летний срок заключения. В Церкви был большой беспорядок. Один брат из Белоруссии по имени Михаил, который в лагере выдавал себя за Христа, освободившись, выдавал себя за одного из пророков. И подобно пророку Иеремии, снимал с себя одежду и ложился посреди дома в собрании то на один бок, то на другой и пророчествовал. Это привело к тому, что 17 новообращенных душ ушли в мир, а многие были в отчаянии. Он по три дня без подкрепления пребывал в постах и ходил по домам, сеял соблазны и преткновения.

Пожилые сестры в поместной Церкви учили молодых, как надо делать аборт и даже сами в этом принимали участие. А служитель молчал по малодушию. Однажды к нам приехала молодежь, два брата и сестра, Моспанюк Люба из нашей местности. И первый раз войдя в собрание, она исполнилась Святым Духом и обратилась к служителю: «Сын

Мой Семен, вот слово Мое к тебе: Открой книгу раба моего Иеремии 48:10» (в то время Господь много указывал на места Священного Писания). И пошло к нему слово обличения. Когда было указано место Писания, я сам, открыв Библию, как будто впервые читал это место: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно, и проклят, кто удерживает меч Его от крови». После этого начались беседы о чистоте и святости учения Христова. Во время пятимесячного нашего пребывания там было однажды нашествие саранчи. Все дома и стены снаружи были облеплены ею. Мы заклеивали окна и все щели, где только видели, но она, однако, проникала практически во все дома. Власти пробовали провести дезинфекцию, но всё было бесполезно, на нее она не влияла, а еще больше раздражала. Дней через 10 саранча поднялась и улетела без всякого человеческого вмешательства. Весной там постоянно свирепствовала дизентерия. Погода там была в основном сухая, почва каменистая, зеленого цвета (окись меди). В степи летом растет очень много диких тюльпанов, мелкий кустарник и водится очень много змей, поэтому ходить одному в степь опасно.

Один из братьев приезжавших к нам в гости, был брат Сторожук Василий, служитель. Он, возвратившись домой, женился и тогда с женой и матерью переехал туда на жительство. А нам было повелено ехать на Урал в Челябинск, и мы поселились около 40 км от Челябинска в городе Коркино. В этом городе проживал брат Миллер Леонид, который в лагере уверовал через брата Ивана Грохольского, которого судили уже третий раз за отказ от оружия. Призывали на службу в армию и давали три года за отказ брать оружие, а отбывши три года, освобождали и вновь призывали, снова судили и опять давали три года, и так до 27 лет. Брат Иван отбывал срок в третий раз в Красноярском крае, и через него уверовали десять человек воров во главе с главарем Котляровым Анатолием; Галкин Леонид, Миллер

Слева направо: с. Нагя, с. Домна, с. Юстынка - трудились после того, как бр. Сигора расстреляли в 1942 г. КГБ, и эти сестры посвятили себя труду на ниве Божьей, посещая общины верующих, научая слову Божьему, и Бог брал их в удел как сосуды. Сидят: моя сестра Аня и ее дочь Галя, я и моя мать, и моя меньшая сестра Мариам, и брат мой Митя, а отца забрали в Германию.

1955 - начало 1956 г. Моя будущая супруга Лена. У нее заболела печень, и болезнь прогрессировала. Мать потеряла надежду на ее выздоровление и приготовила все для ее погребения. Но в 1956 г. мы освободились из заключения и посетили ее, совершили молитву, и Бог исцелил ее так, что уже в сентябре мы отпраздновали свадьбу.

Первые дни нашей супружеской жизни.

1949 г. Встреча с друзьями после первого заключения. Стоят: Грицык Оля, мой брат Митя. Сидят: бр. Коля, с. Луиза и я.

1954 г. Моя будущая супруга Лена и ее подруга Галя, которая в это время работала в г. Киеве домохозяйкой у министра финансов. Галя уверовала, стала христианкой. Позже она вышла замуж и проживает в г. Киеве.

Крым, г. Джанкой. 1967 г. Мы с Еленой. У нас в гостях Роман с женой Ниной, мама Елены (в центре) с нашей дочкой Нелей.

Челябинская область, г. Коркино, 1957 год. У нас умерла первая дочь Марийка, 4 месяца. На ее похороны нас посетили родители и племянница моей сестры Галя.

В день моего 80-летия. Я с женой Леной и с семьей нашего сына Василия. Супруга - Татьяна и дети - Саша, Вася и Виталий. На руках у Татьяны - дочь Оля.

На снимке: в центре внизу мы с Леной, вверху сын Иван, его супруга Света и их дочери: Света, Анжелика, Оля и сын Саша.

Я с женой в день моего 80-летия и старший сын Алик с женой Надей и младшим сыном Даником.

Стоят: Елена, Марийка, я с женой, Неля, Ваня; сидят: Алик, Дина, Вася.

Стоят: Алик с Надей, Вася с Таней, я с женой, Ваня со Светой, Николай с Леной. Сидят: Вася с Мариной, Павлик с Нели, Николай с Диной.

Дочь Оля, ее муж Василий и их дети: Марийка, Павлик, Катя, Владик, Давидик, Леночка.

Николай с супругой Леной и детьми.

Николай с супругой Диной и детьми.

Я с женой и наша дочь Неля с мужем и сыновьями.

Я с женой Леной и наши друзья, которые оказали нам помощь в издании этой книги — Михаил и Александр.

На снимке: братья священнослужители. На переднем плане второй слева автор этой книги Александр Гула.

Леонид, Подземельный Анатолий, Балагуров Валентин и другие. Брат Миллер Леонид, возвратившись из лагеря домой в г. Коркино, начал проповедовать Христа своим родителям и родственникам, которые в скорости тоже обратились к Господу. Также начал проповедовать братьям баптистам, и вот некоторые из них, обратившиеся к Господу и крещенные Святым Духом; брат Нейфельд Андрей со своей женой Леной; Долингер Андрей со своей семьей и сыновьями Сашей, Романом и Владимиром; брат Кляин Владимир со своей большой семьей (10 детей) и многие другие. И там организовалась небольшая община, а брат Леонид назвался служителем. Не взирая на предупреждение Челябинских братьев, будучи крещеным Святым Духом, но не принявши водного крещения, он упросил брата из баптистов Нейфельда крестить его в воде, заверяя его, что он имеет повеление на это от Господа. Нейфельд преподавал Леониду водное крещение, а он впоследствии сам стал преподавать водное крещение новообращенным и своим родственникам.

Челябинские братья возражали и не приняли его как служителя. Он тогда поехал в г. Пятихатки к брату, с которым в лагере был, и рассказал ему всю историю свою и попросил его поехать с ним к брату Бидашу как свидетель, чтобы рукоположить его на пресвитера. Что и было сделано. Но челябинские братья и это не признали за истину, ибо видели, что в нем нет никакого смирения, но много недостатков, не только как у служителя, но как члена церкви, ибо он нигде не воспитывался. Он имел ревность по Боге, но вовсе не был сведущ о воспитании в домостроительстве Церкви. И все это сильно отразилось на народе большим поражением малодушия, несмотря на то, что большинство из уверовавших были образованными и талантливыми людьми, уважаемые начальством и народом. К нашему приезду здесь уже поселился брат Петр Кузьмич с женой, а позднее приехал из г. Рудни, Смоленской области брат служи-

тель Лебедев Петр с женой Марией и детьми, и его родной брат Тимофей, юноша. Работа в Церкви начала налаживаться, и мы стали объединяться с братьями из Челябинска для совместного труда.

Служение в Челябинской Церкви совершали в то время пять пресвитеров и многие диакона: брат Фризен Василий, брат Дик Андрей, брат Буллер Иван, брат Рихтер Иван и брат Эрил. По свидетельству братьев Церковь была основана в 1951 году, а уже в 1957 году в Церкви было более 800 членов.

В 1957 году старец епископ из Джамбула брат Славик приехал и совершил рукоположение на пресвитерское и диаконское служение.

Брат Василий Фризен был старшим пресвитером. Он проявил великое мужество, твердость и стойкость в истине и вере. Церковь состояла в основном из немецкого населения, и большинство были со средним техническим и высшим образованием.

В Церкви было более 200 братьев, но в проповедниках была особо большая нужда. Из русских было где-то три или четыре брата. Был также брат Николай Катаев, бывший офицер и брат Боечко Василий из Львова и еще несколько.

Челябинская церковь под руководством брата Фризена Василия в те времена проявила большой героизм. Они смело проповедовали Евангелие, оправдываясь перед властями тем, что русское население имеет свои Церкви, мусульмане свои мечети, а их, немцев, притесняют. В те времена немецкое правительство требовало от России возвратить немецкое население в Германию, согласно договору, заключенному еще Екатериной.

Они пристроили к временному гаражу еще пристройку, тоже временную, где-то на 350 человек. Собирались в два потока. Крещение и преломление хлеба летом проводили у реки и там же после хлебопреломления совершали воспоминание смерти Господней. Поскольку Германия требовала возврата немцев на их родину, то власти долгое время их

терпели, но впоследствии нашли выход. Прислали пожарников, и они составили акт, что помещение не пригодно для собрания на столько народа, и запретили, но они продолжали собираться. Тогда власти в один день приехали с рабочими и забрали все скамейки и остальное, что было в помещении, и погрузили в машину, а пристройку разрушили бульдозером. Братья все, что делали власти, фотографировали и послали открытую телеграмму с фотографиями в Верховный Совет на имя Ворошилова и потребовали ответа. (Ворошилов был тогда Председателем Верховного Совета). Местным властям братья заявили так: «Поскольку вы незаконно разрушили строение, где мы собирались, то мы будем здесь же под открытым небом собираться, доколе не придет ответ от Верховного Совета, куда мы подали открытую телеграмму с фотографиями».

И целое лето они собирались под открытым небом на улице. Власти приезжали, запрещали, но они отвечали одно — мы ждем ответа на телеграмму. Когда пришел ответ, власти вызвали братьев и предложили забрать свои скамейки и все, что было увезено, но братья ответили: «Вы их сами увозили, сами и привезите на место, а мы будем собираться под открытым небом, раз вы разрушили наше строение». И продолжали дальше так собираться. Через некоторое время братья назначили водное крещение на реке и выехали туда для совершения служения. Власти направили туда отряды милиции и окружили всю местность, а после служения начали забирать братьев-служителей, сажать их в «воронки» и увозить в отделение милиции. Тогда молодежь сама села в машину и поехала вместе с братьями-служителями. Их там вместе посадили в КПЗ и продержали всю ночь. Молодежь наутро выпустили, а пять братьев-служителей оставили, и впоследствии судили, и дали по 5 лет лагерей и 5 ссылок. В церкви появились предатели, и в народе стало ослабление, и даже деление и недоверие друг к другу. Некоторые ста-

ли уезжать на Дальний Восток, а другие в Среднюю Азию в г. Мирке. Челябинское учение отличалось тем, что они согрешивших грехом блуда отлучали до пришествия Христа. А доброе решение у них было то, что каждого члена церкви, уезжающего на другое место жительства, обязательно один раз в год должен кто-то по поручению пресвитеров посетить и узнать о его духовном и материальном состоянии, и преподать все нужное для утверждения в вере. Отпускали членов Церкви, особенно братьев, по согласию Церкви, этим распоряжался братский совет, поручая — сколько дней и куда он должен использовать из данного ему отпуска, и что он должен сделать там, куда его посылают, а остальные дни в его распоряжении. Братья по отбытию срока в Челябинск, кроме Ивана Буллера, не возвращались. Семьи их заблаговременно уезжали кто на Дальний Восток, кто в Азию и братья, освободившись, ехали к семьям. Впоследствии почти все переехали в Среднюю Азию в г. Мирке, а брат Василий Фризен поселился в Ахан-Гаране, будучи еще раз судимым, и после освобождения отошел в вечность. Ныне его старший сын Владимир живет в Германии и совершает служение епископа в нашем братстве.

В г. Коркино Церковь возрастала и укреплялась в Господе. Нам с женой сразу пришлось поселиться у брата Игоря с Таней, а впоследствии у брата Кляйна Владимира, у которого было 10 детей. У нас родилась тогда дочка, которую мы называли Марией, но недолго она порадовала нас. Через 4 месяца ее жизни Господь отозвал ее к Себе. Для нас это была большая утрата, но о ней Господь возвестил нам заранее, в этом было Его усмотрение и Его воля. Совместно с друзьями: Кузьмичом Петром и его женой, Лебедевым Петром и его женой, а также со многими местными жителями мы проводили время в постах и в молитвах, и Бог чудно благословлял и многому учил нас, но власти не молчали и не бездействовали, а начали публиковать ложь о нас в газетах, настра-

ивая людей против верующих. И однажды в молитве Бог повелел мне с женой возвратиться на Украину, ибо обольщение постигает народ: «И вы встретитесь с обольщающим и дальнейший ваш путь да будет на Архангельск». Нам пришлось попрощаться с друзьями, к которым так прилепились наши сердца, и в январе 1958 года нам пришлось уехать на Украину. Посетивши мать жены в селе Бычево, мы направились к моим родителям через местечко Любарь. В Любаре случайно нас встречает молодая сестра Надя Штепа и со слезами просит нас посетить ее мать, от которой отказались врачи. Она болеет уже 9 месяцев, пораженная ревматизмом и полиартритом. Пальцы на руках деформированы, покручены, она ими не двигала, ее нужно было утирать и кормить с ложечки. Врачи определили ее жизнь считанными днями и сказали, чтобы они призывали ее детей и родственников, ибо она долго не проживет. Приехали дети: 2 сына — военные инженеры и дочь учительница, попрощались и уехали, а мать все еще живет. Мы пообещали, что завтра утром мы посетим. С нами пришло еще 5 душ братьев и сестер. Вошедши в дом, мы сразу преклонили колени для молитвы, и Бог благословил молитву, и в молитве было действие благодати Божьей с возложением рук. Бог обильно наполнил всех Своей силой, и было внушение Святым Духом, что она должна встать, но у нее нет решимости. Мы прекратили молитву, встали, спросили ее, как она чувствовала себя в молитве. Она сказала, что чувства были встать, но она не решилась. Она была сильно истощена и не вставала уже 9 месяцев, а лежала на кружалах (специальная постель). Посмотрев на руки, она удивилась, и мы вместе с ней, что пальцы ее выпрямились, и она могла двигать руками. С этой радостью она попросила платочек и спросила, может ли она сама своей рукой утереть свое лицо. И это она сделала. Тогда она попросила кусочек хлеба, сможет ли она сама донести его ко рту и откусить. И это она сделала успешно. Тогда

мы ей сказали: «Сейчас мы снова преклоним колени перед Великим Живым Богом, который явил милость над твоими руками и, если Он еще коснется тебя Своей благодатью, ты не противься и не смущайся, а вставай на свои ноги, и Бог укрепит тебя». Когда мы снова преклонили колени для молитвы и Господь вновь посетил Своей благодатью, и мы возложили снова на неё руки, она поднялась и встала на ноги сама. Это был скелет, кости, обтянутые кожей. Мы прославили Бога и встали с колен. Она тогда попросила дать ей грудного ребенка старшей дочери. Смогу ли я удержать ее. Ей подали ребенка и она взяла его на руки, и тут входит ее муж, неверующий. Видя это, он падает на колени и со слезами благодарит Бога. Бог совершил чудо. Она начала после этого поправляться, стала нормальной женщиной и прожила еще 30 лет. Мы жили в то время в Казахстане и она приезжала к нам в Кокчетавскую область. Там жила ее младшая дочь Надя, впоследствии вышедшая замуж. Мать свидетельствовала Церкви о чуде Божьем, которое Бог совершил в ее жизни. Сын взял ее к себе, ибо муж вскоре после ее исцеления умер и она жила у сына возле Целинограда, в военном подземном городке.

На утреннее богослужение в местечке Любар мы уже не успели. На нём утром были гости из Тернопольской области, Лановецкого района душ пять со служителем. При приветствии было много откровений почти что каждому человеку. Они были здесь уже не впервые. На вечернем служении многие из народа просят, чтобы дать свободу для гостей. Мы попросили гостей принять участие в служении и дать свободу Духу к проявлению без всяких смущений, но в час собрания, к сожалению, ничего не происходило. Предложили после собрания приветствие, но все было сухо. Пользуюсь возможностью, что есть гости, нам предложили совместно с гостями совершить молитву об одной сестре, которая имела помрачение в разуме. Случилось так: однажды трое старушек собрались помолиться. И вдруг заходит мили-

ция и начала их допрашивать. Одна из них от испуга помрачилась в разуме.

Мы согласились, чтобы совершить эту молитву совместно с гостями, но мне пришлось на сердце предложить друзьям, пришедшим с нами, сойтись на час раньше и предстать пред Богом, чтобы узнать, что скажет Бог. Ибо в жизни уже были такие случаи, когда мы объявляли по Церквям пост и молитву, а всё было безрезультатно, но мы молились по просьбе родственников, потому что в уходе за этими душами они очень истомились. Мы молились так: «Господи, выйди навстречу, Ты видишь, как устали души. Яви милость или же прерви жизнь». Через два-три дня жизнь больных прекращалась.

В основу беседы мы взяли место Писания Рим. 1:28. Если это допущено Богом, то помочь мы ничем не можем. На этой уединенной молитве мы получили ответ, что Бог за нечестие и не святую жизнь предал превратному уму и уже не будет освобождения.

И вот когда мы сошлись совместно и привели эту сестру, то со стороны гостей одна сестра по своему вдохновению начала говорить речь минут сорок на родном языке, не прерывая молитвой на иных языках, но из всего сказанного ничего не могли извлечь конкретного. Тогда спросили служителя, что это за дар, и как им пользоваться, мы впервые встречаем такое. Ничего не поняли конкретно по нужде и назидательного для всех нас. Он отвечает, что этот дар очень ценный, он один только в Советском Союзе, а второй такой дар еще есть в Канаде в городе Торонто. Мы поняли, что это явное обольщение и спросили у служителя: «Что можно понять из сказанного в отношении нужды, за которую мы согласились молиться?». Он сказал, что Бог не отвечает потому, что мы сами в том причина. Что вчера Бог через нас проявил исцеление, и мы возгордились, и Бог не мог сегодня явить Свою славу. Так мы и разошлись, но многие из народа, будучи увлечены ими, забрали их в другой дом, без ведома нашего, и там уже была свобода.

Однажды совершенно случайно к вечеру мы направлялись в другую деревню и зашли в этот дом, но народа и гостей там уже не было. Зашед в дом, видим, что семья в особом восторге и брат — хозяин говорит: «Ну что же, Царство Божье не в слове, а в силе, так написано. А вы вот только слово знаете, а где сила?». И давай рассказывать: «Вот только что разошлись друзья и гости, если бы вы увидели Силу Божью, которая была проявлена здесь».

Когда начала проявляться сила через брата служителя Владимира и сестру Олю, мы все были свидетели. Народ уже не молился, они только смотрели, ставши на ноги, а кто и на скамейки, чтобы видеть действия силы. Служитель пал на землю навзничь и сестра-пророчица начала вызывать поименно каждого и спрашивать: «Веришь ли ты, что это сила Христа? Подойди, подними брата и убедись, что это сила Христа. Веришь ли?». И так прошли все собравшиеся поочередно. И брат-юноша, уже отбывший срок в лагерях, говорит: «Когда меня вызвали, я полагал, что я-то подниму его — он был мужественный, сильный человек, а служитель был маленький ростом и слабенький — когда я подошел и стал подкладывать руки свои, чтобы поднять, то как ни силился, не мог даже подсунуть ладонь. И тогда я уверовал, что это сила Христа». А сестра-пророчица только коснулась своими руками и подняла его.

Мы говорили, что Бог никогда не имел нужды доказывать. К тому же, если бы эта сила явилась в исцелении или каких-то особых чудесах, а это прямой дух оболения. Какое вы получили назидание от прикосновения? Вы получили исцеление или вдохновение?

После этого гости еще раз приехали, и тут немножко открылись глаза народа. Один из видных их братьев, вставши после различных представлений, сказал: «Сейчас вы увидите цирк». И тут многим открылись глаза, и сказали гостям: «Вы в оболении, и мы с вами порываем всякую связь». Зная откровения Свя-

того Духа, которое было нам на Урале об оболении народа, и что дальнейший путь нам предстоит на Архангельск, я решился поехать в Киев к брату-служителю Бойко Владимиру, посоветоваться с ним. Он предложил мне еще поехать вместе с ним к брату Виктору Белых в г. Золотоношу, где он находился с женой у своей матери. И мы поехали. При встрече сразу помолились о моей нужде, и через брата Виктора было подтверждение ранее сказанного и что путь от Господа. Я спросил, есть ли у кого-либо адрес верующих оттуда, но его не нашлось. По совету брата Виктора мы поехали в Москву, нас радушно приняли друзья, и мы были с ними в общении. После собрания мы заявили нашу нужду, но оказалось, что ни у кого адреса архангельских верующих нет. Одна сестра говорит, что года два тому назад у ее соседки-баптистки брат уверовал. Он занимал должность заместителя начальника гражданского аэропорта в г. Архангельске, некто Логвинов Николай. И больше ей ничего не известно. А более уверенно нам посоветовали обратиться в канцелярию церкви на Мало-Вузовском переулке.

Обратились в церковь на Мало-Вузовском переулке. Нам сказали, что знают, что там есть церковь, но они не зарегистрированы, и они не имеют от них никаких адресов. Итак, мы, положившись на Бога, в сопровождении сестры Клавды, которая ехала к своим родственникам, направились в путь. В Москве мы познакомились впервые с братом Федотовым Иваном Петровичем и его братом Ленией, а еще с уважаемым братом-диаконом Иваном, который провожал нас на вокзал и подарил нам Библию, но без обложки. Он в Москве служил в армии и остался жить.

Станция Архангельск. Апрель месяц, а здесь еще настоящая зима, метёт снег и сильный мороз. Вокзал находится на левой стороне Северной Двины, а город — на правом. Моста еще не было. Выходим, нанимаем носильщика, чтобы вещи отнести сразу в камеру хранения. На улице ожидаем очереди для

сдачи вещей. Вдруг три милиционера ведут бесноватую женщину со связанными назад руками. Сравнившись с нами, она начала кричать, обращаясь в нашу сторону: «Это люди верующие, они приехали сюда молиться Богу». Милиционер толкает ее, а она оборачивается, вновь и вновь кричит эти слова. «Вот кто нас первый узнает и встречает», — говорим носильщику. Спрашиваем, не знает ли он кого-либо из верующих. Он говорит, что у одного из здешних грузчиков приезжала мать верующая, а других он не знает. Он также сказал, где живет этот грузчик, и я пошел искать, но жена его сказала, что мама верующая, была в гостях, но она уехала. «К маме приходили верующие, но я никого из них не знаю, где они живут».

Итак, сдавши вещи в камеру хранения, мы по льду Северной Двины направились в город. В городе мы узнали, что гражданский аэропорт находится на острове в устье Северной Двины. Направляемся по льду на остров искать аэропорт. Находим. Войдя в здание аэропорта, спрашиваем уборщицу о заместителе начальника аэропорта Логвинове Николае.

— А вы что, баптисты? Его нет здесь. Его выгнали, потому что он стал баптистом, уже года два назад.

— А как нам можно найти его?

— Здесь работает кассиром его неверующая жена.

Подходим к кассе, читаем: «Уехала в город за деньгами». Вновь подходим к своей собеседнице:

— Где живет Николай и как нам его найти, не скажете?

— Идите по острову. Пройдете одну деревню, потом другую, а затем войдете в третью, название её Головешка. А там спросите у людей, его все знают. Он выше всех людей на голову.

Подходим к дому, спрашиваем мужчину на улице: «Здесь ли живет Логвинов Николай?». «Да», — отвечает он с радостной улыбкой и открытой душой первой христианской любви, встречает нас и при-

глашает в свой дом. Преклоняем колени для молитвы благодарности Богу, что все же мы нашли первый приют. После молитвы он угощает нас чаем, мы рассказываем, что мы из пятидесятников, приехали сюда по откровению от Господа и никого здесь не знаем, кроме того, что слышали о нем. Он оказался в глубоком смущении, когда узнал, что я дважды был осужден за веру.

— Не знаю как и быть, у нас город, в котором постоянно находятся иностранные суда, и чтобы прописать осужденного, да еще и верующего, это по человечески совсем невозможно. Разве только, что Бог сделает.., но не будем отчаиваться, помолимся Господу и ложитесь отдыхать, может, Господь вразумит, как быть. Мы согласились, ибо мы были сильно истомлены. Уснувши, я увидел сновидение. Вижу, как большой ландшафт недалеко от города и там поселение. Утром об этом сновидении я рассказал брату Николаю. Он возрадовался и говорит: «По твоему рассказу точно такая местность есть вверх по Двине. Там большой Архангельский бумажный комбинат, в 24 км от города и большой поселок. В нем есть баптистская община, но там тоже начальство очень не любит верующих, все время преследует их. Были случаи, когда сын выписывался и уезжал в другое место, а через некоторое время вновь приезжал к отцу, и его уже не прописывали.

— Ну, раз такое вразумление, — говорит он, — значит, поедem туда. — По пути он говорит: — Зайти к верующим сейчас невозможно, иначе донесут, и вас не пропишут. Я найду и возьму ваши вещи, а вы идите в трест и устраивайтесь на работу, и просите, чтобы вам дали хотя бы одну комнату в общежитии. В отделе кадров очередь поступающих на работу, и все выходят печальные, жилья нет. Заходим мы, просимся на работу, рассказываем, откуда приехали. Что только что поженились и приехали для того, чтобы подработать немножко, а жилья у нас нет,

и знакомых никого нет. Начальник берет трубку телефона и звонит коменданту общежития и говорит: «Посылаю тебе двоих молодых людей, посели их, а я остаюсь должником тебе». Приходим, даем записку коменданту от отдела кадров, а она говорит: «Люди добрые, он звонил и просил о вас, но что я могу сделать, когда ничего нет». Ведет нас в одно общежитие и показывает: «Вот комната пустая, но она без дверей, без окон, печка разрушена, обои порваны, полно клопов и всё в беспорядке. Если вы сможете ее сами отремонтировать, я дам вам все для ремонта и оплату, тогда она, эта комната, будет ваша». Посоветовались. Больше искать было нечего. Говорим: «Ну, что ж, давайте лопаты, мы будем выкидывать мусор и приниматься за работу». Начали убирать и петь псалом «Не вечно я буду скитаться». Проработали где-то около получаса, и вдруг слышим, что кто-то зовет нас. А это комендантша зовет нас и говорит: «Бросайте всё и идите сюда». Приходим к ней, а она говорит: «Вот освобождается комната, в которой жил молодой офицер с женой. Его срочно отправляют в другое место. А тут много охотников-пьяниц, чтобы ее занять. Я сейчас вас заведу и скажу, чтобы мне отдали ключи вам и никого не выпускали. А вы (обращаясь ко мне — *авт.*) один идите и принесите хотя бы кое-что из ваших вещей, а другой не уходите из комнаты». Мы так и сделали. Прежние жильцы в 12 часов ночи уехали, а мы остались в их квартире. Уезжая, они кое-что оставили нам, и оно на первый случай пригодилось нам для семейного обихода. Через два дня приходит комендантша и говорит: «Я сдала ваши документы на прописку, но почему-то оттуда звонили, чтобы вы срочно пришли для уяснения чего-то». Мы подумали, что, наверное, там посмотрели, что я был дважды судим и там знают кодекс законов, по каким статьям кто осужден, но, помолившись Господу, мы предали все в Его руки, потому что мы здесь не по своей воле. И я пошел. Прихожу, докладываю, что по вызову вашему я, такой-то, прибыл. И он на-

чал расспрашивать: откуда прибыл, как там жизнь и прочее. И отпустил. Бог закрыл ему очи и ум. Слава Богу, как хорошо быть с Богом!

На работу я устроился в строительную бригаду плотников на Архангельский бумажный комбинат. В бригаде исключительно были все немцы, верующие из меннонитов, кальвинистов и один баптист. Жили и работали очень дружно, избегая всякого греха, и неправды, и сквернословия. Там мы также нашли многих своих братьев и сестер и посещали меннонитов и баптистов. Особенно они приглашали нас на их братские совещания при разборе слова и на молодежное, ибо дети их говорили, что это только немецкая вера. Нам пришлось посещать баптистские собрания в Архангельске. Они не были зарегистрированы и поэтому молитвенных домов не имели, а также были преследуемы и собирались по разным местам. То проводили собрание на старом кладбище, а то посещали небольшую общину в городе Северодвинске. Там в их общество вторгались Свидетели Иеговы, а они были вовсе несведущие в этом учении. По просьбе баптистов я согласился посетить вместе с ними общину в г. Северодвинске. Мы должны были встретиться на станции Исакогорске, но когда дома начали молиться, было предупреждение, что пути нет, опасность. Мы начали рассуждать. Ведь баптистам этого не объяснить, а не поехать не хорошо, так как они будут ждать. И я решил ехать. Приехали туда, собрались на служение, помолвившись, начали беседовать. И вдруг нас посещают власти, всех переписывают и забирают всю литературу, в том числе и мою Библию, а у меня была Гецовская Библия, редкость в то время.

После этого приехал я домой и не находил покоя за то, что не послушался голоса Господнего и лишился духовного оружия. Я стал исповедаться, каяться в непослушании и дал обет Господу впредь не ослушиваться Его голоса. Прося милости у Господа, чтобы Господь возвратил мне мою Библию, я усерднее молился. И на другой день хозяйка, у которой было

собрание, привозит мне мою Библию. Ее вызвали и она со слезами начала просить, чтобы отдали мою Библию, что, мол, я приехал к ней в гости и ей передо мной не удобно. И они отдали. Мы сердечно благодарили Господа, за то что Он ответил на нашу молитву. Для нас это было великим знамением и чудом. Это немыслимо было, чтобы из КГБ отдали Библию, и тем более которую я просил. Но Бог расположил сердце сестры просить именно мою Библию. В данной местности нам еще пришлось совершать труд с братьями, которые вместе с нами работали, но находились на службе в Советской армии в стройбате и могли к нам приходить на молитву. Их было четверо, и один из них был мой однофамилец из моей деревни, это Гула Евгений П.

Я работал плотником, а жена работала в столовой. Божья забота была велика над нами в то время. В семейном общении было очень беспокойно, но Бог расположил сердце комендантши, и при ее содействии нас поселили в финский домик, очень хорошо оборудованный, утепленный. А мы ожидали наследника. И 31 октября Бог даровал нам сына. Отец мой, решив посетить нас и своего внука, приехал для нас совершенно неожиданно. Он дал телеграмму, но мы ее не получили. Сразу же за отцом приезжает подруга жены Моспатюк Люба. И тут на дом приезжают из КГБ и прямо спрашивают: «Где ваш отец и Люба?». И в это время они заходят. Они были на собрании. Нам выписывают штраф 250 руб. за то, что они не прописаны, и им дают 24 часа, чтобы оставили поселок. Отец был всего неделю, а сестра Люба всего два дня. Их отправили, а меня перед Новым годом отправляют в Холмогоры, на родину Ломоносова, строить больницу и вместе со мной отправляют и пресвитера баптистов. В это время к нам с Урала из города Коркино приезжает брат Далингер Владимир. Приехал с вещами и говорит: «Сестра Лена, я приехал и хочу вместе с вами жить и работать». Оставил вещи у нас и пошел прописывать-

ся и искать работу. Приходит вечер, а его всё нет. Нет день, два и три. А тут после Нового года я приезжаю из командировки, и жена все рассказывает. Я иду разыскивать его в милицию, в больницу, в приемный покой. Его нет нигде. Мы в недоумении. Прошла неделя, вторая. И вдруг получаем письмо из города Коркино от Володи. Он пишет, что пошел он в паспортный стол прописываться. Там его спрашивают; к кому приехал, где прописываешься? Говорит наш адрес и нашу фамилию. Начальник берет трубку и звонит, и тут появляются двое работников, берут Володю в машину и увозят на станцию. Там они заставили его взять билет, затем посадили на поезд, и он благополучно приехал домой. Во время моей командировки братья менониты каждый день присылали старших своих детей, которые приносили хлеб жене и спрашивали, может быть, нужно сходить в магазин или принести дров, воды. Обслужив, уходили. Слава Богу за то, что Он располагает сердца оказывать дела милосердия! Я, возвратившись из командировки, сдал командировочные, и меня направили на работу в бригаду. К вечеру подходит ко мне прораб и говорит: «Меня сегодня целый день из-за тебя продержали в КГБ и отделе кадров. Все копались, допрашивали о тебе, не опаздывал ли ты на работу, есть ли прогулы, не делал ли брака в работе, не агитировал ли других в свою веру.

А инспектору отдела кадров записали в её личное дело выговор за то, что она не досмотрела и направила меня на работу. И ничему не внимали, что она говорила в своё оправдание. И дали указания мне, чтобы я тебя не принимал на работу, а ей, чтобы немедленно отправила тебя в постоянную командировку». Прораб говорит, что они ищут причину, чтобы замарать мои документы и выселить меня отсюда. «Покою они тебе здесь не дадут, доколе не добьются своей цели. Один выход тебе. Иди прямо сейчас в отдел кадров, она должна дать тебе командировочное и завтра отправить, но ты скажи, что ехать в ко-

мандировку ты не можешь, так как у вас маленький ребенок, и жена не в состоянии обойтись без тебя. Если другого выхода у вас нет, то ты будешь рассчитываться и искать другое место. Что она скажет?». Я так и поступил. Она говорит: «Подожди, я узнаю, можно ли тебя рассчитать?». Позвонила, и получила положительный ответ, так что даже вздохнула и сказала: «Пожалуйста, вот лист бумаги, пиши заявление на расчет». Я тут же написал и спрашиваю, надо ли идти к прорабу и начальнику, чтоб подписали. «Нет. Давай сюда заявление и завтра к 10 часам приноси, что у тебя числится из вещей, и получишь сразу расчет». Я принес спецовку и валенки, сдаю их, но каптерщик не принимает валенки, говорит, что я подменил их, ибо один протоптан больше чем другой. Я пошел в отдел кадров и говорю, что каптерщик не принимает валенки, а у меня других нет, я их не подменял. Она сразу пошла к нему и приказала: «Принимай сейчас же!». И тут же повела меня в бухгалтерию, и мне к 10 часам уже выдали расчет. Прораб подходит ко мне и говорит: «Саша, с учета не снимайся, а пакуй вещи. Я дам тебе из бригады двух человек, чтобы они тебе помогли упаковать все вещи, и как упакуешь, то подойди ко мне. Я дам тебе машину и двух грузчиков, чтобы помогли тебе погрузить и отвезти вместе с тобой твои вещи и твою семью на станцию Исакогорки (до станции 12 км). Они помогут тебе отвезти твои вещи и сдать их в камеру хранения. И когда приедешь, придешь вначале ко мне, а затем можешь сниматься с учета. А то они могут такое с тобой сотворить, если ты раньше снимешься с учёта, что не успеешь ничего взять с собой. Я тебе скажу, что на Украине, куда ты едешь, тоже тебе не дадут долго жить, и потому мой совет — собирай побольше адресов где-то из Казахстана, из Средней Азии, чтобы тебе не спеть песенку «Подальше от русской земли».

— Людей, — я сказал, — не надо, чтобы паковали, потому что братья приходили после работы и помогли мне.

А машину и грузчиков он дал вовремя. Они отвезли и сдали все мои вещи в багажное отделение. А когда я пошел сниматься с учета, там удивлялись и говорили: «Как это мы могли тебя прописать, когда у тебя две судимости?», но уже было поздно.

Наши братья еще при нашем приезде собирались переехать в Сибирь и незадолго до нашего отъезда они все выехали в Омскую область к своим родственникам. А мы с женой и сыном Аликом при сопровождении братьев выехали на станцию Исакогорку. Вошли в вокзал, а там холодина. На улице 40 градусов мороза, и на вокзале трубы полопались, и людей почти нет. Жена была вынуждена без разрешения войти в кабинет начальника вокзала, чтобы перепеленать ребенка, ведь ему пошел только третий месяц. Начальник начал шуметь, но жена сказала: «Я вас просила, но вы не разрешили, что же мне оставалось делать?». В вагоне тоже было холодно, всего в вагоне было 5 человек, но с Божьей помощью мы доехали домой к матери в с. Бычеву. Приехавши на Украину, мы сразу увидели, что места нам тут нет и скорее всего не будет и сразу начали просить Господа, где Он усмотрит нам место для жизни и труда. И снова было указано на Казахстан, Кокчетавская обл., станция Таинга. Мое сердце как-то не лежало к Казахстану. Сердце мое рвалось на Донбасс в г. Константиновку, там я немного жил раньше, и при мне там рождалась Церковь. И многие съезжались туда на служение из Краматорска, Славянска, Никитовки, Горловки, Енакиево и других мест. Мне было известно, что там не было служителя, и, отправляясь на указанное место в Казахстан в разведку без семьи, я решил всё же заехать в Константиновку. По прибытию туда все мои друзья с большим расположением начали просить меня остаться у них и поселиться за 30 км в г. Дзержинске. Там в то время жил Чернецкий Михаил с женой Валей, и была небольшая община, человек около 20, и там не

было еще гонений. Я открыл им свое желание, и тогда они говорят: «Мы будем в посте и молитве, чтобы Бог дал повеление тебе остаться у нас. А ты съезди в г. Мариуполь к брату служителю, старцу Сергею, через него есть Слово Господне. И вопроси Господа, не против ли будет Господь, чтобы тебе остаться в этих краях». Приехав в Мариуполь по указанному адресу, захожу к брату Сергею. Он немного был занят по хозяйству. Я представился и высказал нужду, чтобы помолиться. Мы склонились у ног Господа, и через брата Сергея сразу пошло Слово ко мне: «Сын Мой, если поступишь по желанию сердца твоего, Я не осужу тебя, но это будет не ко благу тебе; а если поступишь по Моему определению, увидишь милость, и Я благословлю». Возблагодарили Господа; и я вернулся на поезд и приехал в Константиновку. Собрал всех друзей и сказал: «Лучше я послушаюсь голоса Господа, Он есть Податель всякого блага, все видит наперед и знает, что лучше для моей души». И я решился ехать в Казахстан. Приехал в Казахстан и сразу нашел там друзей. Они были рады такому известию. И даже ко времени моего приезда с семьей они уже приготовили место для нашего проживания, чтобы поселиться. Пошел прописываться, но там препятствие в связи с тем, что я около трех месяцев нигде не был прописан. Я оплатил штраф, и меня сразу прописали. Апрель месяц, а на улице настоящая зима с такой метелью, что из хаты выйти страшно и это немного напугало меня. Возвратился на Украину за семьей, а там тепло. Солнышко греет. На полях весна, посевная в полном разгаре. Мы начали собираться на переезд. Продали хижину, забрали мать, попрощались с Бычевой, с родными, друзьями, с которыми разделяли радости и скорби, совместно служа Господу. И направились в далекий неизведанный путь. Я только молился: «Господи, у меня уже семья, разреши нам хотя немного пожить на одном месте». И так мы уехали на новое место жительства с надеждой и упованием на Господа с покорностью Его воле.

СТАНЦИЯ ТАИНГА, КРАСНОАРМЕЙСКИЙ РАЙОН, СЕЛО НОВО-БУХОТИНО

Станция Таинга расположена в 120 км от г. Петропавловска на юг и в 70 км не доезжая до города Кокчетав. Целина, степь, куда в 1937—1939 гг. ссылали с Украины, с Житомирской области, с Крыма и с других мест. В основном это было немецкое население и частично польское население, которое еще царица Екатерина пригласила на поселение на Украину, в Крым и Поволжье. В некоторых местах это были целые немецкие поселки. Многие из них были верующие, и они в полдень уходили на часовую молитву. Вот поэтому на Украине верующих называли штундами. По усмотрению правительства их начали переселять в отдаленные края. Их вывозили целыми эшелонами. При этом им разрешалось забирать с собой все и даже скот. Затем их вывозили и выгружали в степях Казахстана. Степи заранее были разбиты на участки для поселения: 1, 2 и т.д. Для комендатуры были построены на каждом участке дома. Немцев привозили, разгружали по участкам в голую степь и говорили: «Делайте землянки, устраивайтесь и будете здесь жить под надзором комендатуры». Они не имели права переходить от одного поселения к другому, это считалось побегом, и за это судили. Народ они были дружный, и за одно лето они вкапывались и делали землянки, покрывали их дерном с густой травой. Зимы там были очень холодные и снежные. Часто бывали метели, бураны, так что до колодцев и в магазин ходили по веревкам, чтобы не сбиться с дороги и не заблудиться. Много людей погибло. Изредка были старые небольшие поселки, где люди еще при царе в поис-

ках земли находили места, особенно где была вода, и там поселялись. Среди немецкого населения было много верующих как из баптистов, так и из пятидесятников.

Когда мы приехали в 1959 г., они уже немного обжились, построили дома, насадили деревья. Уже были распаханы целинные земли, немцы, по сравнению с Украиной, в это время жили зажиточно. На Украине были большие материальные трудности, а здесь люди получали столько хлеба, что не знали, куда его девать. Многие даже не забирали зерно из колхозных закромов. Мука, масло, молоко, мясо продавались за бесценок. Наша мать, которая всю жизнь прожила в нищете вдовой с пятью детьми, увидев такое изобилие, не могла успокоиться от удивления. К нам приходили братья из поселков и привозили целые мешки муки, масла, мяса и другие сельхозпродукты. И предлагали приехать и взять из колхозного склада пшеницы столько, сколько нужно.

Мы жили на квартире у одной сестры Люси и ее мужа Ильи, которые построили себе дом, а ее мать и дочь жили рядом в старой землянке, и нас поселили там же. Со временем мы купили казахский домик 7,80 x 4,80, и в нашем доме зачастую проводились богослужения. Я работал столяром на мебельной фабрике, а жена сразу устроилась на сезонную работу на элеватор. На элеваторе продавали отходы от пшеницы по 5 руб. за машину, и мы привозили на зиму по 5 машин отходов. И вновь их везли через меринок и засыпали зерном весь чердак дома и везде, где только можно было. На фабрике была мельница и вальцовка (на белую муку); и простая на муку и на дерть скоту.

Почти в каждом поселке были небольшие группы верующих, с которыми мы общались, это были в основном немцы. У нас в Таинге тоже были зарегистрированные баптисты, которых тоже мы посещали, и они нас. К нам приехали из Белоруссии Целогусь Николай с семьей. А с Украины приехал мой друг и поделщик Кузьмич Петр с семьей и брат Котляров

Анатолий с семьей. Господь начал призывать души из неверующих и из баптистов. Первой из баптистов Бог призвал сестру Табею — мать 10 детей. Она проявила свое усердие первой любви в служении Господу. Она очень любила петь и играть на гитаре. Пела первым голосом, и всегда первой приходила на собрание. Она пользовалась большим уважением в народе и часто приглашала проводить богослужения к себе. В последствии ее муж и все дети уверовали и по ныне ревностно служат Господу. Из г. Коркино приехали на жительство несколько семей: брат Далингер Александр с Розой — у них было также 10 детей, брат Михаил с сестрой Аней. При нашем приезде в Таингу на Новый год мы решили посетить своих друзей в Коркино. В то время на Новый год молодежь там всегда приготавливала стихи из Библии, и каждый вытягивал себе, и это было как ответ от Господа о нужде, или обличение, или наставление, и все принимали это с верой. Мне выпал стих из 2 Пар. 20:17 «Не вам сражаться на сей раз; вы станьте, стойте и смотрите на спасение Господне, [посылаемое] вам...». Да оно истинно было так. Там, где я мечтал остаться, весной 1959 г. забрали всех братьев до одного, судили показными судами и дали по 5 лет лагерей, куда и попал мой брат Чернецкий Михаил. А мне Бог не судил идти вновь в это сражение, а если бы я поступил по желанию сердца, то вновь разлучился бы с семьей и друзьями. Да, как важно жить по совершенной воле Божьей и постоянно слушаться Его голоса. Мы были искренне благодарны Господу за откровение Святого Духа, но и там прошло немного времени, как меня вновь вызывают с работы в кабинет директора и там меня ожидают два работника КГБ из г. Кокчетав. Знакомимся. Они рассказывают мне всю биографию моей жизни в Господе, где и чем я занимался, называют все места, где я жил, как будто бы и они там жили и присутствовали на всяком месте вместе со мной.

«Видите, нам все известно о вас. Вы разумеете

это? Так почему же вы приехали именно сюда, на целину? Что, целину подымать? Почему-то вы не поехали в Алма-Ату или в другое место, а именно к нам? Какова ваша цель? Значит так, даем вам месяц сроку, посоветуйтесь с семьей и выберите из трех один вариант: или регистрируйтесь и соединяетесь с баптистами, или уезжаете, чтоб через месяц вас здесь не было, или посадим, если не послушаетесь нашего совета. Через месяц мы с вами встретимся. Вам понятно? Подумайте». Но, слава Богу, мы прожили там еще девять с половиной лет, и больше я с ними не встречался. С местными встречались, они нам грозили, следили много за нами, но под руководством Святого Духа, которого мы слушались, все было благополучно. Мы меняли места собраний, меняли время собраний и Бог нас постоянно хранил. Бывало так, только назначим сразу после работы служение и сходимся, и Господь нас хранил. Бывало, что Господь возвещал о воспоминании смерти Иисуса Христа, чтобы совершить в такое-то время и там-то, и Бог чудно хранил и благословлял нас. Народ постоянно ходил в страхе Божьем. В г. Петропавловске и в окрестностях по селам был народ Божий, но никого из братьев не было, чтобы совершать там служение.

В Кокчетаве также была группа верующих, но служителей там не было. Перед нашим приездом в Кокчетав из заключения из г. Норильска прибыл реабилитированный брат Шалашов Рувим. Семья его была неверующая. Итак, мы стали общаться, и Господь начал Свою работу. Церкви начали умножаться. К тому же в 60-х Хрущев снял с немецкого населения комендатуру, и они получили возможность свободно общаться друг с другом. Наступило небольшое духовное потепление. К нам в Таингу прибыл с женой и с сыном Анатолием Мусатов Иван из с. Федоровки Запорожской обл., будучи гонимый своей дочерью, которая работала рука об руку с КГБ. Он прожил у нас одну неделю и определился на ра-

боту на железную дорогу в Чкаловском районе. Из Перми переехало к нам много семей немецкого населения, которые после долгой разлуки из-за комендатуры не могли приехать раньше, и однажды для нас неожиданно приезжает брат Бойко Владимир со своей семьей (пятеро детей). Его в Киеве долгое время искали, чтобы посадить. Он молился, и ему был указан путь к нам, и было сказано: «И там Я укажу тебе место». Он приехал, не снятый с учета по прежнему месту жительства, и прожил у нас три недели, ища работу и молясь об устройстве семьи. Он в Киеве работал главным бухгалтером, ну и здесь искал, что-то подобное. Ему в Кокчетаве предложили два места работы на выбор; одно в Кокчетаве, а одно на Целине в совхозе главным бухгалтером за 250 км от железной дороги. Он приехал, все рассказал и сказал: «Сейчас будем молиться Господу, и в полу бросать жребий». Он сделал жребий и говорит: «Брат Саша, держи полу, я брошу в нее жребий, и будем молиться, чтобы Бог Сам указал чрез жребий мне место работы и жительства». И в час молитвы, когда Господь коснулся благодатью, он протянул руку и берет жребий. Читает: «Целинный совхоз». Затем мы поблагодарили Господа и встали. Жена его в полном смущении: как так, из Киева и ехать в степь, но он был непоколебимо тверд без всяких смущений.

Признаюсь, у меня не хватило бы на это такой веры. Верующих там нет, и далеко от всех, но я уверен, что для них это было от Господа. Там в совхозе им дали домик, корову и прочих животных и птицу, как в селе, но он не снят с учета, и прописаться можно было только временно. Он объясняет это прокурору — казаху, и тот берется прописать их постоянно. Когда он затребовал, чтобы его сняли с учета, то оттуда приходит ответ, что он в розыске и подлежит аресту. А казах все рассказывает брату Володе и говорит: «Мы здесь хозяева» — и прописал его постоянно. И таким образом Бог его избавил, и он имел возможность постоянно ездить и посещать об-

щины. Из Киева к нему приехал брат Борис с семьей, это родственники Зои, жены брата Володи, родной брат с семьей на жительство. Материально они были всем обеспечены, но ропот и недовольства были на то, что в пустыне они будут жить без всяких удобств, как было это в Киеве, не прекращался. Брату Володе самому приходилось ухаживать за хозяйством, доить корову и прочее.

Он был искренний, энергичный, ревностный брат, горя Духом, зажигал сердца других, но не смог зажечь огнем любви и веры свою жену и родню. Заслужив в этом совхозе добрую славу для себя, став знатным в области, он получил возможность продвигаться выше, переехал и поселился в городе-курорте Боровое. Это древний прекрасный городок. Получил квартиру и устроился на работу. В совхозе его власти защищали и охраняли, ибо они в нем нуждались, а здесь КГБ начал постоянно ходить по его пятам и не давал спокойно работать. С ним многократно встречались, а также проводили беседы с его семьей и женой и постоянно влияли на нее. Кроме того, брат Володя надеялся не на Господа, а на свой авторитет, так как по своей работе он был хорошим специалистом и его начальство им дорожило, но КГБ смотрел на него своими глазами. Для них важным были не работа человека и его отношение к труду, а идеология. Он это сам видел и решил переехать в трест города Целинограда, куда его тоже приглашали как хорошего работника.

Там он так же устроился на работу по своей профессии и получил жилье, но работники КГБ еще больше настроились, следя за тем, чем он занимается и с кем общается. И все это привело к распаду семьи и его выступлению по радио, но и это не удовлетворило КГБ. И брат Володя вынужден был уехать в Киев, но не как победитель, а как побежденный. О, какой это великий урок для всех живущих и стоящих в истине. Кто стоит — берегись, чтобы не упасть. О, как важно было бодрствовать всякий

час, полагаясь на Господа, и стоять в вере. Не идти на компромиссы с неверными, а быть мужественными, стойкими за истину, чтобы не потерять первородства, не променять его за чечевичную похлебку. То, что он перенес за свое малодушие, не описать. Ныне, наконец, вновь семья соединилась и дети их начали обращаться к Господу. Он сейчас находится вновь в нашем братстве, но не как слугитель, а как проповедник. «Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего. Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое, новое» (Отк.3:11-12).

Однажды нас посетил молодой брат из Западной Украины. После армии он женился и решил с женой и матерью поехать на целинные земли. Он поселился в одном совхозе возле города Петропавловска, но пятидесятников там не было, и он посещал в г. Петропавловске дом молитвы баптистов. Они давали ему говорить Слово, но, узнав, что он пятидесятник, не стали его принимать.

Он горел духом и начал искать своих. Нашедши, имел с нами общение. Господь брал его в удел, и через него было Слово от Господа. Это был Лиманский В. (фамилия изменена). Мы познакомили его с группой верующих в г. Петропавловске, и он переехал к нам на жительство, купил себе маленький домик и проявлял большую активность в труде среди народа Божьего, ходя перед Богом в смирении и в страхе. Все это время он поддерживал общение с нами. Мы были искренне рады ему, так как он проявлял усердие в труде как в Петропавловске, так и в районе, потому что там были небольшие общины, где мы преподавали крещение и выполняли другие церковные нужды. Впоследствии при нашем отъезде оттуда в 1968 году мы просили брата Павла Степановича Егоренкова предоставить его к рукоположению на пресвитера, даже миновав началь-

ную стадию диакона, видя его верность и преданность Богу, что и было вскоре осуществлено. А со временем уже после нашего отъезда его рукоположили в епископа. У него уже была большая семья, 10 детей. Он и до сего времени живет и трудится в г. Петропавловске.

Находясь в Таинге, мы старались постоянно поддерживать общение с друзьями г. Челябинска, Коркино, Копейском. Многие коркинские братья после гонений разъехались в разные стороны. Брат Володя Далингер уехал на Украину и там трудился с молодежью в г. Любаре. А его отец, брат Андрей с семьей, и брат Роман и брат Кляйн Володя с семьями и Миллеры уехали в Среднюю Азию в г. Манкент, в Белые Воды. Брат Роман Далингер совершал там служение. Некоторые переехали в г. Кара-Болта и в другие места. Мы старались со всеми ими поддерживать общение. У нас в Таинге постоянно были гости из Караганды, Челябинска, Омска и из Средней Азии: Манкента, Чирчика, Фрунзе, Джамбула, ст. Чу, Новотроицка, Ферганы, Джалал-Абада, Ангрена и других мест. Кроме того там нас посещали многие друзья из Украины, Прибалтики, Смоленска и других мест. Однажды нас посетил брат Тимофей Лебедев, с которым мы раньше встречались в городе Коркино. Он женился на подруге моей жены Моспанюк Любе и совершал служение в Риге. Вместе с ним нам приходилось много пребывать в молитвах и молениях о деле Божьем, и при исполнении Духом Святым я увидел, что брат Тимофей видит посредством чувствований внутреннее состояние некоторых душ. Для меня это было большим удивлением, и я понял, как нам нужно бодрствовать и усовершенствоваться, возрастая в благодати и познании, и укрепляться ею, чтобы эта благодать научала нас и трудилась через нас. «Итак укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом» (2Тим.2:1).

Однажды мы получили телеграмму: «Встречайтесь друзей из Эстонии, шесть человек». Брат Иван с

женой, он финн, а жена его эстонка, сестра Галя из Кохтла-Ярве, сестра Тоня и с ней еще две сестры из Пярну. Для нас это было большим удивлением, что они никогда не знали нас и мы никогда не видели друг друга, и они решились провести отпуск в пустыне на целине, не в Москве и не на курорте Крыма или Кавказа, а в Казахстане в степях. Они приехали с нуждами, чтобы помолиться и получить ответ на эти нужды от Господа, а некоторые, кроме того, нуждались в крещении Святым Духом. И вот интернациональное собрание. Большое количество немецкого населения, но здесь и русские, и украинцы, и белорусы, и эстонцы, и финны. Для нас это было чудесно, ибо всех нас сюда собрал Господь. Он сроднил нас Своею Кровью и соединил благодатью Святого Духа, которого излил в наши сердца, и дал нам славную надежду на жизнь вечную и вечное пребывание с Творцом, в созерцании красоты вселенной и дивном общении с Ним. Бог чудно благословлял наши общения, усмотрев в Своей воле свести нас всех в степь.

По-человечески это никак не могло состояться, чтобы решиться ехать в такую даль, не зная никого конкретно, но для этой поездки сердце их расположил Бог. Для нас всех это были дни Фавора. Бог Всемогуший ответил им на все их нужды и исполнил их сердечное желание. Однажды после собрания, когда Господь коснулся сердец, все исполнились Святым Духом и пропели украинский псалом: «Взими́ть ваши очі о, люби брати, на весь світ, що вас окружає, на ниві Господни́й створив жнива, бо прихід Христа наступає». Мы так дружно и восторженно пели, что казалось, что мы все были под облаками.

Эта встреча нас сделала близкими и родным на всю жизнь. Бог дал нам милость еще множество раз встречаться с ними в Эстонии и быть в их домах. Слава Господу за чудные и дивные Его дела. Находясь в пределах Казахстана, нам приходилось обслуживать народ Божий в г. Кустанае и г. Рудном и со-

вершать там различные духовные служения, так как там не было в то время служителей. Добраться туда было сложно, особенно зимой. Нужно было ехать в г. Кокчетав, а из Кокчетава добираться или самолетом-кукурузником, которой брал всего десять человек, или автобусом. Зимой нередко приходилось ехать автобусом и попадать под снежный ураган так, что ничего не было видно, а останавливаться было опасно, потому что сразу же занесет снегом и можно было замерзнуть, пока придет какая-нибудь помощь. Приходилось постоянно открывать переднюю дверь автобуса и одному все время наблюдать, чтобы не съехать с трассы. В Кербанове руководящим был брат Андрей Урсов. Там приходилось совершать преломления, крещения и браки. У брата Андрея был сын Виктор, молодой, активный, ревностный. Ему-то в дальнейшем и поручили совершать служение. Впоследствии он со многими верующими переселился в Германию в г. Мисау. Сейчас он живет на востоке Канады, имеет 15 детей. Мы слышали, что в г. Кустанай раньше приезжал и жил у родственников юноша из Белоруссии, еще до нашего приезда, очень талантливый и ревностный брат. Он имел талант писать стихи, и его даже вызывали на съезд молодых поэтов. Он уехал в Прибалтику и там попал в какую-то группу верующих, где пережил много искушений и трудностей и чуть не погиб. Ему приходилось жить в таком общежитии два года, где творился полный разврат. Через короткое время мы получаем телеграмму: «Встречайте брата во Христе. Николай». Оказалось, что это брат Николай Куксюк, который раньше жил в Кустанае и о котором нам много рассказывали. Вновь радостная и неожиданная встреча. Он приехал из Риги, окрыленный верой и успехом в пути. Воодушевленно рассказывал он нам, как Господь его чудно направлял с уверенностью в эти пределы, и что Господь решит здесь все его проблемы, но, проживши неделю-две, он ничего особенного не увидел, как представлял это раньше, когда ехал сюда,

не зная никого, но твердо был уверен, что его проблемы будут решены. Мы слышали его восхищение и такую уверенность успеха в пути. Мы тоже смалодушествовали и мыслили — кто мы, чтобы к нам в эту глушь на такое состояние Бог прислал людей с такой уверенностью, что ему тут окажут должное внимание и Господь совершит над ним полное освобождение. И однажды он говорит мне: «Наверно, я буду уезжать». Я говорю ему: «Брат Коля, как уезжать? Ты ехал с такой уверенностью, и здесь всем воодушевленно свидетельствовал, и теперь будешь уезжать таким, как и приехал? Я не согласен. Тебя сюда направил человек или Бог? Да, Бог! Ты верил в человека, что здесь ты встретишь особенных людей, а увидел нас, совсем обыкновенных.

Брат Николай прости нас в малодушии нашем, мы ничем не ставили из себя и не ставим, и у нас тоже появилось сомнение и нерешительность, чтобы приняться за этот труд, столь великий. Мы посмотрели на себя и не доверились Богу, когда ты рассказывал нам, как тебя Бог чудно и с уверенностью вел на это место, чтобы именно здесь явить Свою Славу и утвердить сердце твое и наши сердца в вере и сблизить нас в любви и дружбе. Ты, брат Коля, стой в вере, которую дал тебе Бог, Который вел тебя чудно и дивно на это место. Он и совершит и dokonчит все то, что в Его о нас плане и в Его небесной воле. А мы тоже осознаем свое неверие и невнимательность к голосу Господа и к действиям Божьим. Мы каемся и пребудем в посте эту неделю, чтобы Бог удостоил нас быть свидетелями чудных дел Его и чтобы все это было приписано не нам, слабым и немощным, а Богу». Итак, мы совершили пост и молитву, и брат получил чудное освобождение, ибо Бог усмотрел в нем в дальнейшем особый сосуд — верного служителя и неутомимого труженика на ниве Господней. Его труды стали очевидны не только для русского народа, но я уверен, что они будут переведены на многие языки и останутся на долгую память буду-

щим поколениям. Я благодарю Бога, что в наш двадцатый век Бог избирает таких талантливых тружеников, о которых молятся и благодарят Бога многие церкви. Его перу принадлежат такие сборники, как «Трубный зов», «Заря жизни», «Во Свете Твоем мы видим Свет». При его отъезде мы посоветовали ему найти живую церковь и постараться в скором будущем вступить в супружескую жизнь, чтобы враг не искушал и не томил его различными худыми мыслями. Дабы при перемене жизни он вновь мог войти в труд, к которому он и призван Богом. Он уехал и остановился в г. Костополе. Затем он трижды получил откровения, что определение и воля Божья для него — жить и трудиться в г. Костополе и в пределах его, где он и прожил 35 лет.

— Он переехал туда из г. Риги в 1965 году поздней осенью. Ему еще в г. Риге были ясные сновидения насчет его переезда: вот видит он сон, ему снится брат Ефим Миронец, служитель из г. Костополя — в ризах священника стоит и держит жезл железный, а к Николаю ползет большая змея, чтобы ужалить его, но брат Ефим простирает жезл на змею, и шея её стала, как перегоревший лен, и голова ехиднины отпала. А второй сон очень ясный: снится брату, что он лежит очень изнемождённый и усталый, подходит к нему брат Ефим и говорит: «Вставай! Будем вместе трудиться!» В г. Костополе вначале была церковь небольшая, несколько десятков, а потом Господь начал призывать, и церковь увеличилась до 200 человек и более. Впоследствии более половины народа выехала в Америку, но церковь после этого не уменьшилась, а, напротив, увеличилась. Многие люди уверовали в Бога и пришли в церковь, и обрели спасение и жизнь вечную своей бессмертной душе. В этом мы усматриваем великий Божий план — спасения многих грешников.

Находясь в Таинге, нам приходилось обслуживать по различным духовным нуждам три района: Красноармейский, Келеровский и Гналовский. В Келе-

ровском районе в селе Леонидовка была небольшая община, которой руководил брат Теодор. У него была родная сестра Альма, которая вышла замуж, родила сына и заболела туберкулезом кости ног, так что ходить не могла. Ещё до нашего приезда к ней приезжала из Западной Украины одна сестра, по их просьбе и по откровению, как она представилась нам. Она совершала молитву и побуждала ее встать и ходить, но от этого она только нарушила свое состояние, как телесное, так и духовное. Итак, она не только не исцелилась, но даже облегчений никаких не было.

В таком состоянии она пролежала 24 года в постели, а муж за ней ухаживал. Они жили с ее родителями. Однажды мы решили посетить ее, услышав, что она в таком тяжелом состоянии. Мы прибыли туда, а тамошние друзья согласились все быть в посте и все собрались для молитвы. Мы присоединились к ним. Молитва была благословенная и усиленная, но были откровения, что мгновенного исцеления сейчас не будет, ибо в ней разбита вера, поскольку над ней уже молились многие, и у неё поселилось сомнение, но молитву Бог принял, и будет производить над нею не мгновенное, а постепенное исцеление. Было такое вразумление от Господа. Оно в дальнейшем так и произошло. Через два месяца она встала на ноги и своими ногами и с сестрой Марией пришли к нам в Таингу, а это около 30 км. По ее просьбе и в нашем сердечном расположении мы совместно возблагодарили Господа и совершили над ней особо благословенную молитву, и она ощутила великое присутствие благодати Господней. Затем она укрепилась в вере и через некоторое время родила сына и настолько благополучно, что все врачи удивлялись. Слава Богу! Дивен и чуден наш Бог. Как часто нам непонятны Его пути.

В районном поселке Чкалова была община человек около 60. Там была одна молодая семья, у которой было шесть маленьких детей. Сестру звали Маргари-

та, а муж ее работал шофером и при уборке урожая он возил из-под комбайна зерно. Однажды подъехав, он остановился в ожидании пока подойдет комбайн, но когда подошел комбайн и дал сигнал загружаться, он не поехал. Комбайнер подошел к нему, а он мертвый. Привезли его домой и устроили похороны, а жена осталась с маленькими детьми. Материально она была обеспечена, но в народе соблазн — почему Бог забрал отца у маленьких детей. Время шло, и детки начали подрастать. Из Пермской области, когда сняли комендатуру, многие верующие из немецкого населения начали переезжать к своим в Казахстан. Один брат Адольф с сестрой Олей, переехав, решили построить себе дом возле сестры Маргариты, чтобы помогать ей. Брат Адольф был очень усерден в добрых делах. Они семь лет, как поженились, и у них было шестеро деток. Он работал в совхозе механизатором и пользовался большим уважением от начальства за свое христианское смирение, в котором были беспрекословное повиновение и доброжелательность в том, что ему скажут или куда его пошлют на работе. Во всём он был письмом Христовым и образцом для подражания многим верующим и неверующим.

Однажды они решили поехать в село Малинку к своим родственникам, чтобы побыть там в собрании. Приехав в Таингу, в ожидании поезда они пришли к нам на ночлег, а утром уехали в Малинку. Возвратившись обратно, они зашли к нам вновь и сестра Оля поделилась с моей женой своими переживаниями. Она рассказала, что месяца два назад родила седьмого ребенка, и говорит: «Знаете, я ничуть не боялась рожать детей, хотя бы их было десять, но когда я увидела в Малинке в одной семье 25 детей, я испугалась и на меня напал страх, как можно вырастить и выкормить столько детей?». Утром они уехали домой.

Через две недели получаем телеграмму: «Приезжайте на похороны, брат Адольф умер». Для нас это

было потрясающее известие. Возникли многие вопросы: что случилось, как хоронить, как посмотрит народ на это событие и что нам говорить на похоронах? Мы решили представить это все перед Господом в молитве. Собрались для молитвы. Молились, но ни ответа, ни вразумления никакого не последовало. А тут еще сообщили, что начальство совхоза придет на похороны. Наши сердца были подавлены и разбиты, а время идет, надо идти на место похорон. Приходим, но народа еще там было совсем мало. Входим в дом. В доме не было никакой обстановки. Больше половины дома занимает зал. Брат Адольф всё время мечтал сделать так, чтобы было место, где бы можно было проводить собрание. И вот посреди этого зала, о котором столько времени мечтал брат Адольф, стоит гроб, и в нем, как живой, лежит он, брат Адольф, безмолвный. А возле него на скамейке сидит его жена Олечка и двое маленьких деток у нее на руках, а двое с одной стороны возле нее и двое с другой, самая маленькая трехмесячная дочка — в коляске. Проходя возле гроба, я явно услышал голос с неба: «Вот истинные сироты, о которых Я повелеваю вам иметь о них попечение». И в дальнейшем все наше служение прошло под вдохновением сказанных Господом слов с верой и дерзновением.

Господь издревле говорил и повелевал народу, чтобы сироты и вдовы, как и левиты, питались от десятины.

«И пусть придет левит, ибо ему нет части и удела с тобою, и пришелец, и сирота, и вдова, которые [находятся] в жилищах твоих, и пусть едят и насыщаются, дабы благословил тебя Господь, Бог твой, во всяком деле рук твоих, которое ты будешь делать» (Втор.14:29).

«Тогда скажи пред Господом Богом твоим: я отобрал от дома [моего] святыню и отдал ее левиту, пришельцу, сироте и вдове, по всем повелениям Твоим, которые Ты заповедал мне: я не преступил заповедей Твоих и не забыл» (Втор.26:13).

— «Отец сирот и судья вдов Бог во святом Своем жилище» (Пс.67:6).

— «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях...» (Иак.1:27).

Я видел у нас в Таинге, как однажды хоронили одного брата. У него была единственная дочь. Как она горько плакала, когда опускали его в могилу и впоследствии засыпали, но мать крепко прижала ее к груди и утешала, но здесь при всех стараниях мать не может оказать им всей своей материнской ласки и утешить, когда на ее плечи легло так много тяжести: кормить, одевать и воспитывать. Да, это истинные сироты, не вкусившие ласки и любви своего отца. Мы можем только сказать, что у Бога есть свои определения, кому оставаться в юности, кому выходить замуж, кому рождать и воспитывать десять или больше детей, а кому оставаться вдовою, а кому остаться сиротой. Затем после похорон мы объявили: «Друзья, кто бы изъявил желание и решил посвятить свою жизнь для этих сирот и перешел бы жить с ними и помочь сестре Оле присматривать за ними и воспитывать?» И одна молодая сестра сказала при всем собрании: «Я согласна перейти и жить вместе с ними». И так она и сделала, так и выполнила сказанные ею слова. Затем мы всем собранием совершили молитву и благословили ее на этот нелёгкий труд. Впоследствии дети выросли прекрасными христианами и в настоящее время все имеют свои семьи. И нам в 1994 году пришлось посетить их. Они сейчас живут в Германии и у самой маленькой, которой в то время было всего три месяца от роду во время похорон отца, в настоящее время уже двое детей. Они с мужем строили себе дом, и мне с сыном Аликом хоть немного пришлось в этом поучаствовать. Сестра, которая жила с ними в то время, так и живет с ними, и при нашей встрече она благодарила Господа, что она нашла возле них приют, уважение

и почтение. А матери этих деток Бог дал свое определение. У одного брата умерла жена, и остался он с детками. Он предложил сестре Оле выйти за него замуж. Вначале она не соглашалась, но затем, по настоянию детей, которые все уже выросли и были определены в своих судьбах, она согласилась выйти за него замуж и помогать ему воспитывать его деток. Сейчас уже они остались вдвоем. Дети их выросли, и он совершает служение диакона в одной из церквей Германии.

Совершивши погребение, мы сразу же собрали братское общение, на котором рассматривали вопросы, касающиеся сирот и вдов, и пришли к решению, чтобы братья местные взяли под свою ответственность обеспечивать их топливом, сеном и другим фуражом для скота, и взяли всю мужскую работу в семьях этих вдов; и не на год или два, как это иногда бывает, а до тех пор, доколе дети не встанут на ноги и не станут совершеннолетними. И решили сделать отдельную кассу для материального обеспечения сирот и вдов и ежемесячно выдавать им назначенную сумму денег. И затем объявить это по всем Церквам Казахстана и далее, с тем, чтобы если кто расположен, участвовать в усердии для сирот и вдов, чтоб посылали или передавали материальную помощь по адресу в данную кассу. А если кто пожелает передать лично семьям, то эти семьи не должны скрывать это, а информировать братьев, ответственных за это дело. Дабы они могли разумно все усмотреть и распределить. Если Бог наш — есть Отец сирот, то, конечно же, эти сироты не должны выглядеть во всем хуже тех детей, которые имеют своих отцов, а даже, возможно, намного лучше их как в одежде, так и в питании. Необходимо также помнить заповедь, заповеданную апостолам Павлу и Силе: помнить о нищих, что они и старались всегда и во всем в точности исполнять.

Глава двенадцатая

ПРЯМЫЕ ПУТИ

Когда мы идем, кажется, что все наши пути прямые.

— «Все пути человека чисты в его глазах, но Господь взвешивает души» (Прит.16:2). И потому Господь говорит через пророка Иеремию: «...остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему...» (Иер.6:16).

— На всех человеческих путях есть остановки. Мы часто способны идти по инерции, по человеческому опыту, по человеческому рассуждению, но мужи веры просили всегда у Господа мудрости и ведения, чтобы Он указывал им Свои пути по времени, в котором они жили и всегда направлял бы их на стезю правды ради Имени Своего.

— «Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим. Направь меня на истину Твою и научи меня, ибо Ты Бог спасения моего; на Тебя надеюсь всякий день» (Пс.24:4-6).

Челябинские братья недолго прожили на Дальнем Востоке и вскоре вновь переехали кто в г. Мерке, кто в Ахан-Гаран, а кто в Ангрен и другие города, однако они твердо держались своих взглядов на многие истины. В самом Челябинске, среди оставшихся братьев появилось разногласие, и там обострилась нужда в дополнительных служителях. Одни были готовы присоединиться к общему братству, а другие желали бы остаться при своих понятиях и взглядах. Брат Славик, епископ из Джамбула, уже состарился, ему было 90 лет и взамен его братья прислали брата Егоренкова Павла Степановича, чтобы он стал у них старшим пресвитером и принял служение от брата Славика. Он поселился в городе Фергане у брата Шелестовского Степана. Я предложил ему Челябинский вопрос, поскольку мне от-

части приходилось иметь с ними встречи и беседы как во всем поступить и сделать так, чтобы не было разногласий и делений в народе Божьем. Можем ли мы собраться вместе, мы и наши братья с одной стороны и челябинские служители с другой, которые были в рассеянии, в том числе и с братом Вильгельмом Фризенем. Мы пришли к согласию и назначили время для этой встречи в городе Челябинске. Начали съезжаться. Также приехали и наши братья из Казахстана. Идем к указанному месту, и нас случайно встречает местная сестра и рассказывает, что в ее доме только что была милиция и спрашивала, не знает ли она, где должен быть съезд верующих, и сразу же пошла дальше. Я поворачиваюсь и спрашиваю у братьев, имеет ли кто-нибудь из них свидетельство от Господа на эту встречу. Ответа не последовало. Тогда, рассудивши, мы предложили: лучше нам сразу же разъехаться по домам, ибо они не успокоятся, доколе не найдут нас, но подошедшие местные братья начали убеждать нас, чтобы домой не разъезжаться, а всем распределиться у местных братьев. И брат Николай Черкасов приглашает всех гостей к себе домой, так как у него был свой дом, и о нем еще не знали местные власти. Он убедил всех нас остаться и мы поехали к нему, человек около 10. Впоследствии еще приехал брат Егоренков и начал призывать всех к молитве, всесторонне уверяя, что над нами Божья охрана и эта наша беседа состоится. Кроме того, поступило предложение уведомить всех братьев и утром рано переехать в сторону г. Коркино, в одно из селений и там провести нашу беседу. Решили оповестить всех, кто должен быть там. На вокзале будут два брата, которые будут сообщать всем, куда и как доехать, но после этого поступило другое сообщение. Всего несколько дней как брат Саша Дунай получил новую квартиру на пятом этаже недалеко от того дома, где мы находились, и поэтому целесообразнее будет провести беседу у него. Кроме того, из того дома можно было все видеть. Как только собрались в этот дом, хотя еще были не все,

но была уже полная комната, брат Егоренков призвал всех к молитве. Еще не успели закончить молитву, как входит сестра-хозяйка и говорит, что приехали два автобуса милиции и дружинников и бегут в наш подъезд. Не успела она договорить, как они все уже были в комнате.

— Прокурор со следователем начали всех переписывать и проверять документы. У меня и брата из г. Макенки, Тима Корнея и у брата из Челябинска Ивана Булера, к сожалению, не оказалось при себе паспортов. Всех тех, кто имел документы, переписали и отпустили, а нас троих посадили в милицкий воронок и повезли в КПЗ. И сразу на допрос к следователю. Что за съезд? Цель съезда? Должны ли здесь быть гости из Киева, и где они? Их самолет опоздал, а следователь перечисляет всех, кто и откуда здесь должны быть. Продержали нас трое суток и выпустили. Так Челябинский вопрос остался и поныне открытым. Многие старшие братья-служители уже отошли в вечность. Советский Союз распался, и Церковь организационно приняла другие формы. Украина стала отдельным государством, а Церковь разделилась на два союза. В России руководство Церковью осуществляется Московским епископатом. Часть Церквей сохранила единство под руководством Егоренкова Павла Степановича, но при этом организационно эти союзы имеют между собою много общего и стараются по мере возможности поддерживать братские отношения.

Глава тринадцатая

ДИАКОНИСЫ

Одновременно с нашим приездом в Таингу, в г. Кокчетав приехали три сестры, которые освободились из мест заключения, на жительство. Это были:

сестра Эмма, немка по национальности, детский врач по специальности, незамужняя, которая отбыла срок за веру в Бога, искренне любящая Бога, смиренная, очень внимательная, снисходительная, пожилого возраста, затем сестра Шура Астахова, поделница Виктора Белых, которая сидела по одному с ним делу за веру, незамужняя, русская, по специальности инженер-метеоролог и медработник, преданная Господу и Его делу, труженица на ниве Божьей, и сестра Люба Крученюк, украинка, уверовавшая через сестру Эмму и Шуру. Она была из знатных этого мира, но Бог ее призвал, и она стала ревнитель по Богу, активно принимала участие в труде на ниве Господней. Эти сестры соединили свои сердца и посвятили себя для Господа. Все эти сестры — три разных характера, разных нации, разных возрастов, но были все скреплены Христовой любовью. Это были искренние христианки, ревностные по Богу, живущие в одной квартире в любви и согласии, несущие бремена друг друга и охотно вступающие во всякое дело строев Церкви. Они могли бы выполнять работу среди женщин, среди вдовиц и стариц, среди девиц, в том случае если их благословить на этот труд под руководством братьев-служителей, но в то время в братстве было понятие, что на такое служение избираться должны только 60-летние вдовицы, беря во внимание 1 Тим. 5 гл., хотя там ясно написано, что они избирались на попечение церкви, а не на служение диаконис. Рассуждая в Церкви об этом, мы решили представить эту нужду пред Господом, и было слово: «Нет, это по благословению народа Моего. О, Церковь, тебе дана власть и сила. Дух Святой, пребывающий в вас, Он научит вас всему. О, бди! Усмотрите, наставьте и да живет она на руках молитв ваших. Вот завет мира». Я ездил по этому вопросу и еще к другим братьям, а также и к брату Виктору Ивановичу. Рассказал ему свои взгляды и представил откровение, которое мы по-

лучили от Господа. Мы говорили примеры, что многие сестры имеют особую ревность по Богу и если их не использовать в деле служения как помощников для служителей среди женщин, то они свою ревность проявят в другом направлении, и вместо помощи окажется, что они приносят боль и усугубляют труд братьев, но брат Виктор Иванович сказал, что из-за твоих понятий мы не можем перестроить мышление всего нашего христианского союза. Хотя надо сказать, что таких случаев было много.

— Однажды к нам в Таингу проездом заехали сестры. Сестра Мария, бывшая узница за Господа из г. Риги и сестра Шура Таганрогская, но проживавшая в г. Караганде. Сестра Мария специально совершила поездку в Караганду, чтобы встретиться и забрать сестру Шуру для того, чтобы они могли вместе жить и трудиться для Господа. Мы много с ними беседовали и молились, ибо слышали жалобы от карагандинских братьев. Однажды в Риге слышали и о Марии. О, как на все это нужна мудрость, и как важно использовать все Евангельские возможности, чтобы дело Божие росло и созидалось.

— «Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: [ими] ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу». 2Кор. 10:3-5;

Если на служение в Церкви диаконов, пресвитеров, епископов избирались и юноши, и женатые, и вдовцы, то почему диакониса должна быть особенной? Вдовица да ещё и 60-летняя? Известно, что женщина в 60 лет редко бывает энергична, и всесторонне посвященная Богу в современных обстоятельствах. Диакониса, равнозначное слово — диакон, и избираться должна на служение по тем же Евангельским принципам, что и диакон.

Глава четырнадцатая

ОБОЛЬЩЕНИЕ

Однажды мы стояли на молитве пред Богом. Господь говорит: «Обольщение постигнет народ, станьте на стражу. Обольститесь из народа Моего. Обольститесь у двери». После этого прошло около года. К нам приезжает брат Петр, который раньше жил в Челябинске, и там мы его знали. Он болел туберкулезом и все время лежал в различных больницах, а в последнее время переехал со многими братьями и сестрами в Среднюю Азию в г. Ангрен. Брат Петр заехал к нам проездом, по пути в Челябинск, окрыленный верой и вдохновением, и начал рассказывать, что получил полное исцеление. В поселок Славянка возле Ташкента приехал из Донбасса, из г. Горловки, брат Леня. И он также совершал молитвенный труд за очищение церкви и молился об исцелении. И поскольку он нас знал, его сердце расположилось заехать и поделиться радостью, которую он получил от Господа. Затем он едет в Челябинск, ибо там в больнице лежала одна верующая молодая девица, которая также уже долгие годы болела туберкулезом. Он уехал возвестить братьям в Челябинске, чтобы эту сестру увезти срочно в Ангрен, чтобы там она получила исцеление. Братья, посоветовавшись, забирают ее из больницы на самолет и отправляют в Ангрен, объявивши в церкви пост и молитву за ее исцеление. И чтобы этот брат Леня приехал к ним. Я тоже просил брата Петра, чтобы, когда будут ехать в Челябинск проездом, заехали по дороге к нам. Эта девушка полетела в Ангрен, получила исцеление, затем возвратилась вновь в Челябинск здоровой и вскоре вышла замуж. Челябинская церковь пребывает в постах и молитвах, чтобы брат Леня приехал к ним, потому что он совершал беспрепятственно по церквам свой труд в городах Манхенте, Чимкенте, ст. Чу (возле Ал-

ма-Аты), в г. Караганде, г. Макинке. Пользуясь этими слухами, мы все просили, чтобы он не миновал и нас, но нам сказали, что он стоит на страже и ему дается внушение якобы от Бога, куда ехать можно, а куда нельзя. Проезжая нашу станцию, направляясь в Челябинск, у нас он не остановился, а сразу же поехал в Челябинск. И слышим, что в Челябинске, в Коркино и вокруг происходило что-то великое. Многие из нашего народа начали проситься поехать в Челябинск, но мы не разрешали. Через некоторое время мне представилась возможность поехать в Среднюю Азию в г. Манкент к друзьям, с которыми мы когда-то вместе жили в Коркино. Их несколько семейств переехали в этот город. Когда мы приехали, видим, что все они в смятении, среди них нет мира и церковь находится на грани деления. Интересуемся происшедшим. Что случилось? Ведь когда мы раньше были там, в церкви царил мир и единство. Оказывается, что вся причина была в производимых исцелениях и в работе брата Лени, который самовольно без согласия церкви старых служителей поснимал, а новых поставил без совета и согласия. Кроме того, он требует, чтобы весь народ прошел, как через рентген, чрез него для очищения церкви. И тогда только он определяет, кто чист, а кто нечист или одержим. Он назначает время, когда таким людям придти для молитвы об освобождении (или изгнании). Созданная им молитвенная группа будет молиться с ним об очищении. Молитвенная группа была избрана им по его усмотрению из молодых и здоровых (здоровых физически) братьев без совета служителей или их присутствия. На этих молитвах он объявлял этим людям об одержимости и назначал молитву об очищении не раньше, как через две-три недели. И как впоследствии оказалось, одержимыми были более искренние и ревностные христиане. Был случай, о котором нам рассказал брат Иван из г. Коркино, который жил со своей женой не в мире, и он говорил: «Если те души нечисты, то что же тогда говорить о

нас?» Кроме того, он ходил дважды на проверку и все оказывался чистым. Об исцелении Леня молился просто: возлагал руки на голову и проводил руками по всему телу с головы до ног, а для очищения молился с группой и уже делал наоборот: начинал с ног и касался всех членов тела даже до горла. На пол постилал бумагу и душил за горло, чтобы сатана из этого человека вышел. А людей заставлял плевать и харкать на разложенную бумагу. И если кто-нибудь не мог это сделать, он сильнее давил, так что некоторые после такой процедуры три дня не могли ни кушать, ни говорить от боли в горле.

— Многие принимали сказанное Леной за истину, что они нечисты, и, ожидая дня очищения, действительно многие становились нечистыми (доверяясь духу обольщения). И через некоторое время начали приезжать к нам с нуждами об исцелении, даже имевшие высшее светское образование, с жалобой, что они чувствуют сатану в своем теле. Они говорили, что ощущают его движение по телу: то он в ноге, то затем идет ближе к груди, то давит грудь, так что тяжело говорить и дышать. Это было наяду, они показывали опухоль размером чуть меньше, чем куриное яйцо, в теле. Полагаю, что бес к душе и духу не имел доступа, но поражал тело. Нам приходилось совершать с постом усиленные молитвы об освобождении и давать определенные советы и наставления в вере на основании Слова Божья, а не на самовнушении. Посетивши Манкент и возле него поселки Черные и Белые Воды, мы поехали в Чимкент к близким друзьям из Челябинска. Когда они жили в Челябинске, в их доме мы часто находили прият. Это брат Абрам и сестра Полина, бывшая учительница. У них было три дочери-девицы. Приехавши в Чимкент, мы зашли в этот дом. В доме никого не было, кроме с. Полины, тяжело больной, лежащей в постели. Первое, что мы сделали, совершили молитву об исцелении больной сестры. И Господь ее тут же поднял с постели, а нам было слово от Госпо-

да: «Слышанное вами здесь, это то, что Я возвестил вам заранее, и потому призываю вас стать на стражу и будьте мужественны. Возвратитесь на место ваше и немедленно направьте путь ваш в Челябинск и предупредите народ Мой. Ибо великое обольщение постигло народ Мой. И враг замыслил еще многое совершить на том месте. И при их содействии и в других местах обольстить народ Мой. Преградите путь беззаконию». Вставши с молитвы, сестра Полина в слезах начала исповедоваться и рассказывать. «То, чего я боялась рассказать мужу или кому-либо из друзей, но так как Бог вас привел в мой дом, я верю что это сделал Бог, и хочу открыть вам всю боль сердца моего».

Она начала рассказывать, как очевидец, как происходило исцеление и очищение. Ее старшая дочь Ира проходила процесс исцеления, и Леня, будучи шестидесятилетним, болезненно худым человеком, объяснялся ей в любви (но тайно). Она, будучи удивлена и поражена этими словами, мучилась и не могла всего этого вместить, и поделилась с матерью. Мать, выслушавши, посоветовала пойти исповедаться пред Ленией. Он ей сказал: «За то, что ты допустила неправильные мысли, в тебя вошел дьявол, и нужна вновь молитва для изгнания». И он тут же «потрудились», так что она не могла три дня ни говорить, ни кушать. А искушение стало еще больше, и она со мной поделилась обо всем этом, а я и сама стала от всего этого больная. Мне не вмещалось, что это истина, а многие в это верят. Я не могла никому открыть свою душу, себя судила и проверяла, но покоя не находила. И вот перед вами открыла, всю свою душу, то, что я видела и что испытала сама, и то, что произошло с моей дочерью. Мы поблагодарили Господа и направились по велению Бога, не задерживаясь, лишь еще заехали в Манкент уже более утвержденные и уверенные, возвестили братьям, убеждая держаться здравого учения и не спешить доверяться «...всяким ветром учения, по лукав-

ству человеков, по хитрому искусству обольщения...» (Еф.4:14). По дороге мы еще заехали в Кара-Балта и во Фрунзе, предупредили друзей и возвратились домой. Рассказали народу о поездке и попросили братьев, чтобы на воскресенье они приехали в Челябинск для беседы с народом. Будучи еще в Манкенте, мы послали брата Далингера Володю, который был особенно увлечен обольстителем, с письмом к брату и его жене в Горловку. И он привез оттуда прямое доказательство, что Леня исключен и находится в обольщении. Жена его здоровая христианка и удивляется, что народ так слепо все принимает. Кроме того передают деньги на самолет и убедительно просят, чтобы он приезжал.

Имея дополнительные данные с места его жительства, я поехал сразу же в Челябинск, но прежде заехал в ближайшие города, которые он проходил: в Коркино, Еманжелинск и другие, расспрашивая очевидцев. И все со слезами, в великом сомнении и страхе говорили всё, что с ними происходило. В Коркино, где я раньше немного жил и мне вся община была известна, спрашиваю братьев, советовался ли он с вами — служителями или с проповедниками?

— Нет, не советовался, не искал сотрудничества, но постоянно действовал по своему усмотрению. Он создал молитвенную группу и с ними молился об очищении. Мы там не участвовали.

— А как вы смотрели на все это?

— У нас было полно сомнений, но мы боялись что-то сказать, так как в Челябинске все наши верили и восхищались этим человеком, и пребывали в постах и в молитвах, чтобы Бог его благословлял.

— Вы знали, что он молился об очищении, беря мужчин и женщин за неблаговидные места?

— Нет.

— Вы видели, что он неправильно определял души одержимых, зная их жизнь и служение?

— Мы видели и сомневались, но боялись возразить.

— Вы видели его исполненным Духом Святым и знающим Слово Божие?

— Не видели.

— В чем было ваше сомнение в его работе, видели ли вы в нем смирение, кротость и благоговение?

— Не замечали, но в конце, когда весь народ прошел, он спросил: «Есть ли еще кто-нибудь кто не прошел рентгена?» Мы вспомнили, что брат Иван из Западной Украины не проходил. «Скажите, чтобы он пришел, я с этого бендеры семь потов выгоню». Нам это не вместились, но мы не посмели возразить или сделать замечание.

После этого я поехал в Челябинск, там был старшим пресвитером брат Иван Булер, я был с ним в близком общении. Это был смиренный, простой, искренне боящийся Бога кроткий служитель. При встрече с ним я спросил:

— Брат Ваня, что сейчас происходит в вашей церкви? Так много слухов ходит вокруг.

— Брат Саша, мы были слепы, а теперь видим.

— Ну, это хорошо, если все это совершается в истине. Вы знакомы близко с братом Ленией, который у вас так много потрудился?

— Я знаю одно, что я был слеп, а теперь вижу, а кто он и откуда — не интересовался. Я знаю одно, дал бы Бог больше таковых.

— Так что он епископ или имеет какой-нибудь духовный дар?

— Я знаю, что Бог его поставил созидать церковь, снимать и поставлять служителей, производить очищение церкви и исцелять больных.

— Хорошо. А как он у вас начал производить труд в церкви, с ведома вашего и вашего участия?

— Нет, мы ему это поручили.

— Вы участвовали в избрании молитвенников и в молитве?

— Нет.

— А как же вы, как старший пастырь, допустили его делать всякие сомнительные дела и сами не контролировали?

Затем я объяснил, какое мы имели откровение раньше и какое откровение имели в Чимкенте, и как мы послали брата в Горловку по поводу брата Лени. Этот брат был у его жены, и она давала свое свидетельство, а также свидетельствовали о нем и тамошние братья, и то, что я слышал из уст личных свидетелей в Чимкенте, Коркино, Еманжелинске. Жена его свидетельствовала, что его постоянно приглашают во многие церкви и присылают для этого материальные средства, а также рассказала и то, что он должен вылететь на Кавказ в Тбилисскую станицу, а оттуда в Челябинск, а с Челябинска на Дальний Восток. Так что, брат Ваня, если вы доныне делали и допускали его в церкви в вашем неведении, то Бог еще милостив к Вам, но ныне, будучи предупреждены, смотрите, чтобы Господь не взыскал. Завтра еще приедут братья, и вы соберите всех своих братьев для беседы.

Вечером он у себя собрал несколько братьев, и я перед ними изложил все, о чем я беседовал с братом Иваном. Брат Ваня Зайбель, который получил исцеление желудка и был участником в молитвенной группе, сильно переживал и после беседы попросил меня к себе на ночь. Жена его была украинка, сестра Тоня. Я знал их раньше, бывал в их доме и знал, что он страдал язвой желудка. Идя дорогой, он мне говорит:

— Как ты смел на такого помазанника так смело говорить, клеймить и поносить? Ты знаешь, я по ревности, если бы можно было, сейчас побил бы тебя и я специально взял тебя на ночь, чтобы высказать все это тебе и убедить тебя, что он великий служитель Божий.

Затем он привел меня в свой дом и говорит:

— Тоня, брат Саша не верит, что Бог меня исцелил, и поносит брата Леню. Я взял его, чтобы доказать ему, потому что он был свидетелем моей болезни, а теперь я исцелен. Подавай сюда кислую капусту и все острое, которое я никогда не мог попробовать. Пусть он посмотрит.

Я ответил:

— Ваня, я не говорил тебе, что ты не получил исцеление и что те, которые исцелились, это обман. Вас исцелил не Леня, а Всемогущий Бог. А Леня по вере вашей был в глазах ваших как ангел и стал точкой вашего соединения с Богом по вере. По вере вашей Бог исцелил и тебя, и других, но Леня — блудник, нечестивец и обольститель, а ты ему потворствуешь.

На следующий день собрались братья у Ивана Рихарда в доме, где раньше проводились богослужения. Сошлось около 20 братьев. Из Таинги приехали братья Кузьмич Петр, Котляров Анатолий и другие. Затем началась беседа, которая продолжалась целый день. Мы убеждали братьев, показывая все дела, факты и поступки Лени, но они никак не могли согласиться, потому что люди многие получили исцеления явные, сверхъестественные. Однажды группа верующих из г. Златоуста, услышавши об исцелениях в Челябинске, прибыла с желанием получить исцеления, наслышавшись о брате, как об Ангеле Божьем. Входят в дом. И вдруг он выходит из молитвенной комнаты, чтобы помыть руки «после очередного изгнания беса». Им указали: вот он. И одна сестра тут же исцелилась и начала свидетельствовать. Мы согласно Писанию приводили места, что больных исцеляет Бог по вере их, если они имеют точку соприкосновения по вере в Бога. Мы просили, чтобы они рассказали, как он совершает молитву об исцелении. Читает ли он Слово Божье, говорит ли об обетованиях, утверждает ли в вере? Молится ли он при исполнении Святым Духом на иных языках и тогда начинается труд? Кто был свидетелем?

— Один брат говорит, что он был свидетелем в этом деле: сошлось много народа, чтобы получить исцеление. Вдруг входит брат Леня. Ничего не читал, Библии даже в руках не имел, к молитве не призывал, а только провозгласил: «Что стоите, как овечки в кучке? А ну, становитесь под стенку по два в шерен-

гу! Что, в армии никто из вас не служил?» И народ начал выстраиваться. Когда построились в шеренгу, он продолжал: «Вы пришли получить исцеление. Я сейчас пройду и буду возлагать руки на каждого, начиная с головы до ног». Когда он всех обошел, выходит на середину и говорит: «Кто не исцелился, выходи сюда», но никто не решался. И после этого много было различных разговоров.

Прошел целый день, и нам нужно было собираться на поезд. Нас решили покормить, и мы с братьями договорились, что они пошлют письмо в Тбилисскую станицу, чтобы когда приедет Леня, они его не принимали согласно решению братского совета, которое мы приняли здесь, обсуждая его жизнь и работу. Они согласились, но, когда нас позвали кушать, они вновь переговорили и решили не писать, чтобы не было на них греха; и нам так возвестили.

Мы спросили их: «Вы согласны дать нам адрес, и мы сами напишем?» Они решили дать нам адрес, и мы все о нем написали, чтобы там Леню не приняли, но челябинские братья вновь впоследствии посоветовались, что, однако, они будут виновны, так как они дали адрес друзей, и решили послать туда посланника и перехватить это письмо, чтобы оно не попало в руки тамошним братьям. Чтобы они не были поражены сомнениями. Решили послать туда сестру С., диаконису церкви, родственницу брата Фризена Василия. Она была вдовица, лет пятидесяти. Она получила указание перехватить письмо и Леню привезти в Челябинск, а впоследствии направить его на Дальний Восток. Она все это сделала аккуратно. По дороге Лёне пришло откровение, чтобы расположить её к сожительству, но она никак не соглашалась, и ему пришлось немало потрудиться, чтобы добиться своей цели. Наконец, она сдалась. Довольный успехом, наш брат спешит на труд. Леня старался сделать сие незаконное, чтобы никто не видел и не знал, только того не учел, что очи Господа на всех путях человеческих.

Господь во сне открывает ближнему и преданному Лёне всей душой брату Ивану Зайбель, который в порыве ревности готов был побить меня за то, что я говорил правду про Леню. Ему Бог во сне до точности открыл, что и как он делал тайно в вагоне с сестрой С. Когда они приехали, он не имел покоя. Вызывает отдельно сестру С. и говорит: «Сестра, рассказывай, что было у тебя с Лёней в пути. Мне Бог всё открыл до мелочи. Смотри, я сейчас призову братьев, свидетелей, и ты всё подробно расскажи». Она от такой неожиданности и особенно от брата Вани Зайбель испугалась и начала всё подробно рассказывать. Затем её берут на отлучение от церкви и выходят к Лёне, а он уже сбежал. Он догадался о том, что его разоблачили, и заблаговременно скрылся. Нашли его уже на железнодорожном вокзале готового к отъезду и начали говорить ему, объявляя отлучение, а он в ответ сказал:

— Это ваше дело, а я свое дело сделал.

После всей этой истории нам пришлось еще много раз ездить и увещевать народ, ибо когда открылось, что Леня не ангел, а блудник и нечестивец, то многие усомнились в исцелении, которое получили. И поэтому многих приходилось увещевать, что их исцелил не Леня, а Бог. Все это дело рук Господа по их вере, и особенно увещевали брата Ваню Зайбель, ибо сомнение одолевало его, а болезнь, язва желудка, возвратилась вновь. В скором времени брат Ваня отошел в вечность. Видимо, и в этом был Божий промысел для его души.

Глава пятнадцатая

ПРОХОДЯТ ГОДЫ

Пребывая в пос. Тайк уже 9 лет и 7 месяцев, нам неоднократно чрез многие сосуды было свиде-

тельство, что времени нашего пребывания здесь будет не много. Я полагал, что меня могут в любое время арестовать. Когда я обратился к Господу, то было сказано: «Путь совместный». Затем нас пригласили в Среднюю Азию в г. Чимкент, но повеления ехать туда не было. Время шло, семья умножалась, домик наш был 4,90 x 5,90, и мы решили сделать пристройку — еще одну комнату. Заготовили материал и всё нужное для стройки. И однажды к нам приезжает брат Шалашов Рувим, служитель из г. Кокчетав, с нуждами помолиться Господу. И начал нам советовать не строить так, как задумали. Он посоветовал реконструировать дом, снять крышу, поднять стены, потому что сам домик был низкий, затем расширить, поднять стены и сделать новую крышу. Нам этот совет понравился, но свидетельство Духа Святого было, что пребывание наше здесь будет недолгим. После этого я попросил братьев вместе с их нуждами поставить и мою. У них было своих шесть нужд, а мою седьмую они поставили в середине. И вот идет ответ: «Не время строить на этом месте, ибо впереди путь». И было указано: «Крым».

Мы доверились этим словам и решили все заготовленные материалы продать. А с Украины получили письмо от отца, который сообщил, что моя родная сестра Аня и сестра Нина поехали в Крым и там им очень понравилось, и Аня купила там дом, намереваясь переехать туда на жительство, а Нина купила большую усадьбу, и там тоже была старая землянка. Отец советует, чтобы мы первые переезжали, чтобы соединить семейства, и строились на одной половине участка, а они переедут позже. Я с детьми решил поехать в отпуск в Крым и посмотреть на их предложение.

Затем мы заехали к нашей сестре, которая уже переселилась. Посмотрели на предложенный участок. Сад большой, но всё заросло бурьяном. Невозможно пройти, всё было запущено, нежилое, но, однако, Крым с Казахстаном не сравнить. Детям всё

очень понравилось: климат, природа, фрукты. Вернувшись домой, я всё рассказал жене и друзьям. Жена в неверии, что нам не дали жить в Архангельске, а здесь вызывали, спрашивали: «Зачем ты сюда приехал?» — и давали срок на выезд (или уезжай, или соединяйся с баптистами, или посадим). Друзья тоже не давали согласие. К тому же жену сквозняком парализовало (левую сторону), но по молитве церкви Бог исцелил.

Поскольку не было согласия и дом вывесили на продажу, и пришли покупатели, согласились и дали задаток, то я попросил три дня, чтобы мне на работе еще поработать, потому что у меня был долг, а затем пойдём оформлять, но наши покупатели нашли себе другой дом и от нас отказались, но я всё равно отдал им залог, видя, что нет успеха. Приближалась зима. Мы начали запасаться на зиму дровами, углем и кормом для коровы. Я привез машину соломы для корма, свалил на улице и лег отдохнуть, потому что утром рано снова на работу. Вдруг жена будит меня и говорит: «Саша, вставай, пришли покупатели и хотят купить наш дом, и просят, чтобы солому в сеновал не заносил, потому что у них нет коровы». Жена согласилась, а я в полном неверии. Встаю, говорю цену. Они согласны и готовы сегодня идти оформлять. И предлагают: можете паковать вещи и отправлять контейнер, а мы проживем вместе, пока вы уедете. Итак, мы решились, начали оформлять документы и заказали контейнер. Тринадцатого ноября 1968 года мы уехали в Крым всей семьей: мать, шесть душ детей и нас двое.

В Крыму мы поселились у родной сестры, но сразу же пошли на участок, осмотрели землянку, она была немного разрушена, с прохудившейся крышей и земляным полом. Мы её немного отремонтировали и перешли жить. Ноябрь в Крыму теплый. В огороде мы выкопали картошку. Осень в Крыму — богатая пора. На полях остаётся множество различных овощей, а в садах много неубранных фруктов.

Мы много ездили и в сады за фруктами, и на поля за овощами. Кушали то, чего в Казахстане и не видели, и не слышали.

Вокруг землянки начали копать фундамент под дом и одновременно строили времянку для дальнейшей жизни. Строительным материалом был ракушник, резанные камни 50 x 20. За зиму мы построили времянку размером 5 x 5 и сделали фундамент под дом. К весне заготовили ракушник для стройки и все, что могли, и с помощью Бога и Его народа за одну субботу сложили почти все стены, а в следующую субботу закончили кладку и начали делать крышу.

Когда потеплело, помазали времянку, потолок и стены глиной с соломой, а как только высохло, то поштукатурили и всё приготовили, чтобы переходить жить. Когда мы жили в землянке, к нам из г. Старокопеевской Хмельницкой области приезжает Волкова Майя с матерью Катей на жительство и поселяются у нас в землянке. Хотя было тесно и неудобно, но у них было такое желание, и они согласны были жить и в землянке. Они только что уверовали, и на них воздвигнули гонение, так как они жили в военном городке и мать Майи была фронтовичка. Она работала парикмахером при высшем составе офицеров, и дочь, родившись, была все время с нею, а выросши, выучилась на зубного врача и работала в военном госпитале, кроме того, она была член партии, затем окончила высшую партийную школу и пользовалась авторитетом. Уверовавши, они с матерью начали смело свидетельствовать о Господе. Это были боевые мужественные сестры, и, когда на них воздвигнули гонения, то друзья, знавшие меня, посоветовали им переехать к нам. Так мы с ними и сроднились. Майя искала работу по специальности и жила у нас в землянке, а потом перешли во времянку, хотя было тесно (у нас шестеро детей, мать жены, мы с женой и их двое), но они никуда не хотели уходить. Потом они нашли себе работу в

деревне Стальное, в 17 км от нас. Им дали квартиру, и они там жили. Там были так же и другие наши братья и сестры, человек около двадцати. Они начали активно и дерзновенно свидетельствовать о Господе. Всё это и вызвало на них гонения. Ее маму незаконно увольняют с работы и переводят в бригаду садоводов на фабрику: консервировать фрукты и мыть посуду. Куда они только не обращались по этому поводу, во многие инстанции, но все от них извлеклись, потому что Майя окончила высшую партийную школу на «отлично» и техникум на «отлично», так что ни в деревне, ни в районе не находилось подобных людей с высшим партийным образованием. И вот однажды, когда ее вызвали к прокурору, он ей сказал:

— Женщина, вам здесь никто не поможет, и вас передали мне, так как кроме меня никто не сможет вам здесь помочь. Я вам скажу, что вам нужно с вашим образованием обращаться повыше, а здесь вы правды не добьетесь.

Она продолжала работать посудомойкой, мыть бочки, но вскоре у неё заболели ноги и ее положили в больницу. А к нам приехал один брат из Запорожской области и через него были истинные видения в нашей церкви, и мы вспомнили ее, и с ним посетили сестру Майю в больнице. Ему при встрече с ней явилось видение: она сидит за столом и пишет жалобу на имя какой-то женщины, и затем ей приходит положительный ответ. Она поверила и решила написать о себе в Москву, В. Терешковой, и ей приходит ответ, что жалоба Ваша рассмотрена и даны указания Вашему начальству о восстановлении Вас на прежнюю работу, так что Вы подождите, и если это вскоре не произойдет, хотя нам местные власти должны доложить, то мы просим Вас сообщить нам, и затем мы примем другие меры. Так и получилось, и она вновь написала, что она продолжает работать на фабрике, и ничего не слышно.

Из Москвы тогда приезжает представитель и пря-

мо на квартиру к Майе, но она была на работе, а мать была дома и стала ему свидетельствовать о Господе. А он говорит, что приехал из Москвы по ее делу и хочет видеть ее и посмотреть ее документы об окончании техникума. Она ему предоставила все документы об образовании и об окончании высшей партийной школы. Он подождал ее и при встрече говорит:

— С Вами поступили несправедливо. Я был в области и беседовал с главным врачом области. Он дал слово при вашем согласии восстановить Вас по специальности или по месту жительства или в других местах, которые Вы выберете. Он обещал обеспечить Вас сразу же квартирой и бесплатно перевести Вас на избранное Вами место.

После этого она поехала с ним в область, и ей предложили на выбор несколько мест. Она избрала место недалеко от Евпатории, куда её сразу же перевезли и дали квартиру. Она начала вновь работать по специальности и многим свидетельствовать о Господе. Кроме этого, она приобрела для себя много искренних друзей во многих местах, но недолго продлилась ее жизнь. Вскоре умерла ее мать, и мы похоронили ее с особыми почестями и свидетельствами, где они жили. Вслед за матерью и Майя заболела, признали рак. Это был 1983 год. И мы все, и она никак не соглашались на разлуку. Однако она настала. Мы с болью в душе похоронили ее возле матери. Такое было определение Божье.

Глава шестнадцатая

ДЖАНКОЙ

По приезде в Джанкой я устроился на работу столяром. Жена временно устроилась на сезонную работу в совхоз, в огородную бригаду, куда их во-

зили на машинах. Платили в основном овощами и давали огороды по несколько соток. После работы продолжали стройку. Жена все сомневалась, неужели дадут нам жить здесь так, что мы построимся, но если Бог дал деток, значит, нужно и строится, чтобы их приютить. В строительстве Бог чудно и дивно помогал нам все время. И так всё было очевидно, что в нас утверждалась вера, и мы достроили дом, и в ноябре уже перешли жить. Слава Богу!

Брат мой приехал весной 1969 года с семьей, но власти уже знали, что мы верующие, и разделить участок не дали, и он вынужден был искать себе другой, старый дом и начал строиться на том месте. Служение в этой церкви совершал брат из моей деревни, которому вместе с другими семьёю братьями мы поручали это служение ещё в 1950 году. Это был брат Адасевич Петр. В Крыму в то время старшим был брат из Керчи Хейлик Александр, а его заместителем был Голышев Николай. Крымские братья еще не входили в братство Киевское по некоторым вопросам.

1) Членами церкви они считали только крещенных Духом Святым со знамением иных языков и потому водное крещение преподавали только крещеным Духом Святым.

2) Братьев-баптистов чуждались, харизматов вообще не признавали за братьев, а если кто ходил посмотреть на их собрание, то такого ставили на замечание.

3) Держались больше простоты, были против новшеств: конференций, конгрессов различных названий — и в начале были против того, чтобы собираться в клубах, считали это осквернением.

Братья Крыма держались, чтоб в Крыму было единство во всех Евангельских понятиях. Уже при мне первый раз приехал из Киева брат Михаил Иванович и Каминский Николай Мартыанович, а так как я с ними уже был знаком, то они мне жаловались, что никак не могут найти путь к единству. Они бо-

лее доверялись и полагались на Демьяна, так что в последствии его рукоположили на епископа, что послужило в братстве Крыма к дальнейшим разногласиям и привело к размолвке даже поныне с Хейликом Александром. Он был первым пресвитером в Крыму. Он человек мужественный, твердый в своих понятиях и поныне держит общину в особой дисциплине. Впоследствии в Керчи он имел еще несколько служителей при себе. Его поставили заместителем Демьяна и он усердно трудился, как и прежде, когда он был старшим по Крыму, но он претендовал на равенство и надеялся, что так оно и будет. И когда на него не обратили внимания, а поручили это брату Иерусалимцу, он стал в стороне. После этого он ездил с жалобой к Виктору Ивановичу, но тот тоже не понял его и сказал ему, чтобы он довольствовался тем, что есть.

В Крыму я имел возможность посещать больше Украину, Донбасс, Кавказ, Прибалтику. В Крыму в каждом городе были небольшие общины и в районных центрах, и в некоторых селах. В г. Феодосии был служителем брат Вяжечив Иван и брат Василий. Церковь была одарована дарами Святого Духа, было много сосудов пророчествующих, имеющих видения и откровения. Молились также за изгнание и привозили многих больных из многих мест Советского Союза, и были успехи.

Однажды на общем крымском братском служении я поделился вопросом об абортах, так как мне в Казахстане пришлось встретиться вплотную с этим вопросом и здесь, в Крыму, в самом начале вновь пришлось. Опишу подробнее.

Когда мы приехали в Казахстан с семьей, нас приютила одна сестра Оля (имя по причине тайны исповедания изменено) и предоставила нам землянку, где жила ее старенькая мать и ее старшая дочь. Она оказала нам особо доброе дело. Из всех находившихся там сестер она особенно отличалась своим смирением, кротостью и добродетелью. Мы все

её очень уважали и жили у них, доколе не купили отдельно себе домик. Сестра Оля была пожилая пенсионерка, часто болела.

Однажды прихожу я с работы, а она у нас дома сидит и горько плачет.

Я спрашиваю, что случилось, а она рассказывает: «Я так часто болею и может смерть скоро, а у меня большие искушения, сомнения, что я не спасусь. Меня смущает неисповеданный грех. И вот я пришла, хочу исповедоваться. Двадцать лет назад во время войны я сделала два аборта и я нигде не исповедовалась, но участвовала в хлебопреломлении, а теперь меня совесть судит и я не имею покоя». Я ей сказал, мне не приходилось такие вопросы решать, слышал только, что таковых брали на замечание или на исключение, а как потом принимали, даже не слышал. Скажу только одно, что время неисповеданный грех не прощает, а только усугубляет. А еще и то, что вы участвовали в хлебопреломлении. Апостол Павел предупреждает нас и говорит, что кто будет недостойно участвовать, тот может болеть: «Оттого многие из вас немощны, больны и немало умирают».

— Я ничего не могу вам конкретно сказать. Я должен встретиться с братьями, побеседовать с ними и на основании Слова Божьего представить этот вопрос пред Господом, что скажет Бог. Мой вам совет: воздержитесь от приветствия, но не объявляйте почему до выяснения.

Итак, прошло 8 месяцев. Я, где только ни встречался с братьями, задавал этот вопрос.

Все смело отвечают: всякий грех прощается, кроме хулы на Духа Святого.

Я задаю вопрос: аборт считается убийством или нет.

Ответ: да. Считается, равносильно убить в утробе или живого малого и старого человека.

Да. Убийств много в мире, но они уже не страшат так людей, а вот убить матери своего сына, это поражает многих, потому что даже звери этого не делают.

Писание говорит: «Когда принесешь дар Господу и вспомнишь, что брат твой имеет что-то против тебя, пойдя и примиришься. Мирись с соперником, когда ты еще на пути. Мтф. 5:23-26. А как примириться с тем, кого нет на пути?»

Молчок. Ефес. 5:26-27; Евр. 12:14.

В день моего рождения свыше я верю, что Бог особо слышит мои молитвы. Меня часто в моей жизни вызывали на переучебу, как военнообязанного, и даже угрожали мне тюрьмой, а ведь у меня уже была семья, дети. Однажды мне брат Володя Бойко, служитель из Киева, находясь у меня в гостях, рассказал, как он поступил в этом же вопросе. «Я помолился Господу с верой и пошел на комиссию, и меня комиссовали». Я последовал его совету, и в день моего рождения свыше, а именно 9 февраля в 10.30, я искренно помолился и получил такую уверенность, что молитва моя услышана Богом и я получу просимое. И вот при такой уверенности я вспомнил о сестре Оле, о которой я многократно представлял в разных местах нужды, но не было конкретного ответа для руководства.

Поэтому я, получивши ответ на свою нужду, представил с верой и нужду с. Оли. И идет ответ: «Таким нет места в Сароне, таковые спасаются по делам. Возвести». Я возрадовался и поспешил возвестить сестре: «Членом церкви вы не можете быть, на замечание вас нет надобности брать, так как покаяния и примирения с детьми на Земле не может произойти, так как их нет уже в живых. Церковь спасается по вере, а вы должны спастись по делам». Прит. 16:6, Дан. 4:24.

— Вы идете параллельно с церковью под надзором служителя церкви в послушании ему. От вас будут принимать пожертвования в добрых делах. В преломлении хлеба вы не можете участвовать.

Раньше она жила в немецкой деревне и там была членом церкви, и поехавши в гости, а там в церкви было хлебопреломление, но так как она воздержала

лась, то брат Давид, служитель, подошел и спросил, почему воздержалась.

Она открыла все ему, а он ей сказал: «Иди и участвуй. Я это беру на себя». Вскоре он призвал братьев-служителей и поднял этот вопрос, что я неправильно дал совет и он не верит в то, что было сказано, и решили перепроверить через другой сосуд. Поручили трем братьям: Котлярову Анатолию, Кузмичу Петру и мне. Мы пошли и тайне поставили сию нужду. Было сказано: «Нет места в стане народа Моего. Осквернена».

С Лебедевым Петром из Смоленска мы встречались ранее на Урале, вместе жили в г. Коркино. После разъехались, он отсидел 5 лет, и, вернувшись, решил посетить нас в Казахстане. При встрече он предложил нам помолиться и поставить тайную нужду. Мы его не стали спрашивать, так как были уверены в нем. Во время молитвы слышим слово: «Неизменно то, что вышло из уст Моих. Слово Мое — да. Истинно — нет. И хотя бы дни милости и благодати, но этому делу нет мира. Дочь — это прежнее имя ею утеряно, ей нет мира. Ведь это жизнь, это не в завете, чтобы от Меня прощение. Это жизнь, утеряна жизнь. Нет мира. Не изгоню. Сарон чист от крови. О, не смущайся. В путь к Ханаану не берите, это в решимости сердца, разумея, что грех, но уразумей путь. Дух вопиет, это жизнь. Жизнь дана мной, но кто похищает ее? Нет страха во многих сердцах. Да не утеряна надежда на жизнь, но только не по вере. Искуплена Мной, чиста от крови».

Вот это я возвестил, но братья не приняли и сказали, это твое, а в братстве нет такого понятия. Я тогда решил поехать в Феодосию и в тайной нужде представить вновь пред Господом. И вот слова и видения, которые были.

1) Я дал власть, чтобы всякое дерево, не приносящее плода, вырывали с корнем и удаляли из народа Моего.

2) (2-й сосуд) Муж в светлой одежде подходит к преградам черным и берет светлую секиру.

3) Дерево небольшое, к нему подходит муж и вырвал его с корнем, и держит в руках своих напоказ народу.

4) Наносящие преграды сами да удалятся, ибо Я дал власть.

На областном братском совете братья вновь поднимают этот вопрос о сестре Оле. Председательствовал брат Павел Степанович Егоренков. Он решил снова спросить Господа. Это было в г. Кокчетаве. Он отлучился, потом приходит и говорит свидетельство: «Ты поступил жестоко и несправедливо. Ты должен покаяться и ввести ее в Церковь». Мне это было, как молотом по голове.

Я сказал: «Я не вижу в моем поступке даже малейшей жестокости и несправедливости, но если вы так решили, пусть так и будет, я ей объявлю ваше решение и введу ее в Церковь».

Глава семнадцатая

ТАЛЛИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Находясь в Крыму, некоторые из братьев (Иерусалимец Василий, а в последствии и с. Майя) посетили Таллинн и были свидетелями конфликтов о Христе и изгнании бесов и других различных исцелений в церкви. Они присутствовали на молитвах и воодушевленно и живо свидетельствовали об этом в Крыму. В то время потоки народа со всего Союза направлялись в Таллинн. Молва об исцелениях охватила всю страну. Таллинские братья во главе с братом Сашей Поповым совершали поездки по стране. Побывали они и в Крыму, и в Джанкое. Благослов-

ляли, молились, зажигали сердца молодежи для труда на Божьей ниве. Лично в моем доме ночевали и делали собрания, принимали исповедания, в сопровождении с пророческим словом и исцелениями, которые проходили иногда по семь часов. Поскольку они ночевали в моем доме, я был свидетель их ночных искренних, сокрушенных сердец в молитвах за дело Божие и за предстоящие служения. Они и меня поощряли в служении Богу. Я видел результаты их трудов. И это побудило меня поехать в г. Дубоссары к Виктору Ивановичу Белых и просить его, чтобы он лично сам поехал с некоторыми братьями и имел встречу с их братством, чтобы поддержать их и наставить, и предостеречь, чтобы не подпасть в искушение, ибо они в этом неопытные, потому что люди едут разные: и отлученные, и в грехах. Чтобы не было в дальнейшем поношения на истину, но брат Виктор сказал мне, что он посылает туда Ивана Антоновича Левчука и еще некоторых братьев, и попросил, чтобы и я поехал. Я убеждал его, что это его долг быть первому, а не посылать других, но он был тверд в своем решении. В назначенное время я поехал на эту встречу. Заехал в г. Ерваканд к брату Ивану Финну, который был у нас в Кокчетавской области ст. Таинга, и с ним поехал в Таллинн. Он был у них посредником и переводчиком и в курсе всех дел, но мы опоздали. Там началось гонение, и старшие братья были под домашним арестом без права выезда из Таллинна. Наша беседа не состоялась, но мы побывали в их церкви на молитве. Народа было очень много, и слышны были голоса многих бесноватых. Братья объявили, что первую молитву мы будем совершать о бесноватых — об изгнании (освобождении), а потом об исцелении. Они стояли в центре и никого не вызывали к себе, а совершали общую молитву. К моему удивлению, после молитвы все различные голоса утихли и я больше их не слышал в продолжении всей молитвы.

Молитва за исцеление проходила так:

Называли определенные болезни и объявляли нуждающимся больным, чтобы они положили свою руку на больное место и молились. Потом спрашивали тех, кто получил исцеление, чтобы они подняли руку. Тогда вновь называли другие болезни и снова продолжали молиться. В последствии подобные молитвы совершали и в других городах: Коростень, Бердичев и даже у нас в Крыму и в Джанкое совершали в определенные дни месяца и даже по просьбе больных выезжали в другие места не только Крыма, но и в Одессу, Донецк, и были видны явные исцеления и успехи. Люди радовались и благодарили Господа. В Таллинне я не видел, чтобы были падения, только слышал от других, которые сами испытывали. Первое общительное собрание было в Еватории и Саках. Приехали братья — служители из Симферополя, мы из Джанкоя и другие из многих различных мест с сосудами.

Вначале все мы пребывали в посте, призывали к исповеданиям. После исповеданий совершали молитву, благословляли народ и дальше Сам Господь руководил чудно и дивно. Когда благословляли народ, сила Господа излилась так, что народ не мог стоять, а как волна клонился то в одну, то в другую сторону, и не могли устоять на ногах, но падений не было. Только лишь были радость и восторги в славословии, все исполнялись Духом и не могли долгое время остановиться.

Затем мы молились о нуждах и исцелениях. В это время люди падали и получали явные исцеления, и поднимаясь, свидетельствовали об исцелениях. На другой день была молитва в г. Саках, и тоже люди исцелялись и падали, никто к ним не прикасался и не толкал, а только руки служителей были простерты в сторону народа, и это чувствовалось, что это было не от человеков. Когда в Джанкое происходили в назначенное время молитвы об исцелении, Бог побудил два сосуда, и было им повеление посетить Джанкой. Когда они прибыли и

впервые участвовали в молитве, то они верою восприняли благодать Божью и, возвращаясь в Феодосию, начали свидетельствовать об этом, и многие загорелись желанием туда поехать. А я в это время приехал к служителю Вяжевичу Ивану, и он мне говорит, что наши собираются ехать к вам на молитву, но я говорю, что мы только раз в месяц совершаем такие молитвы, но всё же они решаются ехать. Сестры уверены, что они получают исцеление, а мужья в полном неверии, и они со своими мужьями приехали и начали просить, чтобы о них совершили молитву, но у нас не было такого согласия молиться об исцелении в неназначенное время. Мы специально освящались, были в посте и тогда приступали к молитвам, но по их неотступности мы согласились совершить молитву. В пяти километрах от нас была небольшая община в с. Новостепном. Мы им посоветовали, что если они изъявят желание, чтобы в их церкви совершить этот труд молитвы, то мы им поможем, потому что у них еще не было таких молитв. Договорившись об этом, начали совершать молитву. И когда мы начали совершать этот труд, то эти сестры первые вышли, чтобы о них помолиться. А мужья подошли с ними и наблюдали. И когда Бог коснулся благодатью, они не могли устоять и плавно пали, и начали славословить Бога, свидетельствуя о своем исцелении. В это время моя жена лежала в постели, и они подошли ко мне, и просили разрешения, чтобы им поехать и привести мою жену, чтобы Бог её исцелил. Для их уверенности я дал согласие, и они сами поехали, и привезли ее. Внесли её на руках в дом и поднесли к нам для молитвы, поддерживая ее под руки, и Бог, касаясь ее, укрепил ее стопы ног, и она под воздействием Святого Духа падает на пол затем, радуясь и свидетельствуя о своём исцелении, встает, и больше не понадобилось ее поддерживать — она исцелена. Слава Богу! Так утвердилась вера в этих двух мужьях.

ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ

Государственные власти постоянно преследуют собрания, проверяют дома, даже родственникам не дают собраться, потому что считают это незаконным сборищем. Соседи все были предупреждены в том, чтобы они наблюдали, затем, когда начиналось собрание доносили это властям. Власти под видом проверки документов составляли акты и штрафовали всех по 50 руб., а потом и вызывали на комиссию в райком, в прокуратуру и угрожали, мол, мы не будем с вами играть в кошки-мышки. Коммунисты не отступают, мы победим. Не дадим вам распространяться и обманывать наш народ. Детей в школах с первого класса вызывают в учительскую заставляют вступать в октябрята, а старших — в пионеры. Убеждают, что Бога нет. Учительница в классе спрашивает детей, кто верит в Бога — поднимите руки, и дети поднимают, а их потом по отдельности вызывают и допрашивают, чтобы они ответили, на каких основаниях они верят в Бога. Так во втором классе спрашивали нашу дочь Марийку, она говорила, что сразу было страшно, когда вызвали, но как только спросили, чем ты докажешь, что Бог есть, и у нее страх куда-то ушел и она им сказала:

— Кто сотворил небо, землю или вас?

Они улыбнулись и сказали:

— Наверно, твой Бог.

А сына Сашу спросили: «Что ты получишь от Бога, за то, что ты веришь Ему?».

— Жизнь Вечную.

— А мы что получим?

— Если не покаетесь, погибнете.

Во время гонений и усиленных преследований мы решили собираться каждый день в разное время и в разных местах и строго на один час для мо-

литвы. После служения сразу же расходились, и пока им доложат, и они соберутся приехать на указанное место, то, никого не застав, были в недоумении, но факт есть факт.

В это самое время к нам приезжают два брата из г. Пинска из Белоруссии. Брат Гелис Николай и Прибищук Петр в поисках места для переселения со своими семьями. Им понравилось, что в часы таких преследований мы не оставляем своих собраний, а делаем их ежедневно. И они загорелись желанием переехать, и вместе с нами трудиться. Мы их упрасивали, что «вы не сможете здесь свободно потрудиться, вы сразу попадете под обстрел, и вам ходу не дадут», и мы им предлагали другие места: Красноперекоск или Армянск. Там есть по несколько человек верующих, мы их обслуживаем, и там тишина, никто о них не знает, но они загорелись желанием оставаться у нас и решили искать, где можно было купить себе дома, но когда они нашли дома и пошли оформлять, то власти, удивившись их большим семьям, сразу же догадались, что они верующие, и не стали оформлять им документы, но продающие возмутились и начали жаловаться выше. Все было как заколдованно, и им сказали: «Продавайте другим, потому что вам мы не разрешим покупать здесь дома». Итак, им пришлось послушать нашего совета, и они тогда поехали в г. Армянск, и там начальство узнало, что они специалисты, пошли им навстречу с распростертыми руками. Устроили на работу и дали возможность покупать дома или самим строить самостоятельно. Итак брат Гелис купил старый заброшенный дом и хорошую усадьбу, а брату Прибищуку разрешили строиться. Они зарекомендовали себя как хорошие специалисты и пользовались уважением у начальства. Временно они сняли себе квартиру, перевезли семьи, и с ними из Пинска приехало еще 9 семейств, и так родилась и устроилась Церковь в г. Армянске, и нам приходилось их обслуживать. Там еще до их приезда уверовали видные заслуженные

коммунистки, ветераны войны, которые, будучи почетными гражданами города, еще не были членами Церкви, и вопрос стоял о том, как им поступить с партийными билетами и их должностями. Хотя они были на пенсии, но занимали почетные должности. Все же они поступили мужественно, сдали билеты и ушли с занимаемых должностей. С ними местные коммунисты не решались беседовать, а сообщили в Москву, и оттуда приезжал представитель и беседовал с ними, но Бог дал им мудрости и силы свидетельствовать уверенно и дерзновенно, и их оставили в покое, но впоследствии взялись за верующих. Брат Гелис Николай, который работал раньше по договорам с братом Бауманом Владимиром из Белоруссии и он для него был образцом, принимал с верой омоложение ног и все вопросы вероучения, а Прибищук Петр сразу все принимал, а когда еще подъехали из Белоруссии начал уклоняться. А потому мы, братья Крымские, решили, чтобы Гелису поручить там служение, вопросив Господа и получивши положительный, ответ я с Демьяном рукоположили его на служение пресвитера. Впоследствии на него воздвигнуто было сильное гонение. Его жену сразу без причины уволили, а потом и его, и заставили хозяев, у которых они снимали квартиру, выписать их и нигде больше не прописывать. Их 13 раз штрафовали за то, что они живут без прописки. Многие братья, в том числе и брат Виктор Иванович Белых, советовали им уехать, но они не решались. Их знакомый земляк будучи бригадиром совхоза, попросил Гелиса Николая переехать к нему, в совхоз под Севастополем, но КГБ и там его нашел и заставил председателя уволить его, и он вынужден был снова вернуться, но уже в город Красноперекоск, и купить себе домик, но и там пригрозили хозяину, чтобы он ему не продавал, а на работу как только устроится — и тут же сразу увольняют.

Все эти гонения и штрафы побуждали нас еще больше молиться, чтобы быть победителями, а не

побеждёнными. И хорошо, если у нас не находится робости и страха, а стоим в вере во всемогущего Бога, которому мы вручили свою жизнь и свои семьи. Я приветствовал стойкость и мужество брата Николая и у меня была непоколебимая вера в победу. Нам пришло на мысль, чтобы поехать в Москву в высшие органы с жалобой. Мы согласились, чтобы поехал Николай с женой Марией и двумя детками меньшими, у него в то время родился сын Андрюша, ему было где-то около годика. И мы, брат Николай с Марией и двумя детками и я с ними, поехали в Москву, и они старались проходить на приём во все инстанции, на приём в ЦК КПСС и к главному прокурору, и другие места, но все наши визиты в высокие кабинеты ничего положительного не принесли. Тогда мы обратились к Валентине Терешковой и она более других заинтересовалась помочь нам, и впоследствии она оказала нам помощь, и беседа с ней дала свои положительные результаты. Он смог прописаться в г. Красноперекоске, купить домик, и они начали проводить собрания. Так началась организовываться и возрастать Церковь.

К росту Церкви послужило и то обстоятельство, что Бог исцелил жену одного милиционера, которая была парализована и прикована к постели. Он долго возил её по всем больницам, но никто им не мог в этом помочь, а у них было двое малых деток. Ему люди дали совет, чтобы он обратился ещё и к верующим, чтобы они помолились, и он попросил брата Николая, чтобы тот посетил её. Посетивши её, Николай Гелис засвидетельствовал ей о Боге, о Его любви и милосердии и что Он может возвратить её здоровье, исцелить, если она сможет поверить в Его слово, в Его обетование и если она будет Ему молиться и даст обещание служить Богу. Она приняла все эти слова с верой и благодарностью и просила, чтобы он и другие верующие приходили к ней и молились. Когда брат Николай совершил над ней молитву с возложением рук, благодать Божья сошла на неё, и она

тут же уснула, а до этого она не спала уже несколько суток. И когда она проспала около суток и, проснувшись, позвала мужа и деток и начала им свидетельствовать, что есть Бог, который простил ей грехи и возвратил ей голос, потому что она в болезни лишилась речи, и что Господь освободил её от паралича до поясницы, для неё это было великим знаменем. Её звали Люда, а мужа Саша. И Люда просит своего мужа Сашу, чтобы он попросил брата Николая и других верующих, чтобы они постоянно собирались в их хате, и чтобы она могла постоянно слушать слово Божие. Он передал эту просьбу Николаю и попросил, чтобы они собирались в их доме. А он будет охранять их и заступаться за них. Это было для верующих большой радостью, что Бог вступает за них, и им есть место, где собираться. Эта весть об исцелении Люды распространилась по всему городу. Приехали врачи из больницы посмотреть, что произошло с Людой, и предложили ей, чтобы она легла в больницу для обследования. И когда она очутилась в больнице, её положили в отдельную палату. В палате явился ей ангел Господень. Это произошло в одну ночь, и она почувствовала себя очень плохо, а утром попросила, чтобы позвали мужа, потому что она хотела сказать ему, что будет умирать, так как чувствует себя очень плохо. Он пришёл и начал её успокаивать, что все будет хорошо, но вдруг увидел, что лицо её стало красным и спросил:

— Люда, что с тобой? Ты вся покраснела!

А она в этот момент увидела ангела, стоящего у окна, и думая, что это призрак, но всё-таки решилась говорить с ним и спрашивает:

— Кто ты?

Ответ:

— Я из четвёртого измерения.

— Как ты сюда попал?

— Меня прислал Отец Небесный!

— Буду я жить? — спросила Люда у ангела.

— Убери злобу, гордость, тщеславие.

И ангел скрылся. Вдруг она услышала повелительный голос, который ей сказал: «Вставай». Тогда она попросила мужа, чтобы он подал ей руку и, когда она взяла его за руку, он испугался, потому что она сильно жала его руку, и он подумал, что с нею что-то плохо, и вырвал свою руку. Голос ей вторично говорит:

— Дочь моя, вставай.

Она говорит: «Как, Господи?»

Ей в третий раз голос говорит: «Вставай!» — и сила Духа Святого поставила её на ноги. Муж ещё больше испугался, увидев на её тумбочке вилку и нож, и выбежал в коридор, а она за ним, восклицая: «Саша, меня Иисус исцелил!» Да это была поистине сделана Божья работа, чудо исцеления.

После совершённого чуда в больнице, её муж и вся больница пришли в великое удивление о происшедшем. Молва быстро распространилась на весь город и далеко за его пределы. Начали приезжать корреспонденты, брать интервью и печатать об этом во многих газетах.

Она стала совершенно здоровой и многие приезжали, и забирали её в другие места для свидетельства о том, какое чудо исцеления совершил над ней Господь по всей Западной Украине. Её муж Саша и детки уверовали и впоследствии стали членами Церкви. Это дало повод многим людям искать Бога и верующих после гонений, и после клеветы начали уважать и многие обратились к Богу. Саша и Люда активно включились в церковный труд, свидетельствуя дерзновенно о Господе во многих городах.

Началось потепление, пришла перестройка и начали проводиться открыто собрания по многим местам. Так, в Одесской области, с. Мавки начали собираться большие собрания и об этом стало известно во многих областях, и народ начал съезжаться с разных мест. Из-за границы начали приезжать первые проповедники, услышавши о свободе собраний. Организовалась группа прославления «Эмануил» под руководством Петра Сердиченко. Он же и руково-

дил собранием. В этих собраниях многие калялись в своих грехах, и Бог тут же крестил их Духом Святым. Молились также об исцелениях, и были положительные результаты. Молились об изгнании бесов, но только из неверующих, и тоже были освобождения. Люда там также свидетельствовала о своём чуде исцеления. Слухи об этом быстро распространялись. Радость была великая, как после долгой засухи. По местам начали строить молитвенные палатки. К нам приезжали гости из Германии, особенно те, которые уехали отсюда раньше. Зажженные Святым Духом, они дерзновенно свидетельствовали о Господе. Первой была Ира Мертес со своей сестрой.

Бабушку Люду и их мать Долю мы вначале приютили в Казахстане, куда они приехали к нам из Кисловодска, где их муж и отец, будучи партийным, не хотел с ними жить после того, как они уверовали в Господа, и они вынуждены были уехать к нам в Казахстан. Впоследствии мы их познакомили с верующими в Челябинске, и они пожелали переехать туда, где их мать Доля вышла замуж, а из Челябинска они переехали в г. Ангрен. У них уже было трое детей, сын и две дочери.

В Германии был организован библейский институт очный и заочный. Эти девушки-христианки поступили в этот институт, и их и ещё некоторых других направили вновь в Советский Союз, чтобы привлекать молодёжь учиться в институте и организовывать группы по Церквам, а также дали им учебный материал, чтобы они готовились сами и в дальнейшем могли приезжать и самостоятельно принимать экзамены. И поскольку Лене пришлось одиннадцать лет трудиться среди немецкого населения и нас многие там знали, то они приехали прямо к нам, чтобы здесь на Украине провести молодёжный съезд и предложить нам, чтобы и наша молодёжь имела возможность поступать и учиться в библейском институте. И после долгих рассуждений и молитв решили сделать его здесь, в Джанкое (Крым).

После долгих решений и молитв мы сразу приступили к делу веруя, что Господь выйдет к нам на встречу, и я поехал на завод к своему директору с просьбой выписать нам необходимый материал для строительства временного Молитвенного Дома, получившего название палатки. Он мне не возразил и на всё, что я просил, он дал своё согласие и сказал: «Идите, выбирайте всё, что вам подходит, и я выпишу». Молодёжь занялась тем, что начали делать объявления по областям Украины и по Кавказу, а нам пришлось потрудиться очень усердно, чтобы из ничего за пять дней до воскресенья построить палатку где-то на пятьсот мест.

Построить мы решили по согласию у моей старшей дочери в огороде, и Бог помог нам сделать каркас, крышу, и накрыть брезентами, а стены были открыты и сделали временные скамейки. И к воскресенью уже начали принимать гостей. Это было первое молодёжное собрание в Крыму, куда приехала также молодёжь из города Краснодара. Палатка была заполнена. Погода была хорошая. Служение прошло под великим энтузиазмом молодёжи и Божьим благословением. Гости из Германии предложили, чтобы по всем Церквям организовать группы для обучения и назначать старших для проведения обучения. Желаящих было очень много. Группы были организованы в каждом городе Крыма и почти в каждой Церкви.

Начались занятия, но на это требуются усердия и жертвенность себя и времени, но этого, к сожалению, надолго не хватило. Во-первых, не было квалифицированных преподавателей, во-вторых, у тех, которые внесли эту инициативу, не хватало на всё времени. Они обещали регулярно приезжать, проверять и направлять обучение, принимать экзамены у учащихся, но оно так только оказалось на словах. Молодёжь повзрослела, созрела для взрослой жизни, многие из них поженились, вышли замуж и постепенно всё потухло. Но мы в Джанкое впоследствии

палатку достроили, утеплили, покрыли её шифером, подбили потолок, постелили пол, вставили окна, двери, сделали сцену, построили котельную и провели газ, а также сделали отопление. Затем благоустроили её, и она наполнилась народом. Организовали хор, избрали регента и проводили детские классы и молодёжные собрания. Приезжали многие проповедники из Германии, из Гамбурга, а также приезжала христианская миссия из Минска и проводили евангелизационные служения три дня подряд. Много людей выходило на покаяние, особенно из интеллигенции: врачи, учителя, инженеры. Собрания были хорошие, и гости из Минска арендовали на несколько месяцев небольшой театр, чтобы там проводить Евангельские беседы с новообращёнными. После них из-за рубежа приехал пожилой пастор по откровению и привёз нам немного христианской литературы, а также проводил евангелизационные служения в Красногвардейском районе, который расположен в 25 км от Джанкоя. В с. Петровке организовалась Церковь, и они начали проводить богослужения в Красногвардейске, а также и в других сёлах. Из Луцка к нам в Джанкой приехала группа молодёжи евангелизировать Крым и поселилась в нашем городе во главе с Романцем Петром. Его отец, приехавший из Ровенской области, Романец Макар, поселился в Нижнегородском районе, с. Красное.

Мы присоединили к ним нашу молодёжь и постарались предоставить им несколько автомобилей для проведения Евангелизационных служений в таких сёлах, как: с. Яркое, Островское, Первомайского района, с. Калиновка и другие. Показывали фильм «Иисус», но этот огонь ревности был недостаточным, и часть их уехала обратно в Луцк, а остальные, побывавши в Риге, отделились от нас, приняли форму служения Ледяева и стали харизматами. К нашему счастью, молодёжь они не смогли прельстить и увлечь за собой. Впоследствии к нам приезжал миссионер, американец Мок-мел-Дура. Мы познакомились с ним

в Москве на конференции, и брат Виктор Иванович порекомендовал его многим нашим братьям, чтобы пригласили его к себе, и я дал ему приглашение приехать к нам в Крым, и со временем он приехал вместе с Кишенёвской группой. Они провели евангелизационное служение в Симферополе на стадионе и приехали к нам, и у нас проводили семь дней евангелизационные служения в клубе. У нас они располагались на ночлег, и мы их обслуживали, и каждый день присутствовали на их служениях. Кроме того, утром мы проводили один час в молитве. Итак, после всех этих трудов у нас образовалось несколько новых церквей в с. Островском, Красногвардейском, Новоандижанске и Ермаково, Комсомольске и многих других сёлах. Наша палатка действует и поныне, её только подремонтировали и обновили, и она продолжает наполняться народом.

Палатки также построили в Симферополе, Ялте, Феодосии. В Красноперекопске одна сестра разрешила также построить в её огороде палатку. И брат Николай Гелис организовал и закупил железнодорожные шпалы. Её построили, как настоящий дом, покрыли крышу, постелили пол, провели отопление, сделали торжественное открытие и начали собираться, и Церковь начала пополняться народом. В настоящее время эта Церковь насчитывает человек около ста.

В Армянске брат Николай, который обслуживал эту Церковь, построил на ранее купленной усадьбе небольшой дом для молитвы. Кроме того, они построили котельную и провели отопление, и Церковь начала возрастать. Сейчас она насчитывает человек около восьмидесяти. В дальнейшем, с согласием братьев-служителей рукоположили в Красноперекопске троих братьев на дьяконское служение, также и в Джанкое на пресвитерское и дьяконское служение, потому что нам приходилось обслуживать Нижнегорский р-н, Советский р-н и другие места по северному Крыму. Братья в Красноперекопске и Ар-

мянске под руководством брата Николая постоянно проводили евангелизационные служения по многим сёлам района, а также по Херсонской области в нескольких районах, таких как: Колочанский и др. И мы имели общение, как единое братство с г. Херсон, г. Каховкой, г. Николаевом, г. Мелитополем, с. Новоалексеевкой, с. Партизанами, с. Федоровкой, а также с Запорожской областью. Затем, после выезда в Америку епископов Пешкова и Иерусалимца, совершать служение поручили братьям, Туликову Геннадию и Суховинскому Владимиру.

Открытое принадлежит нам — прожитые годы, сокрытое, как будущее, принадлежит Господу.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворение "Иди за Мной"...	5
Вступление	6
Часть I	
Иди за мной.	8—10
Мое обращение.	11—14
Осень 1941 года	15—22
Часть II	
Глава первая. Начало пути	23—41
Глава вторая. Верность Господу	41—53
Глава третья. Дом Гая	53—57
Глава четвертая. Страдания и вера.	57—69
Глава пятая. Испытания.	70—80
Глава шестая. Арест	80—83
Глава седьмая. Этап.	83—85
Глава восьмая. Освобождение.	85—90
Глава девятая. Планы Божьих определений	90—94
Глава десятая. Впереди путь	94—114
Глава одиннадцатая. Станция Таинга	115—131
Глава двенадцатая. Прямые пути.	132—134

Глава тринадцатая. Диаконисы.	134—137
Глава четырнадцатая. Обольщение.	137—146
Глава пятнадцатая. Проходят годы.	146—151
Глава шестнадцатая. Джанкой	151—157
Глава семнадцатая. Таллинское движение	157—160
Глава восемнадцатая. Последние испытания	161—171

Гула Александр

ИДИ ЗА МНОЙ

Оформление художника

С. В. Тараника

Корректоры:

Л. Н. Смоленская, А. А. Игнатова

Сдано в набор 26.07.2005 г. Подписано в печать 05.09.2005 г. Формат бумаги 84 x 108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура шрифта "Балтика". Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,24 + 0,42 вкл. Учетно-изд. л. 8,24 + 0,50 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ 87.

Гигиеническое заключение № 23.КК.02.543.П.000728.02.02 от 06.02.2002 г.

Отпечатано на федеральном государственном унитарном предприятии
"Издательство "Советская Кубань"
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

Дорогие читатели!

Вы прочитали историю жизненного пути Александра Гулы. Это история не только его, многие из наших отцов и дедов прошли подобный, нелегкий жизненный путь. В конце концов это и наша история. История нашей страны, нашего народа, история нашей церкви, которая прошла нелегкий путь следования за Господом. Знать нашу историю надо и нам, и нашим детям. Светлая и добрая память о подвигах наших старших братьев всегда должна жить в наших сердцах.

Да хранит всех вас Бог.

М. В. Ноздрин.